

Жс 95
m 941

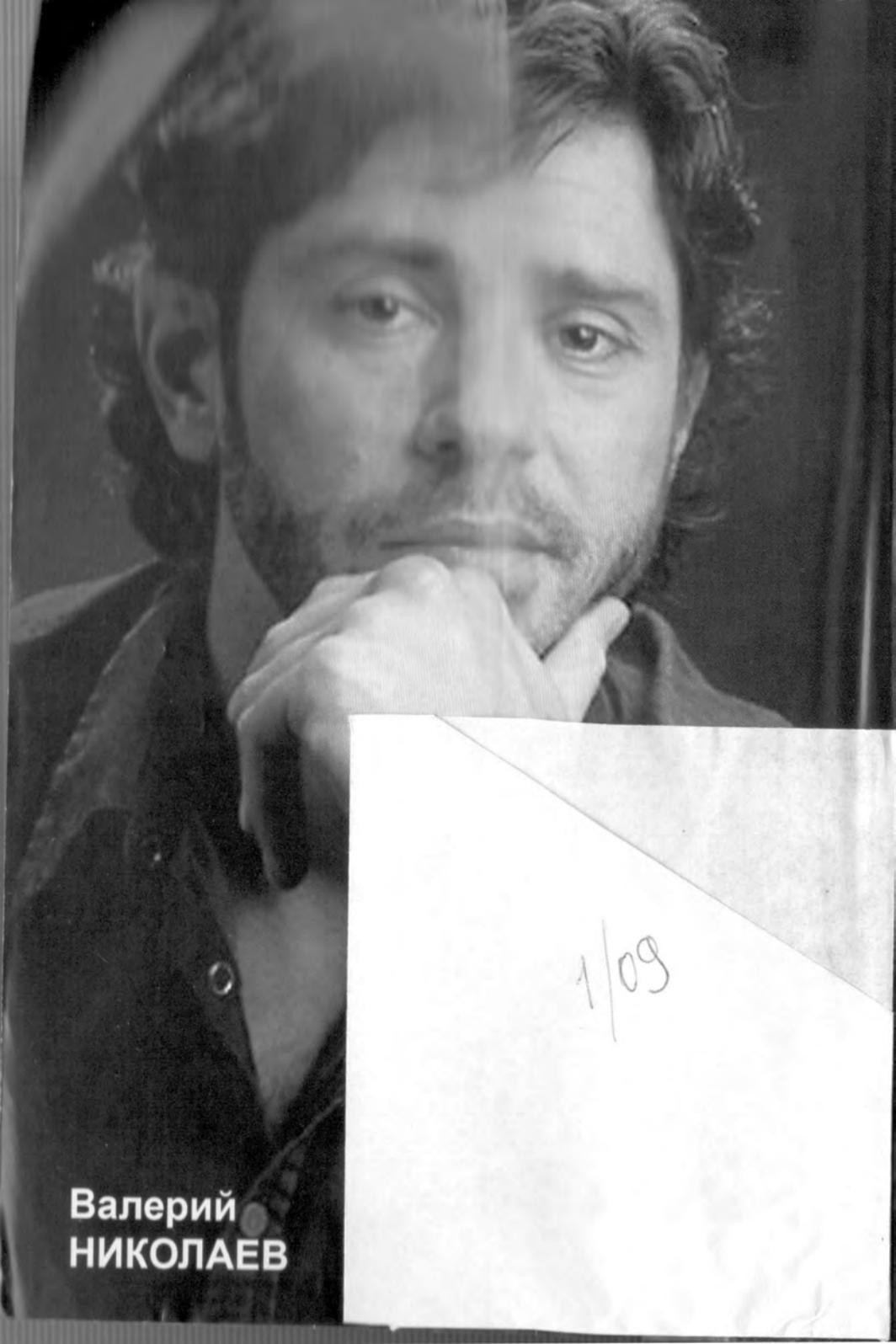
21

МЫ

1/2009

**БЕССМЕРТНЫЕ
ДЖИНСЫ**

1/09

Валерий
НИКОЛАЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

■ ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

- Константин Ваншенкин. Наставления подруги. Из лирики9
Людмила Уварова. Полюс сравнительной доступности. Повесть14
Эмманюэль Роблес. Невидимое древо. Повесть. Перевод с французского84

■ ПРОБА ПЕРА

- Марина. В темной комнате. Стихи42

■ ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

- Ал. Бродников. Любовь в эпоху рынка45
Письма в «Мы»2

■ КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

- Валерий Николаев: «Работать нужно везде»56

■ МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

- Сергей Чайкин. Бессмертные джинсы122
Новости виртуального мира, или Во что бы нам сыграть?128

■ МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

- Компакт-известия138
Группа «Город 312»: «Не страдаем манией величия». С участниками популярной рок-группы беседует журналист Рамазан Рамазанов146

■ ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

- Страницы сатиры и юмора133

■ КИНООБЗОР

- На наших экранах69

45

56

69

146

ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА
Иваново

отсутствуют страницы 2-3 в скане

который преподавал в гимназии, как учитель автор. Учитель при всём этом оказался гимназистом болваном. Показатель точно потребовал, чтобы учитель извинился, но он этого не сделал. На следующий день, гуляя в саду, он снова потребовал извинений. Учитель опять отговаривался. Тогда юноша вытащил пистолет и застрелился. Этот пример, конечно, нельзя считать нормой (нынешний ученик, скорее, дойдя до крайности, пристрелил бы обидчика), но он громоподобно вопиет о том, что нормой должно быть достоинство.

Сохранить достоинство, не став на позицию хама по принципу «сам дурак» — задача сложная. Потому что униженных и оскорбленных сегодня много больше, чем тех, кто способен ответить хаму и грубияну. Трудно жить достойно в недостойных человеческих условиях. Но другого пути к нормальной жизни нет. Вера заставила себя уважать. И чем больше будет таких, как она, тем меньше будет незаслуженно обиженных и оскорбленных, тем меньше будет в нашей жизни жестокости и зла.

НАРКОМАН — ЭТО ТРУС

Я была наркоманкой и хочу рассказать о той жизни. Я училась в нормальной школе в восьмом классе. Со мной в классе училась девочка-наркоманка. Вот с ней мы и стали подружками. Сначала вместе бухали, потом стали вмазываться. Первый раз попробовала — понравилось, ну а дальше почти каждый день. Из дома сдала почти все свои шмотки, и на душе как пропасть черная, ни чувств, ни даже любви к матери, ничего, кроме ненависти и злости ко всем людям. В школу вообще три месяца не ходила. Потом я поняла, из-за чего ходят со мной

так называемые подружки, — из-за денег. Обидно, конечно, было, но всё равно ходила с ними. Потом ушла из дома, специально, чтобы мать меня нашла, и тогда бы мне было проще сказать, что я колюсь.

Ну, так и получилось, положила она меня в наркологию. Триста штук отдали, а меня всё равно тянуло. Вышла я, ну и сразу же на домашнее обучение, чтобы снова не съехать. Приходили ко мне, уговаривали, чтобы я снова колоться стала. Но я вспомнила, из-за чего они со мной ходили, и не стала. А когда через два месяца в школу пришла, стала эта моя бывшая подружка разборки наводить. Разобрались вдвоем, я ее забила. На следующий день она привела девочку, но я тоже их поставила на место. Я только сейчас поняла, какая моя подруга овца. Со мной идет — про другую подругу всё, что не надо, говорит. А с ней про меня. А еще я люблю пацана из их компании, но не того, с которым дружила. Всё-таки жизнь очень зла. Может быть, прочитав мое письмо, кто-то из моих сверстников поймет, что наркота — это то, что открывает дорогу в ад. Может быть, кто-то из тех, кто колется, перестанет этим заниматься. Не колитесь, ведь наркоман — это трус.

*Кристина
Тюменская область*

От редакции. Наверное, Кристина считает, что она пристрастилась к наркотикам, потому что жизнь зла. И ошибается. Жизнь каждого человека зависит от того, какой он сам для себя ее сотворит. В самом деле, жизнь во всем ее многообразии в широком понимании этого объемного и многогранного по своей сути слова для всех одинакова. Не злая, не добрая. Условия, в которых мы с вами

живем, в сущности, одни и те же для всех. Естественно, для каждой социальной среды. Но вот один четырнадцатилетний мальчик из глухой провинции, из самой обычной среднестатистической, совсем не богатой семьи в этом юном возрасте становится студентом МГУ – самого престижного вуза страны. А, например, восемнадцатилетний столичный оболтус, сын вполне обеспеченного, уважаемого офицера-полковника, попадает в тюрьму. И исключительно по собственному инфантильному дебилизму. Оказывается, им с приятелем было очень скучно, а потому они заранее заготавливали груды камней и вечерами обстреливали ими проходящие мимо пригородные электрички. Можно сказать, что для них жизнь оказалась злом. Но ведь они сами внесли это зло в свою жизнь. Юному студенту жизнь не делала никаких подарков, ибо она никому ничего не дарит – ни добро, ни зло. Как раньше мы говорили – и совершенно справедливо: каждый сам кузнец своего счастья. И несчастья тоже.

Никто же не будет оспаривать очевидное: наркомания – несчастье. В чём его причина – трусость или что-то еще, не столь уж важно. Конечно, от бед и несчастий никто не застрахован – всякое в жизни случается. Однако в здравом рассудке невозможно понять, зачем человек сам становится причиной своих собственных бед.

Вот именно так и случилось с Кристиной. В своем письме она выражает надежду, что, познакомившись с ее историей, кто-то из юных читателей постарается не пойти ее путем. Хотелось бы, чтобы ее надежда сбылась. Только что-то не очень в нее верится. Пожалуй, все те, кто решил хотя бы попробовать наркотики, даже легкие, прекрасно знают, к чему это обязательно при-

ведет. И Кристина тоже знала. Однако же... Трудно даже предположить, какой вред она нанесла самой себе, своему здоровью, сколько горя причинила своей матери. И как же сама оказалась по-мелкому, по-жалкому труслива – я, мол, удеру из дома, а она пусть меня найдет, попереживав как следует, а уж тогда я во всем признаюсь... Да, можно сказать, осчастливила. Про материальный урон, который нанесли ее «шалости» ее семье, и говорить не будем. Думается, ее мама эти самые «триста штук» не на дороге нашла. А теперь Кристина говорит: девочки, слушайте меня... В общем, учитель жизни. А нам вот противнато было читать это хамское письмо. Чем с девочками разбираться – разобралась бы лучше сама с собой, выбросила бы солому из мозгов, если они еще остались.

Бесспорно, антинаркотическая пропаганда и нужна и важна. Но всё же главное и решающее слово – да или нет – всё равно должен сказать тот, кому предлагают взять в руки шприц или покурить «травку». Сколько статей написано о вреде наркотиков, сколько правильных и убедительных слов сказано, сколько проведено фестивалей и прочих акций типа «рок против наркотиков», «скажем наркотикам "нет"», а число наркоманов, прежде всего молодых, между тем стремительно растёт. Как в басне Крылова: «А Васька слушает, да ест». И будет есть до тех пор, пока ясно не осознает, что это не еда, а отравка.

ОН ВЕРНУЛ МЕНЯ К ЖИЗНИ

Была я еще совсем маленькой и глупой, когда это случилось со мной. Это я сейчас понимаю, что в пятнадцать лет умных девочек не бывает. Тебе кажется, что ты уже

выросла, родители на тебя махнули рукой, а неограниченная свобода и отсутствие необходимости хоть что-нибудь делать (кроме уроков, которые делать не обязательно) прямоком ведет к разгульной жизни, когда беззаботно, весело и никаких проблем.

В свои пятнадцать лет я была высокой, стройной и без всякой похвальбы скажу – златокудрой красавицей с зелеными глазами. Так что все считали, что мне никак не меньше восемнадцати лет.

Поклонников было пруд пруди, а я положила глаз на одного парня. Он был лет на десять старше меня и, судя по всему, очень опытный сердцеед. Эдакий метросексуал – весь ухоженный, элегантный... В общем, галантный кавалер. Познакомились, два дня повстречались, он пригласил меня в ресторан, а затем, как водится, отправились к нему домой «слушать музыку». После первого же бокала шампанского куда только пропала его элегантность и обходительность. В общем, вместо музыки наслушалась я кучу оскорблений, полных пренебрежения, как будто я подзаборная шлюха. А затем он меня изнасиловал, грубо, по-солдатски. Отчего, почему я заслужила такое отношение? Наверное, вся его словесная атака нужна была для того, чтобы показать мне, что я – дрянь. А раз так, то и нечего сопротивляться – давай, не мешкая, в койку. Я-то была против, но какое это имело для него значение.

После того вечера, когда всё произошло, у меня был шок. Я месяц сидела дома, заполняя дневники своими истерическими размышлениями. Месяц прошел, я отлежалась и снова вышла на улицу. Там я встретила свою первую любовь. Он был высокий, сильный, король дворовой тусовки. Забирал меня из

школы на машине. Я без труда стала королевой. Мы тусовались в одном подвале. Вечера проходили обычно по одной программе – сначала мы пили, потом гуляли, а затем расхаживали трахаться. Утром девчонки шли домой и в школу, а вечером всё повторялось.

Мы с моим ненаглядным часто ссорились. И знаете, что я делала? Шла на улицу, поближе к метро, со мной быстренько кто-нибудь знакомился, я тут же оставалась с ним на ночь, а если остаться было негде, всё можно было проделать в парадном или в машине. Возвращаясь домой, я думала: «Вот тебе, урод! Я не нужна тебе – и не надо. Я нужна другим!»

Так продолжалось около года, а потом мы расстались насовсем. Время шло, я продолжала ему «мстить» с каждым встречным-поперечным. Потихоньку успокоилась, но моя веселая жизнь меня вполне устраивала. Я купалась в своей «славе» под аплодисменты подруг и слёзы родителей.

Кстати, о родителях. Они отличные, образованные люди, очень меня любят. Никогда не поднимали на меня руку. После своих загулов я видела только заплаканное мамино лицо. Папа со мной не разговаривал и как бы видеть меня не хотел, но часа через три после моего возвращения домой они вместе заходили ко мне в комнату и спрашивали, не нужно ли мне чего. Я фыркала и отворачивалась к стене.

Постепенно я поднималась «выше» – в шестнадцать лет у меня было уже несколько не очень молодых богатых «мальчиков», которые дарили мне подарки и водили по хорошим ресторанам. Но привычка ложиться в постель в день знакомства осталась. Вроде мне это было ни к чему, и никакой потребности в этом не было. Просто, как говорится, плыла по течению.

И вот однажды одним прекрасным днем встретила я Максима. Не мачо, не секс-символ, просто обычный нормальный парень – приятный, располагающий к себе, интересный собеседник, правда, звезд с неба не хватает. Ну, в общем, это я потом поняла, что именно вот таким парням, от которых с первого взгляда вроде бы и не ослепнешь, на самом деле цены нет. Он знал обо мне всё – я имела обыкновение хвастаться своими «достижениями», вот до него и докатилась моя «слава». Да я и сама всё рассказала ему. Не удержался.

Месяца через три взбрело мне в голову с ним расстаться. Очень уж моя жизнь теперь не походила на прежнюю, пьяную да разгульную, когда я везде и всем была нужна. Однако по-настоящему, как я впоследствии убедилась, никому я на самом деле и не нужна была. Выпала из той прежней тусовки, и обо мне вскоре забыли. Во всяком случае, никто и не старался вернуть меня к прежним развлечениям. Все прекрасно обходились и без меня. Максим сумел удержать меня, сделать так, чтобы я была с ним. Он стал моим любимым, другом, ангелом-хранителем.

Не буду рассказывать все наши истории, он просто вытащил меня из всей этой грязи, отряхнул, почистил и оставил себе. Он – подарок неба. Сейчас, вспоминая свое прошлое, я не могу поверить, что это была я. Мне кажется, что всё это было очень-очень давно и, конечно, не со мной.

Вот я хочу сказать девчонкам, что от этой грязи невозможно очиститься ничем и никогда. Во всяком случае, очень и очень трудно. Со мной это происходило два года, и вот уже три я лечу тело и буду еще лечить не один год. А душу, я знаю, не вылечу уже никогда. Всё, всё, что ты делаешь, ляжет тенью на

счастье, если оно вдруг тебе выпадет, как это случилось со мной. Всё хотят нормальной, человеческой любви. Но ищут ее не в том месте. Но что бы ни случилось, всё поправимо, если спохватиться вовремя.

Марина, 20 лет
Москва

От редакции. Мы, равно как и Марина, считаем, что ей в жизни повезло: она вытянула счастливый билет – своего Максима. Он, понятное дело, слышал о Марине и ее «подвигах», да она и сама любила похвастаться своими «достижениями». И уж конечно, репутация ее была далеко не безупречной. Тем более что она не только не старалась, как можно было бы ожидать от нормальной девушки, явить себя миру лучше, чем она есть, но еще и гордилась своими «успехами», считая, что без труда стала «королевой».

Вообще все эти титулы в подростковых тусовках типа «королева» у людей, скажем так, «формальных» и не только взрослых, но ваших сверстников могут вызвать в лучшем случае лишь недоумение. А чаще всего – насмешливую иронию, за которой стоит снисходительно-пренебрежительное отношение ко всем этим «королевам» и «звездам», которые наивно полагают, что уж они-то на голову выше всех. А нормальная реакция на всех этих «суперстар» примерно такая: «Ну, подумаешь, королева! Морду намазала, юбку покороче надела – и заделалась королевой. А сама – ноль без палочки: учится кое-как, глупа до неимоверности да еще каждый день ложится под какого-нибудь нового клиента. Себя, значит, не уважает».

Королева есть королева. И этот титул не требует никаких объяснений. Не бывает королев чего-

нибудь – красоты, бензоколонки, дискотеки, пивного ларька. Даже первая красавица мира – всеобщего просто красная девушка. Да и то смотря на чей вкус. Так что причем здесь королева? Все самозванные королевы разного типа, вливая по сути, тщатся гордиться своими титулами (только кто, интересно их присвоил?), поскольку на самом-то деле похвастаться им больше нечем. Никто не ценит их «королевские достоинства», никто не воспринимает их всерьез, и уж тем более никому не придет в голову, что «королевская милость» может когда-то сделать их счастливыми. На самом деле все эти королевы мечтают, чтобы кто-то сделал счастливыми их самих. Но по не понятным им причинам их некоронованные подруги оказываются в жизни более удачливыми, быстрее и надежнее находят свое счастье. А они как были, так и остаются самозванками. Многие, конечно, знают знаменитый театральный принцип: королей играет свита. А какая «свита» может быть у недалеких девочек, которые чувствуют себя лучше, значительно лучше других только потому, что их сегодняшний парень – лидер тусовки? Но судьба таких, как правило, оказывается плачевной. Следующей «королевой» окажется новенькая, свеженькая девочка, которая по глупости попадет в такую компанию. А эта, бывшая... ну, думаем, всем всё понятно.

Можно предположить, что в первые же дни знакомства с Максимом Марина без тени сомнения поведала ему о своих прошлых «подвигах» – может быть, желала поднять себе цену, показать, кто здесь главный, за кем последнее слово. А скорее всего потому, что считала, что это очередной «проходной» вариант, и будущее у каждого из них – свое. А поговорить о чём-то надо – но где взять другие темы, когда тебя ниче-

го, кроме своих походов, больше не волнует? Однако всё сложилось иначе. Думается, что откровенность Марины сыграла здесь не последнюю роль. По большому счету, лучше всё честно и откровенно рассказать самой, ибо всё равно найдутся доброхоты (а они наверняка были), которые постараются рассказать парню всю «правду-матку», как всегда в таких случаях приукрасив ее и добавив грязи. К тому же всегда «выгодно» накопосить подружке: ведь чем нелестнее будет выглядеть она, тем выигрышнее на этом фоне будешь смотреться ты.

Видимо, все эти Маринины признания стали для нее своеобразной исповедью. Не перед Максимом даже – перед самой собой. Быть честным в подобной ситуации очень тяжело, потому что в этом случае ты сам себе судья, которому нет необходимости лукавить и оправдывать прошлые подвиги. Но только так, пройдя через чистилище собственной совести, можно начать новую жизнь. Марина нашла в себе силы перешагнуть черту, отделяющую зло от добра, иллюзорную славу «королевы подвалов» – а в сущности, помоек – которая, выбравшись из них, превратилась из гадкого утенка в красивого лебедя.

Только вот интересно – надолго ли. Да, Максим оставил ее себе. Пока. Но ведь никто не может поручиться, что его чувство к Марине будет глубоким и долгим. Хотелось бы верить, конечно, в хорошее – но действительность, увы, как правило, преподносит совсем другие варианты. И, конечно, нужно найти в себе немало душевных и жизненных сил, чтобы навсегда отказаться от ресторанов, чужих автомобилей, богатых «папиков» и всего того, что приносит красивая «королевская» жизнь.

Константин
ВАНШЕНКИН

НАСТАВЛЕНИЯ ПОДРУГИ

Из лирики

РАЗНЫЕ СТОРОНЫ

Северная сторона
Откровенно холодна.
Её ценят только в зной
Ослепительно сквозной.

Ну а южная жарка
И для солнца широка.
Её только в холода
Уважают города.

Обожди, а как же мы?
Среди лета и зимы
Нам с тобою всё равно –
Только было бы окно.

ЖЕНЩИНА

Как женщину, любил
Роскошную машину –
Большие деньги вбил
По своему почину.

Смотрел в окно, дрожа –
Она в ответ сияла,
Пока без гаража,
Несчастливая, стояла.

Какой ужасный гнёт
Следить ночами-днями,
Как бедная гниёт
Под снегом и дождями.

Поним и без суда,
Что всё непоправимо,
Сгорает со стыда,
Когда проходит мимо.

ВАЛЕНКИ

Вместо тапочек у ней
Валенки на босу ногу.
Вновь один из зимних дней
Угасает понемногу.

Молча глянуть на леса,
Уходящие покато.
А над ними полоса
Сизо-красного заката.

Ну а валенки у ней
Служат той корыстной цели,
Что не выдумать умней,
Если сбросить у постели.

* * *

Очень долго не хотела,
Всё держалась за своё,
А мои душа и тело
Просто жаждали ее.

Но впоследствии так живо
Вдруг обрадовалась мне,
И ни капли не фальшиво,
А естественно вполне.

Иногда пригубить снова
Стоит прошлого бокал...
Но злорадства никакого
Я уже не испытал.

НАСТАВЛЕНИЯ ПОДРУГИ

Сперва ему пошли улыбку,
Небрежно, на ходу –
Как бы почтовую открытку,
Где нежность на виду.

Он растеряется в два счёта,
А ты с ладони сдуй

Неосязаемое что-то –
Воздушный поцелуй.

ТРОЙКА

– Как здоровье?.. Ответил: – На тройку!.. –
А когда-то под этим словом
Понимали летящую тройку
Да еще с разливным бубенцом.

Понимали старинную повесть
О венчанье в российских снегах
И медвежью тяжелую полость
На замерзших прелестных ногах.

Посильнее иных иномарок
Хриплый крик ямщика: – Не балуй! –
Да свечной драгоценный огарок,
Да ночной потайной поцелуй.

ПОКА!

Словечко легкое дарила,
Любимое наверняка,
Когда, прощаясь, говорила
Свое небрежное: – Пока!

Так ручкой делала при этом
С доброжелательностью всей
И обязательным приветом
Для остальных её друзей.

И выглядело всё сначала
Забавно, может быть, слегка,
Пока однажды не сказала
Она последнего «пока».

СУДОРОГА

За окном почти светло,
Золотится занавеска.
Ногу женщине светло
Неожиданно и резко.

Близ предутреннего сна
Не казалась психопаткой,
Но теперь уже она
В пол колотит голой пяткой.

Обрести былой покой
Откровенно хочет сдуру,
И что снимет, как рукой, –
Верит в эту процедуру.

Впрочем, пусть не помогла
Допотопная сноровка,
Но во взоре тает мгла,
И немножечко неловко.

ПРИБОЙ

Море наваливалось на пляж
Шумной стеной прибоя,
Подозреваю, что с целью краж
Или, скорей, разбоя.

В чём состоял его скромный приз
Сквозь воровское сито?
Как понимаете, что-то из
Пляжного реквизита.

Меж топчанами сломав замок,
Видимо, для затравки,
Взять бесполезное под шумок:
Лифчики или плавки.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Дня голубой ожог,
Глубины ледяные.
Порхающий снежок,
Чешуйки слюдяные.

Пространство над лужком
Перепополняться может
Пластинчатым снежком,
Как роем летних мошек,

Свалившихся с высот,
Крутящихся столбами.
То вдруг их вбок снесёт,
То вновь они пред вами,

На шапке, на плече,
Собою мир заполня,
В прожекторном луче
Немыслимого полдня.

Лыжня ведёт к селу,
Под горочку, не так ли?
– Опять ты трёшь скулу.
Не холодно? – Ни капли!..

ПЕРЕД ДОЖДЁМ

Зубы не скальте.
Знаете, чей
Здесь, на асфальте,
Жёлтый ручей?

Не из Китая
Эта река –
Вьётся такая
После пивка.

Воблы огрызок
Видится, тощ.
...Кажется, близок
Всё-таки дождь.

Тут же от рака
Красный каркас...
Ливень, однако,
Хлынет как раз.

ПОСЛЕ ЖАРКОГО ДНЯ

Поскольку прохлады просит
Нагревшийся березняк,
Проветривается просек,
Устраивается сквозняк.

Продута насквозь аллея,
Сужающаяся вдали,
Где брезжит закат, алея
В уже золотой пыли.

И тянет по душным чашам,
Чей облик тебе знаком,
Каким-то почти знобящим
Целительным холодком.

ПОЛЮС СРАВНИТЕЛЬНОЙ ДОСТУПНОСТИ

Повесть

Иллюстрации Дмитрия Дьякова

Примерно раз в два - два с половиной месяца у деда собираются его старые фронтовые друзья.

Дед говорил:

- Поначалу собиралось человек десять - двенадцать, потом год от года их становилось всё меньше, теперь осталось всего-то навсего трое.

Дед называет их "мои комбатанты".

Он стоит рядом со мною у окна, за окном палисадник, довольно чахлый с вида, с яблонями, которые давным-давно уже не дают ни единого яблочка. Вдоль штакетника, некогда светлого, березового, нынче уже изрядно потемневшего и ветхого, растет медленно высыхающая акация, кое-где среди акации - колючие даже на взгляд кусты выродившегося крыжовника. Если высунуться из окна подальше, можно увидеть краешек улицы, носящей смешное название "Коровий вал", хотя, право же, сколько ни вглядывайся, нигде ни одной коровы не увидишь. Наверное, когда-то, в древности, здесь было коровье стойбище или сюда приходили пастись коровы со всего Замоскворечья.

Кто знает...

Тишина кругом, словно и не Москва вовсе, а какой-то заштатный городок где-то в глуши.

Особняк, в котором живем мы с дедом, - ветеран Коровьего вала. Последний в своем роде. Недалек час, когда его окончательно снесут, и на месте его выстроят очередной гигант блочно-панельный или же кирпичный. Так будет скоро. Очень даже скоро. Но пока что мы всё еще про-

Людмила Захаровна Уварова (1918 - 1990) – прозаик, очеркист, журналист. Одна из самых популярных писательниц 1970-1980-х годов. Первая книга «Ольховка слушает», вышедшая в конце 1950-х годов, была отмечена Юрием Нагибиным как большая удача. Неизменным успехом пользовались ее книги, включавшие рассказы и повести о взаимоотношениях поколений, о любви и семейных проблемах.

Повесть «Полюс сравнительной доступности» была написана писательницей в 1989 году специально для нашего журнала.

должаем жить в этом древнем жилище, которому, должно быть, никак не меньше ста лет. А может быть, даже еще больше.

- Сейчас заявятся, - говорит дед, не отводя глаз от дорожки палисадника, ведущей к дому. - Подожди еще немного.

- А мне спешить некуда, - отвечаю я. Дед улыбается, по-прежнему глядя в окно.

Он высок, худ, костист, лицо остроскулое, в глубоких морщинах, однако глаза так живо, так весело блещут, что кажутся совершенно молодыми, да и сам дед выглядит моложе своих далеко не малых лет. Может быть, потому, что он худой, волосы негусто пересыпаны сединой или же потому, что глаза у него поистине нестареющие, не выцветшие от времени.

Закинув голову, гляжу на него, близко вижу пористую кожу, щеки, крутой подбородок, небрежно выбритый, короткую темно-коричневую бровь.

Дед чувствует мой взгляд, обнимает одной рукой мои плечи, очевидно, хочет что-то сказать или спросить о чём-либо, но в эту минуту по дорожке палисадника, мы видим, идут его комбатанты.

Впереди Савва Алексеевич Черноусов, тоже, как и дед, в прошлом летчик, на пару с дедом летал на тяжелых бомбардировщиках, бомбил фашистов, за ним Яков Яковлевич Кашпур, бортинженер, они его все зовут Якак, толстый, с нежно розовеющей кожей черепа под остатками сероватых, легких волос. Брата Якака, раньше работавшего на одном из полевых аэродромов на Северо-Западном фронте, зовут Сергей Яковлевич Кашпур.

Больше всех я люблю его, он - открытый, добрый, с негасимо-ровным характером. Никогда ни на кого не раздражается, не обидчив, всегда веселый, хотя нельзя сказать, чтобы был уж очень счастливый: много лет живет один, ни жены, ни детей, и комнатенка у него незавидная, не то, что у брата, тот поменял уже третью квартиру, одна другой лучше и просторней, у него дочь и два сына, оба деляги, умельцы, как говорит дед, из рук ни у одного, ни у другого ничего не вывалится. Впрочем, дополняет дед, сам Якак тоже мимо рта не пронесет...

Савва Алексеевич - бывший красавец, светловолосый, светлоглазый, улыбка - чарующая. Разумеется, поблек, пооблинял за эти годы, но всё еще красив поздней, увядающей день ото дня красотой, знает себе цену и, надо думать, неподдельно переживает свое старение.

При всем при том у комбатантов славное боевое прошлое, все воевали на самой передовой, самой опасной линии, у всех наград видимо-невидимо, Савва Алексеевич даже Герой Советского Союза, но мне еще ни разу не пришлось видеть его с Золотой Звездой.

- Он у нас скромняга, - говорит дед. Должно быть, так оно и есть.

Мы сидим за столом, на котором стоит пирог с капустой, мое произведение, которым я искренне горжусь, запеченная в духовке золотисторозовая курица, картофельный салат под майонезом и красуется бутылка вишневой наливки, дед сам настоял ее еще летом, в августе.

- Вот это харч, вот это да! - Сергей Яковлевич потирает ладоши; он любит вкусно поесть, к тому же не дурак выпить. - Ну и внучка у тебя, Слава, одна на миллион!

- Бери выше, - серьезно замечает дед, - Одна на всю планету!

Они справно едят салат и курицу, пьют наливку, чокаясь полными стопками. Савва Алексеевич говорит задумчиво:

- Это прекрасно, когда человек с детства приучен делать всё то, что положено, и хозяйничать, и трудиться, и не быть никому в тягость.

Дед бегло проводит широкой ладонью по моей голове.

- Да, Маруся у нас - человек неизбалованный... Только всё-таки я бы хотел, чтобы моей Марусе жилось полегче.

- А ей что, трудно живется? - спрашивает Якяк.

- Теперь нет, вроде бы ничего, а было...

Дед обрывает себя и заканчивает почти сердито:

- Всяко бывало, за что ни возьмись...

- И у моего старшего, Артика, тоже всякое было, - замечает чадолюбивый Якяк. - Потому он у нас выносливый, закаленный, одним словом!

Сидя за столом, он восторженно рассказывает о дочке Аллочке, будущей знаменитой певице, по его мнению.

- У нее голос - один в мире, - утверждает Якяк. - Вы себе представить не можете, что за тембр!

- Будет тебе, - досадливо перебивает его брат, но Якяка нелегко смутить, сердито бросает брату через плечо:

- Ты мне просто завидуешь, у самого детей нет, вот и скрежещешь зубами от зависти.

- Чудак-человек, - беззлобно парирует Сергей Яковлевич. - Можно подумать, что я твою дочь не люблю. Она же мне как-никак родная племянница!

- А если любишь, тогда признай ее талант и сценическое обаяние!

- Ладно, - примирительно говорит дед. - Давайте, друзья, ударим по зарвавшейся вишневой наливке, сам для вас вишни собирал на садовом участке...

- На моем, - добавляет Савва Алексеевич. - Я - свидетель: целый день ничего не делал, на траве валялся, а Слава всё дерево оборвал...

- Для вас всех старался, - говорит дед.

Иногда они вспоминают былые дни. Вспоминают тех, кого уже никогда не будет с ними, и тех, кто живет где-то далеко от Москвы.

И еще говорят о том, сколько у кого насчитывалось боевых вылетов.

Как я люблю деда в эти минуты! Серые волосы его падают на лоб, глаза расширились, стали больше, яснее. Может быть, ему представляется сейчас, что время повернуло далеко назад, он снова молод, силен, одет в меховой комбинезон, на ногах неуклюжие унты. Сейчас у него короткий перекур, где-то неподалеку техники готовят его боевой самолет к вылету, еще немного, минут пятнадцать - двадцать, и он взвоет на небо, а вслед за ним полетят его друзья один за другим со своим тяжелым, смертельным грузом бомбить врага.

Мне хочется прижаться щекой к руке деда, ощутить ее ровное тепло, милую сердцу шероховатость и так вот застыть ненадолго, и чтобы он не отнимал руки, чтобы его ладонь согревала мою щеку...

Порой с нами за столом сидит моя подруга Люля. Она - хорошенькая, сознающая свою привлекательность, у нее узкое, тонкое лицо, румянец то вспыхнет, то гаснет, быстрый, как бы скользящий взгляд зеленоватых, слегка прищуренных глаз, нежные губы всегда полуоткрыты, будто ей постоянно жарко.

Дед как увидел Люлю, сразу же заключил:

- Девочка миленькая, только не любит глядеть прямо.

- Как это так? - не поняла я.

- Понаблюдай-ка за нею, - посоветовал дед. - Ведь она всё время то бок глядит, то поверх головы, будто бы не желает встречаться взглядом.

Правда, мне самой тоже иной раз казалось, что Люля словно бы бежит, прячется от чьих-то глаз, но в конце-то концов разве в этом дело? Главное - это то, что мы подруги, дружим с детского сада, и, как мне ду- малось, будем дружить до самой нашей последней минуты.

Люля молча слушала рассказы деда и его комбатантов, никогда никого не прерывая, не произнося ни слова. Я ее спрашивала после:

- Как? Тебе интересно было?

- Интересно, - отвечала Люля, слегка улыбаясь маленьким, влажным ртом.

Я сказала деду:

- Конечно, возможно, ты и прав, но Люля - моя самая близкая подруга, и я никогда никому не позволю говорить о ней плохо!

Дед посмотрел на меня, как мне показалось, с жалостью. Произнес, словно бы про себя:

- И трудно же тебе придется в жизни!

- Почему трудно? - удивилась я.

- Ты доверчивая, а доверчивым всегда труднее, чем скептикам.

- Это тебе кажется, - сказала я.

Дед покачал головой:

- Нет, не кажется, так оно и есть. А Люля твоя, сдается мне, не очень искренний человек.

Я спросила не сразу:

- Выходит, ей нельзя доверять?

- Я бы на твоём месте поостерегся доверять ей, - сказал дед.

Почему я тогда не вслушалась так, как следует, в эти слова? Почему не вняла умному, доброму совету? Ведь дед был умудрен немалым своим житейским опытом, ещё, помнится, мама говорила: он хорошо разбирается в людях. А я не послушалась, позабыла об этих его словах. На- чисто позабыла. И вспомнить пришлось лишь спустя какое-то время. Од- нажды...

Дед любит гостей. Эту его особенность переняла мама, она тоже лю- била гостей, причем ее никогда не смущало ни количество людей, ни скудное угощение.

- А! - беспечно говорила мама. - Чай с хлебом, в конце концов, тоже не последнее дело, особенно если чай хорошо заварен, а хлеб свежий, но если к тому же имеется винегрет, плавленный сыр и маринованная тюлька, тогда и вправду - пир на весь мир!

Дед был точно такой. Кто бы ни зашел к нему, он первым делом уса- живал за стол.

Больше всего я любила сидеть возле деда за столом, когда у него со- бирались старые его фронтовые друзья, его комбатанты. Мне они все представлялись древними стариками, но в то же время я считала каждого подлинным героем. Шутка ли, они летали в войну на тяжелых бомбарди- ровщиках, они первыми начали бомбить Берлин в начале войны.

Иной раз до смерти хотелось спать, но я не уходила, всё слушала де- довых комбатантов, смотрела на них, и казалось порой - время внезап- но отодвинулось чуть ли не на полвека назад, они все снова молоды,

сильны, полны надежд, которым, может быть, и не суждено сбыться мечтают о победе, до которой кто-то не доживет.

* * *

Я живу у деда сравнительно недавно, всего лишь около двух лет. Раньше всю жизнь прожила с родителями.

Когда мне было двенадцать лет, мама умерла от сердечного приступа, спустя приблизительно месяца полтора, что ли, отец снова женился.

Не знаю, почему он так быстро женился, иные утверждали - давняя связь.

Возможно, так оно и было.

При маме у нас всегда было весело, шумно, часто приходили гости, порой мама брала гитару, начинала петь, аккомпанируя сама себе, какой-нибудь старинный романс, вроде "Отцвели уж давно хризантемы в саду", грустные слова прерывались маминым смехом, до чего же она была жизнерадостна и смешлива! До сих пор помнится, как она пела, опустив ресницы и высоко закинув голову, так, что хорошо было видно ее круглое, чуть порозовевшее горло, слегка дрожавшее, словно у голубя, как смеялась по-детски залившимся смехом и после ладошкой вытирала слезы, выступившие на глазах от смеха...

Новую жену отца звали весьма вычурно - Аделина, отец звал ее малышкой.

Мне казалось, это он с мамой никогда не обращался так нежно и ласково, как с Аделиной. Почему? Не знаю, не ведаю, но что было, то было.

Аделина была выше ростом отца почти на полголовы, очень худая, костистая, всё в ней было каким-то удлинённым: длинный, безгубый рот, тщательно выщипанные брови, крашенные перекистью желтоватые волосы, длинные руки, длинные ноги.

С ее приходом в нашем доме установилась ничем не перебиваемая тишина. Аделина не выносила чужих людей, и к нам перестали ходить гости. Да и сам дом наш внешне переменился: старую мебель Аделина тут же выкинула, незамедлительно купила новую, и обе наши комнаты потеряли свой особый, только им присущий колорит, не похожий ни на какой другой. Они стали точно такими же, как и остальные комнаты во всех домах, в том, в котором мы жили, или в соседних: полированная стенка, торшер, сервант с посудой, журнальный столик с кривыми, словно у таксы, ножками и вокруг столика два кресла.

Как-то к нам пришел мой дед, мамин отец. Он давно уже жил один, бабушка умерла еще при жизни мамы. Дед посидел у нас недолго. Аделина подала чай в новых маленьких чашечках, заменивших наши старые уютные чашки в пестрый горошек, поставила на стол сахар в затейливой металлической сахарнице, сушки в керамической вазочке. Всё красиво оформлено и как-то поразительно бездушно. Или, может быть, мне это просто казалось?

Казалось потому, что при маме всё было совсем, совсем не так, пусть клеенка на столе вместо скатерти, и заварной чайник с отбитым носиком, и вазочка для печенья отнюдь не фирмовая, но зато было всегда весело, раскованно, свободно, а теперь мы все чинно сидели вокруг стола, чинно отпивали из чашечек слабо заваренный чай (Аделина не признавала крепкой заварки), и разговор шел, что называется, на полусогнутых.

Аделина, опустив голову, подсчитывала про себя петли, по целым вечерам она вязала отцу нескончаемый свитер блекло-голубого цвета с белой полоской вокруг горла, спицы мелькали в длинных ее пальцах, брови разобоченно сдвинуты.

Таким образом мы просидели за чаем что-нибудь около минут сорока, не промолвив почти ни единого слова, лишь Аделина время от времени поднимала голову и, обводя нас туманным взглядом, вежливо осведомлялась:

- Кому еще чаю?..

Я вышла проводить деда до метро. Было холодно, дул резкий ветер, но дед всегда одевался легко, никогда не носил ни перчаток, ни варежек, плечи его обтягивала старенькая стеганая темно-синяя куртка, которая сохранилась у деда с тех давних пор, когда он летал на тяжелом бомбардировщике бомбить фашистские города.

Мы шли с ним рядом, нога к ноге, я старалась не отставать от него, он шагал размашисто, высоко подняя голову, чуть поводя плечами, словно собирался пуститься в пляс.

Потом внезапно остановился, и я остановилась вместе с ним. Он спросил:

- Как у тебя отношения с новой женой отца?

- С Аделиной? - переспросила я.

- Да, с Аделиной.

- Нормально, - ответила я.

- Врешь, - сказал дед.

- В общем, мы не мешаем друг другу.

Я всегда боялась чужого сострадания, чужой жалости. Потому я старалась выглядеть на все сто счастливой, всем и всеми довольной, этакой ухоженной девочкой из хорошей, благополучной семьи и, уж само собой, нисколько не вызывающей какого бы то ни было сочувствия к своей участи.

Дед пристально посмотрел на меня, взгляд его показался мне задумчивым, даже, скорее, печальным.

- Вылитая Лёля, - сказал дед, голос его едва заметно дрогнул, но я ощутила эту дрожь. - Та тоже терпеть не могла ныть, всегда хотела казаться самой что ни на есть бодрой и сильной!

- Да, мама была именно такая, - согласилась я.

- И ты такая, - заключил дед.

Несколько шагов мы прошли молча, потом он снова начал:

- А с отцом у тебя как?

- Всё нормально, - сказала я. - Чего ты, дед, беспокоишься?

- Я? Беспокоюсь? Нисколько!

Он вынул из кармана куртки пачку папирос, хотел было закурить, но передумал, спрятал пачку обратно в карман.

Глядя прямо перед собой, он внезапно спросил меня, не поворачивая головы:

- Ты бы хотела жить у меня?

Он еще спрашивал! Я даже зажмурилась от счастья. Это было бы чудесно хорошо, чтобы сбыться. Ведь с той поры, как умерла мама, я часто думала - хорошо бы жить вместе с дедом. Только с ним одним.

Вот было бы здорово! Мы с дедом всегда отлично понимали друг друга, он никогда не подыгрывал мне, не старался казаться не похожим на

самого себя, он был такой, каким и являлся на самом деле, искренним, прямым, не умеющим лукавить, до смешного нехитрым.

Мама не раз говорила о нем: "Мой отец - человек лобового удара", - еще как-то сказала, я сама слышала: "У отца душа с растянутой молнией".

- Поговори с папой, - сказала я.

- Думаешь, он согласится? - спросил дед.

Я чуть было не засмеялась в голос. Папа не согласится? Да он, как мне порой казалось, и вовсе позабыл о том, что у него имеется дочь. Одна Аделина, его длинная малышка, владела им, больше никто.

Но к чему деду знать обо всём, что творилось в нашем доме?

- Думаю, согласится. В конце концов, вдруг у них пойдут дети, тогда и с Аделиной не до меня будет...

- Дети, - повторил дед и усмехнулся. - Ну, знаешь, дружок, ты сильно преувеличиваешь возможности твоего отца. И, кстати, Аделины тоже, ей надо думать, что-нибудь за сорок, не правда ли?

- Не знаю, - сказала я. - Может быть, и за сорок. А что, в таком случае уже не может быть детей?

- Это уж как у кого получается, - ответил дед.

* * *

В Замоскворечье, на Коровьем валу, у деда были три комнатки, крохотные, наверное, не ошибусь, если скажу, что общей площадью что-нибудь метров в двадцать три, не больше. Потолки низкие, в каждой комнате печка-голландка в старинных цветных изразцах, на кухне лежанка, тоже выложенная изразцами. Топить печки, как я вскоре убедилась, было одно удовольствие. Они долго держали тепло, от них на расстоянии веяло жаром, и еще мне нравилось открывать дверцу, глядеть на огонь, шумевший внутри, из пурпурного становившийся бледно-розовым, а потом постепенно синим и голубым.

Квартира эта досталась деду в наследство от его отца, а тот поселился здесь еще при жизни своего деда.

- Вот ты где будешь жить, - сказал дед, приведя меня в маленькую комнатку, в которой стояла узкая деревянная кровать, прямоугольный столик и старинное, покрытое пледом кресло с высокой спинкой. - Здесь когда-то жила твоя мама.

- Помню, - сказала я, - мы с мамой приходили сюда иногда и мама каждый раз говорила: как хорошо побывать в старой своей обители...

- В старой обители, - как бы про себя проговорил дед, сильное, в глубоких морщинах лицо его слегка исказилось, словно он силился не показать то ли внезапно вступившей боли, то ли невольных слёз. Но я сделала вид, что ничего не вижу, пусть дед не заподозрит ни на секунду, что мне стало его жаль, до того жаль, что я чуть было не разревелась.

В эту минуту за окном послышался звонкий, настойчивый лай.

- Это Картузик, - сказал дед, встал, открыл дверь, в комнату вбежал мохнатый ярко-рыжий пес, блеснул на меня черным, круглым, неистовым глазом, залаял опять сперва сердито, потом чуть удивленно, потом уже примирительно, почти ласково. Я подозвала его, он подошел ко мне, просунул под мою руку лобастую голову.

- Ты не бойся его, - сказал дед. - Он никогда не укусит!

- Когда это я боялась собак? - спросила я. - Послушай, дед, у тебя же другая собака была? Звали ее, кажется, Крапива?

- Нет больше Крапивы.

Дед вздохнул.

- Куда она делась?

- Куда они все деваются? Однажды утром почувствовала, наверное, смерть близко, улучила момент, убежала из дома. Я ее весь день искал, никак не мог отыскать и только лишь на следующий вечер нашел недалеко отсюда, на Житной: лежит в заброшенном малиннике, как живая, лапки под себя, словно спит...

- Поразительные существа собаки, - помолчал, снова начал дед. - Так преданы человеку, что можно только диву даваться. Любят хозяина намного сильнее, чем самих себя, и вот что удивительно: не только не хотят, но просто-напросто боятся хотя бы чем-нибудь опечалить его, потому даже умирать уходят из дома, чтобы никто не видел их в эти минуты...

- А я не знала, - сказала я. - Давно уже не была у тебя...

- А за это время у меня новый жилец появился, месяца два назад один мой фронтовой друг принес в картузе этукую кроху, хочешь, спрашивает, возьми щенка, мне его девать некуда, у меня их пятеро.

- И ты взял?

- А что было делать? Гляжу, лежит в старом картузе, глазенки блестят, шерстка рыжая, лапки белые, как в перчаточках. Взял на руки, сразу же решил - останется у меня. Так и остался!

- Ты его Картузом назвал? - спросила я.

- Как же иначе? Мне же его в картузе принесли...

Услышав свое имя, Картуз поднял голову, черный, влажный нос его сморщился, блеснули белые, трогательно мелкие зубки.

- Он умеет подавать лапку, петь под гитару и улыбаться, - сказал дед. - Погляди! Улыбается всюю...

Картуз встал на задние лапки, вытянул передние к деду, как бы умоляя его о чём-то. Круглые прелестные глаза его смотрели на деда с открытым обожанием. В самом деле, можно было поверить, что собаки любят хозяев куда больше, чем самих себя...

* * *

Как-то, когда мы Люлей вместе возвращались домой из школы, а мы всегда возвращались вместе, то она меня провожала, то я ее, Люля сказала:

- А ты, если хочешь знать, восхищенец! Самый настоящий восхищенец!

- Чем же я восхищенец? - спросила я.

Люля пожала узкими плечиками.

- Всем. Вечно всеми восхищаешься. Все у тебя прекрасные, замечательные, превосходные.

Я возразила:

- Просто я стараюсь видеть в людях хорошее и не замечать плохое, а это, разумеется, не так уж плохо!

Люля усмехнулась. У нее была такая особенность - усмехнуться, чуть опустив голову, будто разглядывая что-то, видное только ей одной.

- Как тебе сказать, может быть, не так уж и плохо, но не так уж умно. И Серёжа тоже так считает.

- Серёжа? - переспросила я.

Люля кивнула. Я знала, она не врет, она и вообще-то не была врушкой, но то был удар ниже пояса. Потому что в Серёжу я была влюблена. Об этом не знал никто, кроме Люли, одной Люле я доверила жгучую свою тайну, а больше никому на всем свете.

- А когда Серёжа сказал тебе, что я восхищенец?

Я спросила небрежно, как бы между прочим, как бы так вот, не думая ни о чём, спросила и спросила, вот и всё! Но Люлю трудно было обмануть.

- Нечего притворяться, - отрезала она. - Нечего притворяться, будто бы тебе всё равно, что о тебе Серёжа думает. Будто бы я не знаю!

- Ну и знай себе на здоровье, - мрачно ответила я.

Люля произнесла примирительно:

- Не надо сердиться, тебе не идет! А Серёжа сказал, когда уже не помню, что ты и в самом деле порядочный восхищенец...

- Но это же лучше, чем всех всегда хаять, - сказала я. - Разве не правда?

Сказала я так неспроста: Люля постоянно над всеми насмеялась, все у нее были некрасивые, смешные, кривляки, врунишки, дураки, уроды.

Люля, как мне показалось, поняла мой намек, однако не подала вида, сказала:

- Да, наверное, так лучше - никогда никого не ругать и всеми восхищаться. К слову, мне очень, очень понравились и дед твой и его друзья.

Она вытянула вперед губы трубочкой, как бы подчеркивая свои слова.

- Очень, очень...

Время от времени я сочиняла стихи. Но не показывала их никому, даже деду. Одной только Люле, а больше никому.

Однажды я сочинила стихи, посвященные Серёже. Стихи эти мне самой казались интересными, хорошо написанными и, главное, выражали очень точно мое к Серёже отношение.

*Я тебя провожаю глазами,
О тебе я мечтаю ночами,
Да и днем всегда о тебе.
Ты мне чудишься в каждом движении,
В каждом мимо летящем мгновенье,
В каждом голосе, в каждой судьбе.
Если можешь - ответь,
А не можешь - молчи,
Только помни одно,
Только помни одно:
Разлучит нас с тобой только смерть!*

- Потрясающие стихи, - сказала Люля, когда я впервые прочитала их ей. - Кому ты их посвятила?

- Никому, - сказала я. - Это просто стихи, абстрактные и ни к кому не относящиеся...

Люля молча погрозила мне розовым пальчиком.

Я сильно покраснела. Досадную эту свою особенность я ненавидела от души, но ничего не могла с собой поделать, стоило солгать или просто сказать вовсе не то, что думаю, как я немедленно покрываюсь густой краской, и потому те, кто знал меня, всегда понимали, сказала ли я правду или покривила душой.

- Хорошо, - сказала я наконец, - Скажу, но только тебе одной.

- А я и так всё понимаю, - заметила Люля. - Это Серёже посвящено?
Да?

- Да, - сказала я.

- Потрясающие стихи, - снова повторила Люля, задумчиво глядя на меня. - До чего ты, Маша, всё-таки талантлива!

- Ну да? - обрадовалась я. - Нет, ты всерьез так думаешь?

- Совершенно всерьез!

Когда-то, когда мы учились во втором классе, соврать считалось почти преступлением. Если, к примеру, дать честное слово, а на самом деле соврать, то иногда с таким вот вралем и насквозь непорядочным человеком никто не хотел разговаривать. И тогда мы придумали вот что: говорить вместо "честное слово"- "нчестное слово". Звучит так же, почти так же, не всякий даже разберет, зато уж никто никогда не обвинит во вранье, в криводушии, "нчестное слово" - это защитная броня.

- Дай честное слово, что ты считаешь меня талантливой, - сказала я.

- Даю, - ответила Люля. - Честное-пречестное слово, ты - очень талантлива!

Да, это было сказано без дураков, самым что ни на есть открытым честнейшим образом. И потому, когда Люля попросила меня переписать эти стихи в ее тетрадку, я сразу согласилась, только сказала:

- Хорошо, я продиктую, а ты пиши!

Но Люля почему-то заупрячилась.

- Нет уж, пиши сама.

- А сама почему не хочешь писать?

- Лучше напиши ты, - сказала Люля и поцеловала меня в щеку.

Я переписала ей в тетрадь свои стихи. А Люля позднее призналась, что мои стихи она выучила наизусть, сочинила к ним музыку и посулила как-нибудь сыграть на пианино и спеть романс на слова моего стихотворения.

Я еще ни слова не сказала о Серёже, а он стоил того, чтобы о нём рассказать. Не знаю, до сих пор не могу определить - какой он был? Скорей всего, абсолютно некрасивый, у него были неправильные черты, толстый, с широкими ноздрями нос, пористая кожа, узкие, в набухших веках глаза, хотя, когда он улыбался, невольно забывалась его некрасивость, да и вообще как-то не думалось, каков он собой: улыбка у Серёжи была, что называется, подкупающая, обаятельная, глаза искрились и казались больше, ярче, блестели зубы, белые, крупные, один в один.

У него был, на мой взгляд, хороший, хотя и неровный характер, он быстро вспыхивал, мог вспылить из-за любой ерунды, но так же быстро уходил и после, не стесняясь, просил прощения, кляня себя напропалую:

- Прости, ну что я могу с собой поделать? Я и сам знаю, что я дерьмо, дубина стоеросовая, болван стопроцентный, дурак дураком, псих самовзвод и еще раз дерьмо дерьмом...

Обозвав себя таким образом, Серёжа старался относиться к тому, кого

обидел, как можно более ласково и сердечно, пока снова какая-то сущая ерунда не выводила его из себя и он, позабыв обо всём, пускался во все тяжкие: не на шутку обижался, ругал обидчика напропалую, не боясь обидеть его как следует, и снова, отойдя и поостыв, начинал просить прощения...

Наша географичка, дама, что называется, приятная во всех отношениях (о ней шел слух, что у нее тьма-тьмущая хахалей, хотя она и не отличалась особой красотой), говорила о нём, слегка причмокивая соблазнительно толстыми негритянскими губами:

- Чертовски обаятельный мальчик. Воображаю, как от него в будущем будут терять головы самые признанные красавицы, вот увидите...

Отца у Серёжи не было, вернее, был, но находился где-то далеко, чуть ли на самом дальнем Севере, у него была другая семья и, по-моему, он вовсе не интересовался Серёжей. Жил Серёжа вдвоем с матерью, актрисой Центрального образцового театра кукол, тощей, чрезвычайно нервной особой, беспрестанно курившей дешевые тоненькие сигареты и говорившей о себе:

- Мы, деятели театрального искусства...

Когда мы перешли в девятый класс, Олесю Петровну, так звали Серёжину маму, уволили из театра за профнепригодность, как мне сказал по секрету Серёжа.

- Понимаешь, мама чрезвычайно рассеянна, как оно часто бывает у галантных людей, она попросту позабыла о своих прямых обязанностях...

- О каких прямых обязанностях? - спросила я.

Он пояснил:

- В спектакле "Гуси-лебеди" она должна была играть главного лебедя, вожака всей гусиной стаи, и вот, представляешь себе, она поет за сценой, как водится, голос у нее самый что ни на есть выразительный, она так увлеклась пением, что позабыла о гусеке, и он перестал открывать у нее клюв.

- А надо было, чтобы он открывал? - удивилась я.

- Конечно, надо было, - ответил Серёжа. - Как же иначе? Все гуси, когда поют или разговаривают, должны вращать глазами, открывать и закрывать клюв, хлопать крыльями, всё это, конечно, зависит от актера внизу, того, кто руководит куклами, а мама позабыла...

Серёжа и сердился на мать за ее рассеянность и в то же время открывенно жалел ее. Не уставал сокрушаться:

- Бедняга! Она же ничего другого не умеет делать!

В конце концов ее приняли обратно в театр с испытательным сроком на месяц, если на этот раз сорвется, сказал ей главный режиссер, тогда - каюк, никуда и никогда не возьмут, ни за что!

- Теперь она старается, - утверждал Серёжа, - даже на репетицию является раньше всех на целых двадцать минут!

Был у Серёжи еще один-единственный родич, двоюродный брат матери, о котором мать постоянно говорила:

- Жорж у нас в семье самый удачливый... Жорж не может не нравиться, не правда ли?

Он был комментатор телевидения, здоровенный парняга, белобрысый, длиннолицый, с белесыми, словно бы выгоревшими волосами и глупой, как мне казалось, улыбкой. Он, видимо, страстно желал всем нравиться,

и потому беспрестанно улыбался, кокетничал, если так можно сказать о не очень молодом мужчине, у которого давно уже вырос второй подбородок и на лбу видимо-невидимо морщин...

Телекомментатор годами не бывал у своей двоюродной сестры, должно быть, ни ее, ни Серёжу знать не желал, но однажды летом, когда я сидела у Серёжи и мы вместе смотрели концерт по телевизору, он прибежал к ним, весь какой-то всклоченный, донельзя расстроенный, об улыбке и думать не думал, спросил Серёжу:

- Где мама?

- В театре, - ответил Серёжа.

Впрочем, ему повезло, не пришлось долго ждать, вскоре пришла Олеся Петровна. Увидела своего двоюродного брата, обрадовалась:

- Жорж, милый, какими судьбами...

И, о слабость человеческой природы, глянула на меня мимоходом, я поймала беглый ее взгляд - дескать, погляди-ка, какие у нас родственники!

- У меня жуткие неприятности, - сказал комментатор.

Впросительно поглядел на меня, но Серёжа, поняв всё как есть, сказал:

- Это моя близкая подруга, при ней можешь говорить всё что угодно.

- А, всё равно, - равнодушно заметил Сереежин дядя, махнув рукой.

Неприятность у него и в самом деле была огромная: он ехал со своей женой на аэродром, дорогой превысил скорость, вылетел на встречную полосу и боком ударился о грузовую машину, проезжавшую мимо. Водитель грузовика получил незначительные ушибы, но жена дяди погибла на месте.

- Я был вне себя, я буквально сходил с ума, - говорил комментатор хорошо поставленным грудным баритоном. - Я места себе не находил, даже чуть было не покончил с собой...

- Ой, что ты, Жоржик, - перебила его Олеся Петровна, худенькая, в чём только душа держалась, с крохотными ручками и ножками. - Зачем ты говоришь так?

- Потому что это правда, - веско произнес он. А я, грешным делом, подумала - должно быть, он покушался на самоубийство при ком-то, кто бы мог помешать ему, а не тогда, когда оставался один. Он мне сразу не понравился, и я не верила ему: казалось, он и не так чтобы очень огорчен гибелью жены...

Когда я позднее призналась в этом Серёже, он согласился со мной:

- У меня тоже такое же впечатление...

Он пришел к Олесе Петровне, о которой вспоминал разве лишь раз в десять, а то и в двадцать лет, потому, что она работала в театре, где художественным руководителем был очень заслуженный человек, Герой Соцтруда, авторитетный, всеми уважаемый Сергей Владимирович Образцов.

- У него связи, - настаивал Сереежин дядя. - Пойми, Олеся, он, только он один может помочь мне.

- Чем же? - спросила Олеся Петровна.

- Он спасет меня от тюрьмы, это первое, и тогда, когда всё позабудется, пройдет какое-то время, меня пошлют в Париж, ты же знаешь, вопрос был почти решен, если бы не эта ужасная история с бедной Алей, я бы уже был в Париже...

- Кем? - вмешался Серёжа.

Дядя едва повел на него глазом.

- Как кем? Комментатором, конечно, обозревателем телевидения...

"Вот это и есть самое главное, - подумала я. - Вот потому-то он и пришел к своей родственнице, чтобы добиться поездки в Париж..."

Должно быть, та же самая мысль пришла в голову и Серёже.

- А тебе не жаль свою жену? - напрямик спросил он.

Комментатор вздрогнул, брюзгливая складка обозначилась над его верхней губой.

- Что значит "не жаль"? Ужасно жаль, конечно, но жизнь есть жизнь.

- А Париж стоит обедни, - продолжил Серёжа.

- Послушай-ка, ты, мальчишка, - вдруг обозлился Сережин дядя. - Ты что это себе позволяешь?

- Выйди из комнаты немедленно, - приказала Олеся Петровна сиплым, неприсущим ей голосом. - Немедленно, слышишь?

Мы вместе вышли из комнаты.

- А ведь он и вправду дрянь, - сразу же определил Серёжа. - Как ты считаешь?

Он оглянулся на закрытую дверь комнаты.

- Теперь старается, уговаривает маму, чтобы она поговорила с Сергеем Владимировичем, чтобы тот поговорил с кем надо, - сказал Серёжа.

- И она согласится? - спросила я.

Серёжа пожал плечами.

- Кто ее знает. Она - человек непредсказуемый, вдруг разжалобится и пойдет к старику уговаривать...

- И что же?

- Может быть, и сумеет уговорить. Она у нас златоуст...

Серёжа относился к матери несколько иронически, но в то же время заботился о ней, словно о маленькой, старался хотя бы чем-нибудь порадовать ее и, если она выходила на улицу, непременно бросался за нею, крича вдогонку:

- А горло ты завязала? Смотри, не застуди горло и бронхи!

Казалось - не она, а он старший в семье, самый разумный, самый взыскательно-заботливый...

Мы дружили с Серёжей. Не знаю, догадывался ли он, что я влюблена в него? Или же считал, что мы просто-напросто хорошие товарищи? Я старалась убедить его:

- Мне иногда кажется, будто ты мой брат!

Он верил мне. Он говорил:

- Маруся, ты хороший парень, даю слово...

И хлопал меня по плечу. Я улыбалась в ответ, а в душе хотелось плакать. Нет, он и в самом деле смотрел на меня как на друга, товарища, приятеля, называй как угодно, а мне бы хотелось, чтобы он влюбился в меня, чтобы я стала для него самой лучшей, самой красивой, и не товарищем, а девочкой, которая ему нравится. Самой лучшей девочкой на свете.

Одна лишь Люля знала о моей любви. Но Люля уверила меня:

- Я никогда никому не скажу, что ты влюблена в Серёжу. Разве я предательница?

- Значит, помни: никогда никому! - сказала я.

- Никогда никому, - торжественно повторила Люля и даже подняла вверх руку, как бы подтверждая свои слова.

Но - увы, она не сдержала обещания.

Однажды я опоздала на первый урок, в раздевалке нянечка сказала мне:

- Не спеши, ваш учитель нынче заболел, так что урока нет.

Но я всё равно по привычке побежала по коридору и вдруг остановилась: за дверь послышался голос Люли, у нее был высокий, почти пронзительный голос, оригинальная манера произносить слова, четко и твердо согласные и мягко гласные.

Я остановилась на секунду, прислушалась. Почему-то то, что говорила Люля, показалось знакомым.

*Если можешь - ответь,
А не можешь - молчи,
Только помни одно,
Только помни одно:
Разлучит нас с тобой только смерть!*

Жаркая волна внезапно окатила меня с ног до головы. Что это? Неужели?! Неужели Люля читает мои стихи, те самые, о которых только она одна знала, кому они посвящены!

Не помня себя, не слушая больше ничего, я рванула дверь класса.

Неожиданно грянула, именно грянула, иного слова не подобрать, тишина. В классе наступило гробовое молчание. Но я не замечала ничего, я видела только Люлю, смело встретившую мой взгляд, ее глаза, зеленоватые, в темных, слегка загнутых ресницах, прямо и холодно смотрели на меня.

И тут я опомнилась. Да, она предала меня, оказалась самой настоящей предательницей, но кто в классе знает, что стихи посвящены Серёже? И потом даже если она, предательница, сказала, что стихи посвящены ему, я же могу оспорить ее слова? Могу отрицать до конца, не уступая ни на минуту!

Я попыталась улыбнуться. Улыбка далась мне нелегко, однако я всё-таки сумела раздвинуть губы.

- Оказывается, ты уже стихи начала сочинять?

- Кто? Я?

Люля засмеялась. Какой это был ясный, непосредственный, ничем не замутненный смех.

- Я-то нет, а вот ты у нас поэтесса.

- Никакая я не поэтесса, - возразила я, с досадой ощущая забытую на моем лице дурацкую улыбку.

- Разве?

Люля снова засмеялась.

- Стихи-то твои, Машенька, они настолько хорошие, что, как ты знаешь, я их выучила наизусть и даже музыку к ним подобрала.

Я перевела взгляд на Серёжу. Верил ли он Люле? Что он думал в эти минуты, когда Люля так безжалостно добивала меня? Но он сидел, опустив голову, не глядя ни на кого. А Люля между тем продолжала:

- Ты, Маша, конечно, отличная поэтесса. И Серёжа наверняка гордится, что ему такие вот стихи посвящены!

- Кто? Серёжа?

Я постаралась расхохотаться. Так однажды, я видела по телевизору, расхохоталась знаменитая трагическая актриса в пьесе "Чайка", откинув назад голову и высоко подняв брови.

- Вот уж и не думала посвящать стихи Серёже, тем более, что это вовсе не мои стихи!

- Не лги, - спокойно, невозмутимо глядя на меня своими зеленоватыми глазами, сказала Люля. - Ты же у нас вроде бы не любишь врать, а сейчас зачем-то врешь!

- Нет, не вру, - с силой возразила я.

Люля взяла тетрадку, лежавшую на парте, раскрыла ее. Я узнала свои стихи, написанные однажды мною в ее тетрадь.

- Чей это почерк? - спросила Люля, медленно поводя тетрадь так, чтобы все ее видели. - Как думаете, чей?

Я повернулась, выбежала из класса. Теперь уже и не вспомнить, по каким улицам я бродила в тот день. Кажется, побывала в Сокольниках, потом вроде бы в Богородском, а еще я поймала себя на том, что еду в автобусе по Серпуховке и дальше, к Тульской улице.

И опять я без устали ходила по улицам, не глядя ни на кого, никого и ничего не замечая, думая всё об одном и том же: "Как она могла? Почему я не сумела распознать свою лучшую подругу? Она ведь оказалась предателем, да, именно предателем, иного слова не подберешь..."

Вернулась я домой уже поздно, в десятом часу. Зима в тот год ни за что не хотела уступить весне. Казалось, она объявила весне самый жестокий бой, не на жизнь, а на смерть, дул холодный, пронизывающий ветер, вдоль тротуаров высились сугробы, изредка падал с неба снег, оседал на крышах, на мостовых, тротуарах и не таял.

Дед стоял возле калитки своего палисадника, глядя то в одну сторону, то в другую, вроде бы ожидая кого-то. Я подошла близко к нему.

- Кого ты ждешь?

Он вдруг бросился ко мне, схватил меня за голову, крепко прижал к себе, слегка оцарапав мою щеку грубой, заношенной тканью своей старой куртки.

- Маруся, - произнес дед каким-то не свойственным ему глухим, как бы сдавленным голосом. - Где ты была, Маруся?

- Где была, там меня уже нет. - Так обычно отвечали мы все, когда кто-либо из друзей или родителей спрашивал об этом.

- Честное слово, Маруся, я не знал, что думать, - сказал дед.

- Ну, хватит, - ответила я так, словно не он, а я была старшей.

Дед не обратил внимания ни на мои слова, ни на мой тон.

- Я твоей Люле звонил, - признался он.

В сумерках, уже упавших на землю, лицо деда казалось очень бледным, странно помолодевшим, и таким каким-то незащищенным. Внезапно сердце мое больно сжалось. В самом деле, какая же я всё-таки дрянь! Самая настоящая, неподдельная дрянь! Как же я могла ни слова не сказать деду и пойти шляться по городу, не являться домой, не дать знать о себе, а он, он-то в это время не знал, что со мною! Какие мысли приходили к нему в голову, какие чувства терзали его в те часы, когда я бездумно бродила невесть где...

Я потерлась щекой о его щеку.

- Ты звонил Люле? Да? Что же она сказала тебе?

- Она сказала, что не знает, где ты.
- И больше ничего не сказала? - продолжала я допытываться.
- Больше ничего. Сказала, всё у тебя вроде в порядке, наверное, сказала, ты скоро придешь домой...

- Так и сказала?

- Да, так и сказала, - повторил мои слова дед.

Я не выдержала:

- Она - дрянь. Самая настоящая дрянь!

Он, казалось, нисколько не удивился. И не стал со мною спорить. Только спросил:

- В самом деле? Чем же она дрянь?

- Она - предатель.

- Серьезное обвинение, - сказал дед. - Предатель - это самое гадкое, что только может быть. А это, как ты полагаешь, точно?

- Точнее точного.

Я рассказала деду всё. И о том рассказала, что я и вправду немного втюрилась в Серёжу (я так и сказала: "Немного втюрилась"), я решила, будь что будет, но ничего скрывать от не стану, в конце концов - дед самый для меня близкий на всём свете человек, никого нет ближе его. Ничего не скрыла - ни стихотворения, посвященного Серёже, ни того, как Люля прилюдно прочитала это стихотворение, и как я убежала из класса, убежала куда глаза глядят...

- Ты права, Маруся, - сказал дед, выслушав меня до конца. - Люля твоя предатель, самый настоящий.

Я отрезала:

- Она не моя!

- Была твоя, - сказал дед.

- Да, была, и я верила ей, как себе, - с горечью призналась я. Слезы щипали мне глаза, казалось, еще немного, самую малость, и я разревусь, словно маленькая, навзрыд, вовсю, так, что меня ни остановить, ни утешить.

Подумать только, лучшая моя подруга, самая, казалось бы, близкая, самая верная и вдруг, оказалось, предала меня. Так вот, запросто, как говорится, походя. Зачем ей было это нужно? Почему она не посчиталась со мной? Или и вправду никогда не дорожила нашей дружбой, только ждала подходящего момента, чтобы высмеять меня? Выставить меня в смешном свете? Перед всеми в классе, особенно перед Серёжей?

И вдруг мне пришло в голову: а может быть, сама Люля влюблена в Серёжу? Только, в отличие от меня, она не признавалась никому, ни мне, никому другому? И потому решила предать меня, посмеяться надо мной.

Влюблена? Что ж, может быть и так. И всё равно - ей нет прощенья, нет оправданья. Она не должна была предавать меня, нет, никогда в жизни!

Дед сказал:

- Прости, Маша, но ты первая виновата.

Я не выдержала, воскликнула:

- Кто? Я виновата? Да чем же?

- Надо в жизни соблюдать полюс сравнительной доступности, - сказал дед. - Знаешь, в войну у нас, летчиков, бывало такое вот выражение: полюс сравнительной доступности. Это мы сами называли так землю,

которая граничила с вражеской полосой, понимаешь, то была наша земля, но она была рядом с вражеской, и надо было стараться всегда помнить об этом, стараться держаться этого полюса.

Я сказала, не скрывая досады:

- О чём ты говоришь, дед? Причем здесь война, чужая земля, вражеская полоса? Ты бы еще что-нибудь в этом роде придумал!

- Чудак-человек, - беззлбно сказал дед, нисколько не обидевшись на меня. - Так это же прямо относится к тебе. Прямохонько! И знаешь почему? Потому что каждому человеку следует держаться полюса сравнительной доступности. Это значит - нельзя раскрывать душу до конца, всю, как есть. Необходимо каждому из нас оставить хотя бы одну частицу, один уголок недоступным для кого бы то ни было. Вот что это такое!

Я спросила:

- И это говоришь ты?

- А что, разве мне нельзя?

- Нельзя, - ответила я. - Помню, мама когда-то говорила: у моего отца душа с расстегнутой молнией. Так что чей бы воробей чирикал, а твой бы не пикал, дед...

- Да, - прервал меня дед. Глаза его сузились, потемнели. - Да, твоя правда. Может быть, мне не след говорить об этом, но я всё равно скажу. Я ведь познал этот горький опыт, обжегшись на огне ложной дружбы.

- Не говори так красиво, - остановила я его. - Ты же сам не выносишь всякие красоты.

Но он, не слушая меня, продолжал:

- Пусть я сам не сумел быть таким, каким учу тебя быть, но все равно не устану повторять: ты должна придерживаться полюса сравнительной доступности. Тебе еще долго жить, впереди много лет, помни о том, что я тебе сказал. Будешь помнить?

Если бы он сказал всё это до предательства Люли, я бы только засмеялась в ответ. Я бы сумела отшутиться, я бы никогда не последовала его совету. Но теперь, познав, как говорил дед, горький опыт ложной дружбы, я не могла не согласиться с ним. Он понял, разгадал по моему лицу мысли, которые будоражили меня.

- У тебя еще будут друзья, - сказал он. - Как же не быть? Будут друзья, подруги, ты будешь любить и тебя будут любить, и, наверное, не раз ошибешься, снова поправишься и опять ошибешься. Что ж, без ошибок не прожить, но помни: не раскрывай никогда до конца души, постарайся хотя бы маленькую частицу оставить недосыгаемой ни для кого. Поняла?

- В общем как будто бы, - сказала я.

Мы сидели с ним за столом в нашей крохотной столовой. За окном сыпал последний снег на замерзшие яблони, вдалеке за углом ветер раскачивал фонарь, и свет его то затихал, то снова разгорался.

Картуз спал под столом сном праведника, время от времени тяжело вздыхая, будто взбирался на высокую гору.

Дед медленно вертел пальцами пустую чашку.

- У меня тоже был друг, - сказал, - и тоже предал меня.

- Самое настоящее предательство? - спросила я.

Дед кивнул:

- Да, самое настоящее.

- И ты простил ему?

- Нет, не простил.
- А вообще-то ты любил его?
- Конечно, любил, мы же были друзья. А теперь я его ненавижу.
- Да сик пор?
- Да, до сик пор, - сказал дед.
- Расскажи, что он сделал, - попросила я.
- Дед глгнул на часы.
- В другой раз как-нибудь, теперь уже поздно.
- Ну и что с того?
- Как что с того? Тебе же завтра рано утром в школу...
- Я больше не пойду в эту школу, - сказала я.
- Не пойдешь? Твердо решила? - спросил дед.
- Тверже твердого!

В самом деле, я уже не могла себе представить, что вот настанет утро, и я снова пойду в школу, и войду в мой класс, и увижу Люлю, увижу Серёжу и всех остальных ребят. Какими глазами я буду смотреть на них? И как они будут смотреть на меня? Нет, нет, лучше не думать, не представлять себе, а просто-напросто вычеркнуть их всех из души, из памяти навсегда, навеки...

- Мы с ним летали в одном самолете, - медленно начал дед. Казалось, он позабыл обо мне и говорит сейчас сам с собою. - Он был мой штурман. Красавец мужик, ростом чуть ли не под потолок, плечи широкие, глаза ярко-синие, одним словом, гроза женщин, девушек и решительно всех старух!

Дед улыбался, хотя, мне думалось, ему вовсе не хочется улыбаться.

- Мы были друзьями, как я полагал, на всю жизнь. До самого конца. Однажды, когда мы уже возвращались домой, на наш самолет набросился "мессершмит", подбил нас, самолет загорелся, и Фёдор, так его звали, потерял сознание. А самолет горит, можешь себе представить?

- Могу, - сказала я.

Дед легонько дернул меня за косичку.

- Нет, Маруся, к счастью, не можешь. Это очень страшно, когда горит самолет и ты еще сам не можешь определить, над какой землей горит, над нашей или над вражеской, и сумеешь ли долететь до нашей земли.

- И что же? - спросила я.

Дед опустил голову, словно пытался разглядеть на полу что-то, видное и понятное ему одному.

- Надо было выпрыгнуть из самолета и лететь на парашюте прямоком вниз.

- И ты так и сделал?

Дед кивнул.

- Я так и сделал. Схватил Фёдора подмышки, привязал лямки парашюта и вместе с ним прыгнул вниз.

- Прыгнул, - повторила я. - И что же? Прямо к немцам?

- Нет, это был лес неподалеку от села, из которого, к счастью, уже ушли немцы. И к вечеру мы с Фёдором уже были у себя, на нашем аэродроме.

- Он знал, что ты спас его? - спросила я.

- Знал, - ответил дед. - Он сказал тогда: я тебе этого никогда не забуду.

Дед встал из-за стола, прошелся по комнате.

- Ладно, давай спать, Маруся, после расскажу, как всё потом получилось.

- Расскажи сейчас, - сказала я.

Он ответил:

- Нет, как-нибудь в другой раз.

И я отстала, я знала, слово у деда твердое: если сказал "да" - будет "да", но если "нет" - то его уже не убедить, не переспорить.

* * *

Спустя несколько дней к нам явился человек, которого мне еще ни разу не приходилось видеть. Я открыла ему дверь, увидела: на пороге стоит старый старик, во всяком случае, он выглядел куда старше деда. У него было желтое, измученное лицо, впалые щеки, мне подумалось: должно быть, он тяжело, а, возможно, и неизлечимо болен.

- Я, кажется, не туда попал, - пробормотал он, слегка задыхаясь. - Это квартира Туровцева?

- Да, - сказала я. - Туровцева.

- Вячеслава Васильевича? - продолжал он.

- Вот именно, - сказала я и хотела уже было позвать деда, как он сам показался в передней.

- Слава, - сказал старик, всё еще стоявший в дверях. - Это ты, Слава? Узнаешь?

- Узнаю, - ответил дед. Повернулся, пошел в комнату, и старик медленно последовал за ним.

Не знаю, почему, но я догадалась. Ведь мне, само собой, ни разу не пришлось видеть этого человека, но я внезапно, неожиданно для самой себя, догадалась: это Фёдор. Бывший друг деда.

Тот, кто предал его.

Я вошла в комнату, стала возле притолоки. Старик тяжело рухнул на стул, сказал негромко:

- Не ждал меня?

- Не ждал, - коротко ответил дед.

Он не желал казаться приветливым. Не раз признавался: "Я привык оставаться всегда верным самому себе".

Гость снял пальто, размотал шарф ядовито-зеленого цвета с длинной бахромой, дед молча взял пальто и шарф, отнес в переднюю, вернувшись, спросил:

- А шапку не хочешь снять?

- Нет, - сказал старик. - У меня голова мерзнет.

Посмотрел на меня, спросил:

- Это, наверное, твоя внучка?

- Угадал, - ответил дед. - Внучка.

- Кажется, у тебя был сын?

- Дочь, - сказал дед. - У меня была дочь, Фёдор. Но ее уже нет. Умерла.

- Вот как, - сказал Фёдор. - А у меня два сына. Инженер и музыкант, скрипач.

- Понятно, - равнодушно произнес дед.

Я подумала:

“Как дед всегда радушно, сердечно встречает своих комбатантов, а тут колоден донельзя...”

Не могу сказать, что я осуждала деда. Отнюдь! Напротив, мне нравилось, что он разрешил себе оставаться самим собой. Подобная роскошь, право же, встречалась не так уж часто.

Фёдор еще раз внимательно оглядел меня, У него были выцветшие, в резких морщинах, почти безресничные глаза, белки глаз сплошь в кровавых жилках. Дед понял его взгляд по-своему.

- Маруся! - Он звал меня так всегда в отличие от всех остальных, лававших меня Машей. Должно быть, потому, что так же звал и мою бабушку. - Выйди, пожалуйста, дай нам поговорить...

Я послушно поднялась с места, но тут Фёдор внезапно поднял вверх руку, распушая, как бы налитая тяжелой водой ладонь его врезалась мне в память.

- Не надо, не гони ее, она нам не мешает...

Дед сказал:

- Как хочешь.

Фёдор зачем-то снял шапку с головы и тут же снова надел ее.

- Как живешь, Слава?

- Нормально, - ответил дед.

- Маруси нет, я слышал?

- Нет, - сказал дед. - Скоро уже семь лет...

- Вера тоже умерла, - сказал Фёдор. Дед помедлил, прежде чем произнес:

- Мне говорили...

- Совсем я один остался, - сказал Фёдор, тонкие, синеватого цвета губы его плаксиво дрогнули. - Понимаешь, совсем один!

- Почему один? - спросил дед. - Ты же сам сказал, у тебя два сына!

- И внуков тоже двое, - продолжал Фёдор, часто моргая веками. Я испугалась, вдруг он заплачет, но он не заплакал, наверное, всё-таки потеснялся...

Однако мне показалось - глаза его блестят, словно вот-вот расплачутся. Должно быть, я была права, потому что он, бесспорно, стремился вызвать у нас жалость:

- И никто из них меня знать не желает! Никто, ни сыновья, ни внуки! Понимаешь, Слава?

Не выдержав, он всхлипнул. Дед молча встал, налил воды в стакан, подал Фёдору.

- Не надо раскисать, Фёдор...

- Ладно, - покорно сказал Фёдор, отхлебнув воды, внезапно закашлялся, вода брызнула ему на грудь, и он начал быстро стирать ее трясуцимыми руками. - Ладно, не буду больше...

Дед долил воды из графина в стакан.

- Выпей еще, Фёдор.

Фёдор не слушал его.

- Я один, Слава, совершенно один на всей земле, и никому, на всём свете никому не нужен!

Дед молча взглянул на него.

- Что, не веришь? - спросил Фёдор.

- Почему, верю, - ответил дед. - Но в то же время удивляюсь.

- Чему ты удивляешься?

- Тому, как ты себя любишь!

Мне подумалось: сейчас Фёдор непременно обидится на деда, но он не обиделся, спросил только:

- Разве?

Недлинное это слово прозвучало как-то по-детски беззащитно. Даже стало жаль Фёдора, правда, ненадолго. Я не знала, что такое одиночество, но, должно быть, это по-настоящему страшно, когда ты никому в целом мире, решительно никому не нужен!

- Помнишь, какой я был? - спросил Фёдор, откинув назад крупную голову. - Говорят, фактурный мужик был! - Снова опустил голову, вздохнул. - И куда всё подевалось? Можешь мне объяснить?

- Нет, - сказал дед. - Разумеется, не могу. Только совет могу дать и ничего больше.

- Какой же совет, Слава?

- Всё тот же. Перестань жалеть себя, пожалуйста, не жалуйся, не бей на сочувствие, будь, в конце-то концов, мужчиной!

Несколько мгновений Фёдор смотрел на деда. Но дед не отвел глаза в сторону. Должно быть, он знал, о чём его спросит Фёдор. Знал и не ошибся.

- Ты мне до сих пор простить не можешь?

Голос Фёдора звучал тихо, почти неслышно.

Дед промолчал.

- Не хочешь отвечать?

Дед опять ничего не ответил. Фёдор с трудом, наверно, нехотя поднялся со стула.

- Ладно, Слава, пойду. Настоящего разговора, видно, не получится у нас.

Дед ничего не сказал в ответ.

- Славная девочка твоя внучка, - промолвил Фёдор, обернувшись ко мне. - И знаешь, похожа на Марусю. Глаза, брови - один к одному...

- Похожа, - согласился дед. - Всё-таки, как ни говори, близкие родственники.

Фёдор засмеялся, как мне показалось, притворно.

- Близкие родственники, - повторил он, уже стоя в передней и надевая пальто. - Надо же! Близкие родственники...

- Это тоже твой комбатант? - спросила я деда, когда он закрыл за ним дверь.

Дед кивнул:

- Тоже.

Я сказала:

- По-моему, это тот самый, твой штурман, который предал тебя. Верно?

- Верно, - сказал дед. - Угадала.

- Может быть, теперь-то расскажешь, как всё было? - спросила я.

Дед прошелся по комнате, заложив руки за спину. Лицо его казалось сумрачным, даже печальным.

- У меня до твоей бабушки была девушка, - начал он.

- Вера? - почему-то, сама не пойму почему, догадалась я.

- Да, Вера. Я дружил тогда с Фёдором, и однажды познакомил его Верой.

- И он ее увел, - продолжила я.

- Увел, - повторил дед. - Она влюбилась в него, вернее, он постарался, влюбил ее в себя, и она как-то призналась мне, что уже не может без него.

- И что же? Ушла к нему?

- Да, они вскоре поженились. Он ведь был очень красивый когда-то парень, теперь и не скажешь.

- Он противный и жалкий, - сказала я.

- Но тогда был неотразим, - возразил дед.

- Выходит, он и в самом деле предал тебя, - сказала я.

- Выходит, предал, - согласился дед.

- И Вера тоже предала тебя, - сказала я неумолимо.

Он не стал оспаривать:

- Да, так оно и было.

- А ты любил ее?

- Любил... - Дед как бы через силу произнес это слово. - Да, любил.

Но ведь тогда я еще ни о чём не догадывался. Вера сама всё рассказала.

Я подумала: каково было деду выслушать признание Веры? Он любил ее, а она полюбила другого, и кого же?

Лучшего его друга...

Я боялась, что дед поймет, как мне жаль его. И потому сказала самым беспечным тоном:

- Хорошо, что это всё в прошлом...

- Наверно, хорошо, - согласился дед.

- И что же ты потом сделал? - продолжала я допытываться.

- Ничего, ровным счетом. Сказал им обоим: пусть делают, что хотят.

- И они тут же поженились?

- Ну, не тут же, но, кажется, довольно скоро.

- И ты тоже поспешил жениться?

- Зачем ты так? - возмутился дед, но мне подумалось, я попала в самую точку, наверное, так оно и было; обманутый, преданный другом и девушкой, которую любил, он решил жениться на первой встречной.

- Ты не думай, - сказал дед, - что я поспешил жениться на ком бы то ни было назло!

Он обладал поразительной особенностью: умел проникнуться мыслями того, с кем говорил. Не раз приходилось мне слышать, как его комбатанты говорили: "Слава у нас ясновидящий, на три метра вглубь видит..."

- Я в самом деле влюбился в Марусю, - сказал дед.

- Ты был счастлив с бабушкой? - спросила я.

- Да, - ответил он. - Был счастлив всегда, все тридцать восемь лет, что прожил с Марусей.

Лицо его оживилось, веселые лучики разбежались от глаз к вискам.

- Знаешь, как мы с нею познакомились?

- Разумеется, не знаю, откуда мне знать?

- Тогда слушай!

И он рассказал, как оно всё получилось.

Дед, летавший на тяжелых бомбардировщиках, в конце войны приехал в Москву на несколько дней. Пошел к кому-то в гости, задержался, не успев, что наступил комендантский час, двенадцать часов, когда нельзя было ходить по улицам без специального пропуска. Военный патруль от-

вел деда в милицию, там, кроме него, было еще немало опоздавших москвичей. Он сел на скамейку рядом с девушкой, девушка плакала все время, повторяя, что если она не придет домой, тетка ее умрет от беспоконья. Но никто не слушал ее, никто не пытался помочь, и только дед сказал:

- Не надо плакать. Давайте что-нибудь вместе придумаем...

Всю ночь он проговорил с этой девушкой, моей будущей бабушкой, утром вместе с нею отправился к ней домой, к ее тетке, и сделал официальное предложение.

- И тогда Маруся переехала ко мне на Коровий вал и стала ждать меня с фронта, - сказал дед...

- А ты ни разу не вспомнил о Вере? - спросила я.

- Вспоминал, и не раз, - ответил дед. - Я ведь любил ее, а потом, когда отболело, я понял: Маруся мне намного ближе, чем Вера. И лучше меня понимает.

- А она была счастлива с Фёдором?

На лицо деда как бы упала мрачная тень.

- Не знаю. Не думаю.

- Почему не думаешь? - не отставала я.

- Говорили разное, - неохотно сказал он.

- Тебе сегодня не было его жаль? - снова спросила я.

- Кого? Фёдора?

- Ну да, тогда, когда он говорил, что совершенно одинок.

Дед проговорил задумчиво:

- Как тебе сказать. Странно как-то всё получается: гляжу на него, слушаю, вроде бы и жаль немного, но простить не могу, и хотел бы, но не могу, уж очень я страдал тогда. До сих пор помню...

- Я тебя понимаю, - сказала я.

Дед улыбнулся.

- Так уж и понимаешь? Сама, что ли, прошла через всё это?

- Всё равно, понимаю, - сказала я.

- А ведь, в сущности, я же незлой, - задумчиво проговорил дед. - Совсем незлой.

- Конечно, скорее очень даже добрый, - сказала я. - Зачем он приходил к тебе?

- От одиночества, наверно, - ответил дед. - Деваться некуда, вот и меня решил отыскать.

- Неужели он думал, что ты простил его? - удивилась я.

- Не знаю, что он там думал, - сказал дед. - Только одно знаю: он и вправду здорово одинок, если ни дети, ни внуки знают его не желают...

Подошел ко мне, положил руку на мое плечо, сразу же согрел его. И я поняла то, что он хотел сказать и не сказал мне.

* * *

Однажды осенью, я уже училась тогда в другой школе, дед предложил:

- Давай махнем куда-нибудь за город...

Признаться, надо было делать уроки, к тому же день был не так чтобы очень солнечный, временами налетал довольно холодный ветер, должно быть, и вправду в такую вот погоду было бы куда лучше остаться дома, затопить печку и глядеть на угли, подставляя огню то одну руку, то дру-

гүй, но дед так просительно смотрел на меня, видно, до того ему хотелось прошвырнуться куда-то из дома, что я, конечно же, согласилась.

Мы с ним не раз трогались вот так в путь, неизвестно куда. Добирались до какого-нибудь вокзала, Киевского или Савёловского, а то и до Каланчёвки, садились в первую попавшуюся на глаза электричку и ехали себе до тех самых пор, пока не решали, где слезть.

Обычно мы слезали на не ведомой раньше станции, на которой до того ни разу не вылезали. Непременно входили в лес, шли друг за другом по лесным дорожкам, случалось, искали ранней весной щавель или осеннюю грибы, или ничего не искали, просто шли куда глаза глядят, ни разу, впрочем, не заблудившись.

Мне кажется, дед, даже если бы и хотел, никогда бы не заблудился - до того умел запоминать любую приметку на не известной раньше дороге, в самых вроде бы запутанных лесных дебрях, где дорожки, подобно паучьим лапкам, расползались в разные стороны, умел выбрать единственно верный и нужный путь.

На этот раз мы были в лесу совершенно одни. Ни одного грибника не виделось в окрестности, никто не нарушал лесную тишину ауканьем или неожиданным криком.

В конце концов мы выбрались из низкорослого ельника, и перед нами открылась светлая, совершенно круглая, словно блюдце, полянка. Чуть поодаль стояли березы, тонкие, видно, совсем еще молодые, недавно поднявшиеся. Трава на полянке была еще ярко-зеленая, на взгляд свежая, словно в разгар лета, ни капельки не пожелтевшая.

- Погляди, дед, - сказала я. - Что за травушка-муравушка, разве не чудо?

- Чудо, - серьезно ответил дед, нагнувшись, поднял с земли упавший березовый лист, протянул мне:

- А это разве не чудо? Видишь, какие четкие, красивые линии, как всё прочерчено точно и ясно, захочешь перерисовать - обязательно ошибешься в чём-либо, наверняка не сумеешь прочертить такую же верную и четкую линию!

- Не сумею, - согласилась я. - Тем более что по черчению я, кажется, хуже всех в классе.

- Ну уж, хуже, - усомнился дед.

- Хуже, - вздохнула я. - Можешь мне поверить.

- А как учится Алиса? - спросил дед.

Алиса была моя новая подруга, с которой мы подружились с того самого дня, как я пришла в их класс.

Теперь, когда позади многие, многие годы, я сужу себя самым что ни на есть строгим, не знающим пощады судом. Нет, прошлый урок не научил меня ничему. Особенность, присущая мне, должно быть, с самого рождения, принесшая впоследствии немало для меня огорчений и разочарований, не покидала ни тогда, ни после: я бросалась в дружбы, словно в воду, с головой, легко поддаваясь первому впечатлению, решительно доверяя каждому слову новоявленного друга, не сомневаясь ни на минуту, мгновенно очаровываясь и после горько сожалела о своей новой ошибке...

- Алиса - лучшая ученица класса по всем предметам, - с гордостью произнесла я.

Я и в самом деле гордилась Алисой. Она была поразительно способ-

на. Так считали все, считала и я так же. И вообще она казалась мне не обыкновенной умной, удивительной, необычной...

Когда мне кто-то нравился, я спешила навесить на него, словно игрушки на елку, кучу всяческих достоинств, зачастую получалось так, что все эти достоинства превосходно придумывались мною и охотно приписывались моему "предмету". Зато тем горестней было непременно появляющееся впоследствии отрезвление, холодное разочарование, пришедшее на смену недавней восторженной влюбленности.

Дед остановился, посмотрел на меня. Глаза его казались в душевной дремучести леса темными, почти черными, но сейчас вдруг выглянули ненадолго солнце, солнечный луч на миг коснулся лица деда и высветлил зрачки, которые вдруг стали прозрачными.

- Опять, Маруся? - спросил он.

Я сделала вид, что не понимаю, о чем это он.

- Что опять?

- Будто бы не знаешь.

- А вот и не знаю, - сказала я.

- Перестань влюбляться и восхищаться. - Дед медленно покачал головой. - А то, честное слово, не знаю, как будет с тобою в будущем...

Глаза его сузились, словно он старался где-то в будущем разглядеть поджидавшую меня участь, если я не перестану влюбляться и приукрашивать тех, кого успела полюбить, всеми достоинствами в самой превосходной степени.

- Вспомни о полюсе сравнительной доступности, - сказал дед.

- Что? Что ты сказал? - спросила я и тут же вспомнила.

Ох, до чего же я была забывчива! Ни разу не вспомнила о предостережении деда.

Ведь и на этот раз, подружившись с Алисой, я ни о чём не подумала не остереглась, не вспомнила о том, что говорил дед. Чуть ли не в первый же день, когда мы вместе шли из школы домой, я, можно сказать, постаралась вывернуть себя наизнанку, не оставив ни одного маломальски белого пятна, ни одной неразгаданной строчки. Всё, как есть, вывалила перед Алисой.

Дед всё еще не сводил с меня глаз, потом улыбнулся.

Как часто впоследствии виделась мысленно его улыбка, исполненная невысказанной печали, незлой насмешки, то ли надо мною, то ли над ним самим...

- Эх, Маруся, Маруся, - как бы про себя проговорил дед. - Когда же станешь большая и умная?

Я засмеялась.

А он повернулся, пошел впереди. Я вслед за ним. И мы прямехонько вышли к сельскому кладбищу, тихому, заброшенному, с полуразвалившимися крестами, со стершимися буквами на крестах.

- Давай постоим, - сказал дед.

Мы остановились. Он долго стоял, опустив глаза в землю, потом сказал:

- Вот здесь я бы хотел лежать. Хотя, я знаю, для меня уготовано место на Ваганьковском, но, право же, здесь, кажется, лучше...

Я вздрогнула - показалось, будто ослышалась. Но нет, не ослышалась. Слова эти как-то внезапно проникли в самую душу, проникли и вдруг словно бы ожгли сразу.

- Зачем ты так, дед? - спросила я.

Он промолчал. Совсем недавно, всего лишь месяц назад, он похоронил одного из своих комбатантов - Якяка. Помню, вернулся он в тот вечер поздно, жена Якяка устроила пышные поминки, собрала множество людей.

Дед сказал тогда:

- Ненавижу этот дурацкий обычай - поминки.

- А по-моему, есть что-то мудрое в этом обычае, - возразила я. - Люди отгоревали и после, чтобы как-то забыться, собираются вместе поминуть ушедшего, подумать о жизни...

- О жизни, - прервал меня дед. - Если бы так! А то поначалу всё пристойно, говорят о покойнике, жалеют его, вспоминают какие-то его слова, поступки, а потом, потом! Ну буквально спустя полчаса чуть ли не лисны намереваются петь за поминальным столом...

Он строго глянул на меня.

- Запрещаю тебе по мне поминки устраивать, слышишь?

Я снова повторила:

- Зачем ты так говоришь, дед? Или и вправду умирать собрался?

Хотелось, чтобы голос мой звучал бодро и насмешливо, но, кажется, слёзы сумели пересилить. Не дожидаясь его ответа, я заплакала. Слёзы против воли хлынули из глаз, покатались по щекам, я не вытирала слёзы, всё время повторяя одно и то же:

- Зачем ты так, дед! Не надо так говорить...

- Ладно, не буду, - покорно отозвался он. И всё стоял, не уходил, и я тоже не уходила, глядя на тихие холмики, на кресты, на бумажные венки, кое-где упавшие в пожухлую по-осеннему траву...

Пролетела близко над нашими головами неведомая птица, широко взмахнула просторными крыльями, потом уселась на дерево неподалеку, вцепилась в ветку обеими трогательно тоненькими лапками, не сводя с нас круглых, совершенно черных, без единого просвета, глаз. Наверное, двинулась, видя кого-то чужого, решительно незнакомого здесь, в этой устойчивой и глухой тишине...

Мне много всего думалось сказать деду - о том, что я ужасно страшусь потерять его, потому что ближе деда у меня нет никого на всей земле, и о том, как мне хорошо с ним, и еще сказать ему просто, в лицо: "Я тебя люблю, дед..."

Пройдут годы, и ясно, словно было это всего лишь вчера, вспомнится мне осенний лес, мгlistое небо над деревьями, неяркий солнечный луч, вдруг блеснувший сквозь ветви, кое-где еще опущенные листьями, вспомнится, как мы стояли с дедом на краю круглой и ровной поляны в окружении светлокожих берез...

Наверное, тогда, когда мы стояли в лесу, на краю поляны, совершенно одни, я впервые неожиданно для самой себя осознала хрупкость человеческого бытия, бесследную его преходящность, кажущуюся прочность, которой суждено в конце концов обернуться ломкой, постепенно тающей тенью.

Когда дед умер, я похоронила его на Ваганьковском кладбище, рядом с мамой и с бабушкой.

Я помнила о том, что ему хотелось бы лежать на том тихом, однажды увиденном нами сельском кладбище. Но без деда я бы никогда не сумела отыскать его, как бы ни старалась...

ПРОБА ПЕРА

Марина
Возраст и адрес не указала

В ТЕМНОЙ КОМНАТЕ

Стихи

* * *

Пепел по ветру в бездну. Пускай!
Ни о чем не жалеть – это кредо.
Лишь два шага, а там сразу рай.
Попаду прямо в звездное небо.

Отражение в бликах луны,
И глаза, что в себя заглянули.
Сердце бьется тревожно в груди
С ускорением загнанной пули.

А по небу звезда... Миг словить!
Загадать, чтобы не было боли.
А потом что? Опять просто жить?!
Вот опять. Обманули, надули...

Из осенних, опавших листьев
Я сложу заклинание тлена,
Чтоб остаться, не нужен засов.
Нужно, чтобы душа захотела.

В час луны курс возьму на восход,
Чтоб увидеть встающее солнце.
Первый луч – то лекарство богов,
От бессонницы средства нет лучше.

Радость в каплях дождя на стекле,
Что, стекая, оставят дорожки.
Эта ночь лишь привиделась мне,
Я летала во сне понарошку.

ПЕСНЬ ДОЖДЕВЫХ КАПЕЛЬ

Несусь вместе с ветром в бескрая просторы.
Пока долечу – я упыюсь до запоя.

Я – дзинь на макушку, в полете скользя.
Таких миллионы, нас, капель дождя.

Откуда мы взялись, куда мы прибудем?
Мы словно кочевье не пойманных судеб.

Попадаем с неба дождем проливным.
Не ожидали вы? Ну и чёрт с ним!

Играя в догонки, несемся к забвенью.
О, остановись, ты прекрасно, мгновенье!

Спокойных дней тишь – лишь она нам страшна,
А в бурю и гром наша жизнь хороша.

Вой ветра закружит в предсмертном паденье
И в землю уйдем, чтобы дать продолженье.

* * *

С ветки на ветку: простила – забыла
Может, не помню, а может – любила.
Мыслей поменьше – вот весь секрет,
Как благополучно дожить до ста лет.

Легче по жизни – и в голове ветер.
Смеяться над ложью, как малые дети.
Нигде, ни на ком не оставить следа
Пришла – ухожу, не скажу я «пока».

Реальность проста, мы не ищем в ней смысла,
И где-то в начале мысль наша зависла.
Порхая по жизни, лететь на огонь.
Ты смотришь? Любишься. Да только не тронь!

И все идеально, приятно, понятно
Жизнь наша – огромный кусок сладкой ваты.
Так влипнешь, что напрочь забудешь себя.
Всё офигенно – ведь так ведь, друзья?

Пришел – получи, что положено с мира.
Стандартный набор: работа, квартира.
Еще мы, пожалуй, добавим семью.
Ну что, всем доволен? Да-а-а, жизнь как в раю!

А ночью пустой, когда светят лишь окна,
Поди, догадайся, в каком из них стекла
Разбиты с отчаяния мелким дождем...
Какое нам дело? Мы мимо пройдем...

РАССТАВАНЬЕ

От безделья или скуки
Ноет сердце, стынут руки.
Затерявшиеся где-то,
На краю встречаем лето.

По проселочной дороге
Утомились быстро ноги.

Мы бежали снам навстречу
Спохватились – поздний вечер.

Сохнут в вазочке ромашки.
Вспоминаем день вчерашний.
Мне сказать так трудно было,
Что я страх давно забыла

Ветер спутал наши планы,
Крылья дал: «Летите сами!»
Высь – потом земля, удушье...
Замолчи, не стану слушать!

Мне слова простые эти –
Как в час прожито столетье.
Руки, твои руки, где вы?!!
Я кричу, я на пределе.

Сердце вдребезги – упало
Ты его ногой устало...

.....
В темной комнате спокойно.
Ты ушел... забыть не больно...

В ОЖИДАНИИ

По скомканной странице дрожащей рукой – пишу.
Для чего? Что дадут мне слова?
О боли поведать, что гложет внутри
И снова понять, что я не права.

Не нужно скрывать и о главном молчать
О том, что сегодня не так, как вчера.
О прошлом – забыть и ждать в завтра ответ
На все ожиданья текущего дня.

Сегодня дела, но... Стоп! Ночь гасит свет,
Чтоб сидя в разгадке далекой звезды,
С собой говорить, вновь встречая рассвет,
О том, куда нас приведут все пути.

Разбита секунда на то, что сбилось и придет,
И нового дня уже стрелки пошли по кругам
Когда-то мы знали, что там, впереди. уже ждет,
Но время пришло вновь вопрос задавать небесам.

Не будем просить – за заслуги получим сполна
Но снова сию, караюлю желанья звезду.
Ну вот, вот летит... загадаю-ка я...
Нет, лучше лишь взглядом ее до земли провожу.

ЛЮБОВЬ В ЭПОХУ РЫНКА

Тему этой публикации под- сказала нам юная читатель- ница, которую зовут Ольга. Письмо без обратного адреса, но обычно авторы подобных писем не сообщают не только свои координаты, но и свое имя. Письмо Ольги показалось нам очень актуальным, по- скольку ее пример вовсе не единичен и свидетельствует о новых тенденциях, которые связаны с изменением экономи- ки нашей страны и социальных условий. Но, как выясняется, самое прекрасное человече- ское чувство – любовь – эти отношения тоже не обошли стороной. Как и всегда в по- добных случаях, начнем с письма.

ЧЕГО ЗАХОТЕЛА – ТОГО И ДОБИЛАСЬ

Я давно хотела написать, но никак не решалась. Я хочу рас- сказать о своей жизни, о том, ка- кие мысли тревожат меня.

Живу я в небольшом поселке городского типа. Мне семнадцать лет, я учусь в одиннадцатом классе. Семья у нас бедная, кро- ме того, у меня есть родная сест- ра, которая учится на третьем курсе института. Родители ей должны помогать. В этом году буду поступать я.

Недавно я получила от одного состоятельного мужчины предло- жение вступить с ним в интимную связь. Разумеется, не безвоз- мездно. Я девушка красивая и не

удивляюсь тому факту, что на меня засматриваются взрослые мужчины. Надо признать, предложения подобного рода получают многие девушки моего возраста. Но в моём случае есть нюанс: этот мужчина знает моего отца, правда, они не близкие друзья, а просто знакомые. И вот Б. предложил мне фактически стать его любовницей. Он женат, у него есть ребенок. Он заверил меня, что будет давать мне деньги, пообещал, что никто ничего не узнает, а я, мол, девушка красивая и мне нужны деньги. А мне действительно нужны были деньги. И я согласилась.

Б. щедро оплачивал мои «услуги». Я откладывала деньги, покупала красивую одежду, хорошую косметику. И не рассказываю в том, что сделала. Ведь я не разбила их семью, никто никогда ничего не узнает. Я поняла одну вещь: если ты беден – это твои проблемы, и тебе их решать. А так как денег мне не дают и родители не могут купить мне то, что хочется, то, значит, я должна их зарабатывать. Пусть даже своим телом.

Когда у меня с Б. еще не было связи, я устраивала дома истерики, ночами рыдала в подушку оттого, что плохо, бедно одета, что родители не в состоянии купить мне джинсы и кофту, не понимая, что деньги с неба не свалятся. Я тогда говорила: «Раз родители – значит, одевайте». Теперь я рассуждаю по-иному. У меня есть красивые вещи, выгляжу я ухоженно, на меня заглядываются парни. И эти деньги я зарабатываю сама, а не кланчу у кого-то. Просто мне в один прекрасный день надоело выглядеть чучелом, ходить в одном и том же, не имея возможности пойти в магазин и купить понравившуюся помаду

или сделать элементарный подарок подруге на день рождения. И я сказала: «Почему?» Почему у кого-то есть возможность покупать то, что они хотят (хотя бы мои одноклассники), а меня нет? Их родители и одевают, и вкусно кормят, и деньги на карманные расходы дают. Чем я хуже? Ведь живу я всего один раз, и мне надоело то, что я должна пользоваться тушью за тридцать рублей, не имея возможности купить себе что-то стоящее. Хотя я прекрасно понимаю, что всегда так было – были богатые или были бедные, и ничего тут не поделаешь.

Многие подумают, что это написала какая-нибудь шлюха и что нравственные принципы у меня на нуле. Это их право. Когда я поступлю учиться в городе, я вообще не собираюсь зарабатывать себе на жизнь телом. Я буду искать любую работу, хоть в посудомойки пойду, лишь бы подрабатывать и иметь средства. Я не хочу жить без денег. Мне это так надоело. С самого детства. А чтобы жить в достатке, я найду приработок. И пусть некоторые меня осуждают за безнравственность – каждый живет, как может. Это не оправдание, оправдываться мне не перед кем. Просто я так захотела этого – и добилась.

Но недавно мой мир перевернулся: я влюбилась в парня из параллельного класса. У меня сердце разрывается на части, когда я его вижу. Я думаю о нём всё время. Мы с ним познакомились и теперь дружим. Я хочу быть с ним, но как быть с Б.? Ведь я не хочу отказываться от тех денег, которые получаю от него. Влюбившись, я стала другой. Я не знаю, что мне делать. А что если он узнает, что я уже не девственница? Конечно, в этом нет ничего такого. Просто хочется быть пе-

ред своим парнем чистой, открытой. Я не могу без него жить. Для меня словно свет клином сошелся на нём. Мне хочется быть невинной перед ним, хочется любви. Он такой хороший, а я...

Ольга

Надо сказать – очень откровенное письмо. Не каждая молодая девушка решится на такой честный рассказ о своих непростых проблемах и переживаниях в поисках ответа на вопрос – действительно каждый вправе зарабатывать на безбедную жизнь как может и как умеет. Возможно, мы неправы, но нам кажется, что для Оли это письмо стало своеобразной исповедью, после которой все прегрешения как бы уже и не существуют более. Открылась, излила душу – и легче стало. Как говорится, на миру и смерть красна.

Хвалить девушку повода нет. А за что? За то, что придумала, как зарабатывать деньги? Так подобный способ был известен еще за много лет до нашей эры. Осуждать? Это, конечно, прощяе всего, только, пожалуй, не будем торопиться. Можно предположить, что Оля всего лишь озвучила проблему, которая объективно существует и которая касается не только ее. Однако судить да рядить о подобном явлении, пожалуй, было бы более правильно, исходя из того, как к этому относятся в обществе сегодня (заглянув, впрочем, и в прошлое), поскольку подобный образ жизни сейчас кажется вполне приемлемым окружающим и самим подросткам.

Недавно в столице задержали шестидесятивосьмилетнего старичка, который занимался «любо-

вью» с пятнадцатилетними школьницами. Естественно, за деньги. Он никого ни к чему не принуждал, однако многие девочки района охотно бывали у него в гостях до тех пор, пока одна в подруг не выдала своей бабушке секрет, откуда у нее берутся свободные деньги и почему она каждый вечер приходит домой как выпивши. Никого из юных «клиентов» старичка не мучили угрызения совести, хотя они прекрасно понимали, как называется то, чем они занимаются. А вот болтливую подружку в отместку они жестоко избili – им не понравилось, что она выдала бабушке их источник дохода. И, соответственно, они его лишились.

По нынешним временам, похоже, продается и покупается всё, особенно в провинции, где люди порой не то что не сводят концы с существованием. Это невольно бросается в глаза, стоит лишь так уж и далеко отъехать от столицы. Поселок Первомайский, московного города Королева под всем недавно обрел-таки популярность. Правда, незавидную и скандальную. Вообще-то таких поселков в провинции, да и в Подмосковье, немало: запустевшие, несколько облупленные и требующих капремонта пятиэтажек, доживающая свой век школа, напоминающая своим видом сиротский приют. Но однажды жизнь местных школьников, точнее, маленьких школьниц, резко изменилась, когда в это местечко случайно заглянул небедный дядя на роскошном серебристом джипе.

Скорее всего, появился он всё же не случайно, а с очень даже определенной целью. Подъехал, заметил славненькую шести-

классницу и предложил девочке покататься. Она здесь и машина, кроме грузовых, прежде не видела, а тут – такая несусветная роскошь! Что было дальше – нетрудно догадаться. Шикарная квартира, изысканное угощение, экзотические фрукты, которые она раньше видела лишь по телевизору, дешевенькие сережки в подарок... Нет, ее никто не насиловал. Ей просто заплатили сто рублей, которые она, по ее понятиям, честно заработала. Увы, из ее подруг тоже никто не отказался от предложения подзаработать подобным образом, которое она делала им за соответствующее вознаграждение. Так сказать, за процент со сделки. Сами до конца того не осознавая, первомайские деточки, коль появилась такая возможность, легко и просто приобщились к не столь обременительному бизнесу. Но больше всего впечатляет тот факт, что родители этих девчушек даже не поинтересовались, откуда у их дочек как бы сами по себе появляются новые туфельки, джинсики, украшения (пусть и недорогие). Да еще и деньги в семью они приносили. Что называется, на хозяйственные нужды. А ведь наверняка догадывались, не совсем ведь дуры их мамы.

Многим мамашам, кстати, хорошо известно, как и чем зарабатывают их дочери, уезжающие из пресловутых «поселков городского типа» в крупные города и столицы – северную и всей России. В большинстве этих провинциальных городишек так называемые градообразующие предприятия уже почти ничего не образуют, а зарплату платят чем придется. Чаще всего собственной продукцией, продать которую стоит не малого труда. Известны даже такие случаи, когда зарплата выда-

валась водкой, а одно из челябинских предприятий в 1998 году пошло еще дальше: пособия на детей предоставлялось в виде четырех бутылок «беленькой». Сегодня же Минздравсоцразвития предсказывает, что долг по зарплате будет неуклонно расти. Кризис – это понятно, но что предложить мамашам этих девочек – сексуальных гастарбайтерш?

Если кому-то может показаться, что малолетки занимались сомнительным промыслом по глупости, юности и недомыслию, то он здорово ошибается. Они делали это вполне осознанно, без тени сомнения в том, что в их способе зарабатывать деньги есть что-то предосудительное. Стремление молодых провинциалок зарабатывать телом при желании несложно оправдать материальными трудностями, которые заставляют их пускаться во все тяжкие. Равно как и их матерей, которые вовсе не осуждают своих дочурок. В городишках, влачащих жалкое существование, действительно не так-то просто зарабатывать на жизнь. В столицах, признаемся, и вправду попроще.

Однако самое интересное, что мнения и столичных матерей, и провинциальных во многом совпадают. Всё больше матерей приходит сегодня к выводу, что дочь-путана – не такое уж зло. Хотя они еще не сказали, что для семьи это большое счастье. Но есть и более «продвинутое» мнение. Вот, например, выдержка из письма кандидата философских наук, москвички Риммы Артюховой: «Недавно узнала, что дочь работает девочкой по вызову. Испытала шок! Но газом, как мать из "Интердевочки", не отравилась. Так ли уж страшен чёрт, как его малюют? Выскажу крамольную

мысль: было бы неплохо всем нашим девочкам пройти школу жизни в борделе. Уж разводов бы в семьях точно стало бы меньше: девушкам опостытели бы чужие постели». Такая вот философия. Призыв ясен: девчонки – все на панель! Только не очень понятно: неужели кандидату наук трудно догадаться, что не обязательно залезать в грязь, чтобы понять, что можно испачкаться?

Недавно одна очень популярная газета поместила на своем сайте вопрос: «Если узнаете, что ваша дочь – проститутка... Придете? Попытаетесь образумить? Не станете вмешиваться? Втайне обрадуетесь, что семья у нас должна быть крепкая и материально обеспеченная?» Так вот: 22 процента решивших принять участие в обсуждении ответили, что вмешиваться не станут, 16 процентов втайне обрадуются, 28 процентов попытаются образумить своих чад. В итоге получается, что почти 40 процентов родителей практически не осуждают дочерей. Ну а те, что надеются образумить... С трудом верится, что это им удастся, поскольку совершенно ясно, что вразумлять надо было раньше. Ибо проституция, когда есть нечего да семеро по лавкам, для многих еще и жизненное призвание, оправданное ситуацией.

Как бы там ни было, но данные вопроса красноречиво говорят о том, что в большинстве своем ни общество, ни родители не считают своих граждан и дочерей, торгующих телом, носителями разврата, порока и греха. Во всяком случае, относятся к их «профессии» спокойно и снисходительно. Об этом же говорит и известный сексопатолог, доктор медицинских наук Сергей Огарков: «От-

ношение к проституции сегодня изменилось. В СССР быть проституткой считалось позором, а потом это ремесло стало едва ли престижной профессией. Сейчас и вообще стирается негатив. Мужчин больше не коробит, что женщина может работать в сфере интимных услуг. Тем более элитной. Многие из проституток уже просто стали подругами власти предержащих». Вот в данной ситуации и задумаешься: справедливо ли будет осуждать Олю, автора письма? Ведь судя по сложившейся ситуации, многие, скорее всего, скажут: нет. Хотя наверняка найдутся и те, кто не согласятся с ними.

В этой связи невольно вспоминается старый, правда, несколько скабрёзный анекдот. Семья читает заметку в газете: «Вчера в парке трое неизвестных изнасиловали двадцатилетнюю девушку». Девочка-восьмиклассница возмутилась: «Мерзавцы: трое – одну...» Ее мама прокомментировала случившееся иначе: «Ну, трое – еще куда ни шло...» А старенькая бабушка грустно вздохнула: «Вот так всегда: кому трое, кому – ни одного...»

Наверняка ваши бабушки гневно осудили бы и Олю, и нынешнюю молодежь, и нынешние нравы: «Да, вот в наше время...» Ну понятно, что в прежние времена не было ни секса, ни вседозволенной распущенности, а если что-то и было – подвергалось всеобщему остракизму. На самом деле безгрешное прошлое – такой же миф, как и многие другие мнения о светлом и безгрешном прошлом.

Еще в средние века существовали формы или менее свободных добрых сексуальных отношений между юношами и девушками на групповой основе

или в виде пробного брака. Средневековые люди не отличались особой стыдливостью. Как свидетельствуют «Записки» личного врача Людовика XIII, в начале семнадцатого века родители не только свободно обсуждали при детях интимные вопросы, но и не видели ничего худого в том, чтобы поиграть с половыми органами мальчика, вызвать у него эрекцию и так далее. В это же время европейский дипломат Адам Олеарий свидетельствовал, что русские часто «говорят о сладострастии, постыдных пороках, разврате и любодеении их самих или других лиц, рассказывают всякого рода срамные сказки, и тот, кто наиболее сквернословит и отпускает самые неприличные шутки, сопровождая их непристойными телодвижениями, тот и считается у них лучшим и приятнейшим в обществе». В некоторых глухих местных уездах на деревенских беседах были «гаски». Молодежь, оставшись одна, гасила лучину и вступала между собой в свальный грех. Ныне только где-то сохранилось одно слово «гаски». И в календарных, и в свадебных обрядах можно обнаружить пережитки праздников-оргий.

Поначалу «жрицы любви» в нашей стране были не в почете. Соборное уложение, принятое в России в 1649 году, предусматривало для «гулящих» суровое наказание: распутниц полагалось «водить нагими по улицам и бить кнутом». Но постепенно строгость средневековых нравов смягчилась. Настоящая «сексуальная революция» прокатилась по Российской империи в 1830-х годах. Тогда в крупных городах появились первые официально зарегистрированные публичные дома. А в 1844 году были утверждены Министерством внутренних дел

«Правила для держательниц борделей».

С тех пор особых проблем с легализацией существования «публичных женщин» не возникало. Если представительница прекрасного пола не видит для себя иного способа зарабатывать на жизнь – пусть получает в полицейском участке «желтый билет» взамен паспорта и приступает к работе. Правда, для особ легкого поведения существовали узаконенные ограничения в гражданских правах: им запрещалось, например, выкармливать детей грудью.

Применительно к ресторанам существование проституток казалось властям само собой разумеющимся. Хотя у многих посетителей было иное мнение. Вот воспоминания тогдашнего посетителя знаменитого московского ресторана «Яр»: «Мы приехали в "Яр" около двенадцати часов ночи. Для "Яра" это был еще очень ранний час. Зал постепенно наполнялся. Вдруг, словно по сигналу, целая вереница женщин двумя длинными лентами стала спускаться по боковым лестницам зала с высокими антресолей. Женщины эти произвели на меня потрясающее впечатление. Полуголые, раскрашенные и хищные, они рассыпались по огромному залу между бесчисленными столиками в поисках добычи».

В результате переписи населения, проведенной в империи в 1897 году, среди прочих интересных статистических данных удалось выяснить и количество профессиональных проституток. Таковых оказалось по всей стране пятнадцать тысяч. А в 1910 году комиссия экспертов-социологов пришла к выводу, что каждая девятая женщина в стране регулярно или эпизодически занимается

проституцией. И это не вызывало общественного осуждения. Вот две цитаты. Из записной книжки А.П.Чехова: «Дама 35 лет, обывательница средней руки. И когда он соблазнил ее и уже держал в объятиях, она думала о том, сколько он будет выдавать ей в месяц и почему теперь говядина». Оля, где ты?.. А вот сладкие воспоминания клиента. Писатель Юрий Никулин беседует с Анной Ахматовой. «"Анна Андреевна, вы помните? На Гороховой у мадам Жерар... Всего пять рублей, а какие барышни! Вы помните?" "Лев Вениаминович, ну откуда я могу это помнить?" - отвечает Ахматова, едва сдерживая смех».

Большевики, придя к власти, объявили войну «жрицам любви», которые достались стране от «прогнившего царского строя». В республике были закрыты публичные дома, поскольку обнищавшее мужское население попросту не могло оплачивать сексуслуги. В ходу был тогда лишь бартер: ночь любви за мешок картошки или полпуда муки. Кроме того, вместо старорежимного разврата был предложен новый, «пролетарский» подход к интимным делам: дома-коммуны с обобществленными женщинами. Ни жен, ни мужей – каждая может с каждым. Был даже выдвинут революционный лозунг: «Комсомолка не должна отказывать комсомольцу!»

Всё это, конечно, уже вчерашний день. У нынешних организаторов секс-бизнеса стиль работы современный, можно сказать, интеллигентный, и дело поставлено на широкую ногу. Только в Москве более трехсот секс-фирм, замаскированных под брачные агентства и туристические бюро. Реальный заработок – пятьсот долларов в день, правда, в период кри-

зиса «живой товар» порядком подешевел. У некоторых девочек, наслышавшихся о «роскошной» жизни путан, еще в подростковом возрасте возникают фантазии зарабатывать собственным телом. Еще бы: пятьсот долларов они могут не заработать и за месяц, а тут... Тем более что любая высокооплачиваемая работа требует высокой квалификации, профессионального мастерства и умения, самоотдачи. Путаны оцениваются по другим критериям. Работа у них тоже не сахар, и в ряде стран общество проявляет о них заботу. Например, в Австралии для тех, кто ночью вышел на панель, организуют бесплатные обеды.

Мечта многих девушек, оказавшихся в подобном бизнесе, – уехать за рубеж на работу в ино-

странный бордель. Но на выезд существует конкуренция: в хорошие страны – только за взятку. Например, чтобы попасть в Штаты, нужно «отстегнуть» три тысячи баксов. Но еще более заветное, точнее, самое заветное желание – выйти замуж за олигарха или хотя бы за простого миллионера. Есть даже специальное бюро, которое помогает страждущим найти нужный объект. Там подбирают подходящего человека, тщательно изучают его вкусы, сферу интересов, а затем кандидату готовят к встрече (которая происходит «совершенно случайно»), где она после такого тренинга будет полностью соответствовать запросам клиента и должна заинтересовать, привлечь его. Впрочем, замуж выходить даже не обязательно. Стать фавориткой тоже очень даже неплохо.

Как показывает исторический опыт, фаворитки значат для любвеобильных мужчин гораздо больше, чем жены. В этом плане особенно характерен пример Франции. В пятнадцатом веке жёны королей одиноко жили в замках, словно под домашним арестом, а монархи целиком принадлежали своим фавориткам. Так, всесильная любовница короля Франциска I в течение восемнадцати лет могла считать себя полновластной хозяйкой Франции: именно к ней обращались все, кто хотел получить высокий пост в армии, суде, финансах. По стопам отца пошел и его сын, Генрих II, женатый на Екатерине Медичи. Формальным поводом было то, что в течение десяти лет она не могла подарить ему наследника (пикантная деталь: когда супруги обратились к целителю, тот вместо лекарств предложил им поменять позу во время интимной близости, и королева

вслед за этим родила десять ребятшек). Когда однажды ее спросили, чем она занята, она ответила: «Я читаю историю нашего королевства и прихожу к выводу, что во все времена королевскими делами управляли шлюхи».

Играя глазами, бедрами и грудью, ловкие куртизанки становились первыми персонами Франции. Словом – грудью дорогу проложим себе, как поется в известной песне. И прокладывают до сих пор. В шоу-бизнесе, положим, без этого успеха добиться очень даже проблематично. Певица и поэтесса Катя Молния, которой недавно предложил сотрудничество один из самых крутых воротил американского шоу-бизнеса Скотт Сторч, говорит об этом так: «Все вокруг твердят, что попали в шоу-бизнес не через постель. Не верьте! Не буду называть имена, они слишком известны. Один продюсер, послушав меня, сказал: "Хорошо, крошка, приходи завтра. Только не забудь про чистое нижнее белье". Второй, предложив интим в обмен на прослушивание, очень удивился моему отказу: "А что ты думала, девочка? У тебя сиськи вон выросли, уже не маленькая, пора понимать...".». К этому можно добавить и сказанное мэтром отечественной эстрады Иосифом Кобзоном: «Современный шоу-бизнес превратился, простите за грубое выражение, в публичный дом».

Безусловно, шоу-бизнес держит пальму первенства в деле использования секс-услуг и для получения спонсорских денег, и для удовлетворения всевозможных фантазий тех, кому приходится решать и творческие, и другие деловые вопросы. Однако он совсем не одинок. Столь любимый в нашей стране женский большой

теннис стараниями циничных менеджеров превратился в настоящий бордель.

Вот выписка из контракта, который руководство женской теннисной ассоциации заставило подписывать некоторых участниц Мадридского чемпионата мира 2007 года: «Теннисистка обязана появляться на всех мероприятиях с уложенными волосами, эффектным макияжем, в минимально короткой юбке и туфлях на высоких каблуках. Во время встреч как с настоящими, так и с потенциальными спонсорами теннисистка должна улыбаться, быть милой со всеми и никогда не отклонять их заигрывания». Так, обладательница самых длинных ног в мировом спорте Даниэла Хантухова и сербки Елена Янкович и Аня Иванович перешли из разряда недоступных красавиц в категорию «девочек по контракту». Правда, отдаваться богатеньким дяденькам Аню заставила ее многочисленная и алчная армия родственников. Зато все девочки получили новые миллионные контракты.

Самую же выгодную сделку чемпионата совершил папаша юной француженки Марион Бартоли – продал непорочность своей дочурки хозяину одной французской компании, производящей туалетную бумагу, за пятьсот тысяч евро.

Так на рынке появился новый вид коммерции – девочки предлагают покупателям свою невинность. И продавцов немало, и желающих приобрести необычный товар по сходной цене тоже хватает. Поскольку Европа для нас сейчас вроде как луч света в темном царстве, из которого мы без особого пока успеха пытаемся выбраться, то жить мы стараемся по европейским образцам. Хотя

не всё так уж безоглядно следовало бы копировать.

Несколько лет назад одна английская студентка, отчаявшись найти деньги на продолжение учебы, решила выставить на продажу единственную имеющуюся у нее ценность – свою невинность, воспользовавшись Интернет-аукционом. Говорят, она была первой на этом замечательном пути. Интересно: если некоторые наши продвинутые школьницы, которые предпочитают расставаться с ней лет в пятнадцать, оказались бы в подобной ситуации, то их бы и рыночные отношения не спасли – нет товара, нет наvara. Неожиданно для английской студентки на необычный тендер объявилось более двух тысяч претендентов. Победителю, как известно, пришлось заплатить пятнадцать тысяч долларов. Кровь-то он, скорее всего, увидел, а вот о том, испытал ли он радость оттого, что девушка сделала этот подарок не самому любимому и дорогому для нее человеку, история умалчивает. Но в данном случае это и неважно. Главное – был создан прецедент: на рынок вышел новый товар. А как известно, пример, да еще такой, заразителен.

Вот и у нас им тотчас же заболели, заразившись – разве ж могли мы отставать от Европы? Интернет наполнился соответствующими объявлениями. Бизнес-леди, как и принято на рынке, отчаянно торговались в борьбе за трудовую копейку, покупатели, естественно, старались сбить цену. Конечно, от Англии мы пока по целому ряду показателей отстаем, и, хотя наши девушки, как утверждают специалисты, ихним дадут сто очков вперед, цены у нас значительно ниже – в пределах тысячи долларов. Это, так

сказать, для среднего класса. Но такое для уважающего себя бизнесмена вряд ли подойдет.

Логика этого поступка у всех юных продавщиц, как правило, примерно одинакова. Зачем задором (тем более рано или поздно этого всё равно не миновать), когда можно заработать? А деньги нужны всегда, ведь так многого хочется, тем более в юном возрасте, когда своего, по сути дела, еще ничего нет: всё подарили, купили или дали денег (даже на мороженое) – родители. Хорошо еще, если дали. А приятель, даже любимый мальчик, в лучшем случае может подарить лишь недорогой букетик цветов в день рождения, ну, или какую-нибудь мелочь. К тому же многие нынешние юноши относятся к подобным ценностям вроде невинности без особого пиетета.

Так что вполне возможно, Оля, что парень, по которому ты так сохнешь, страдаешь, относишься к тому достоинству, которым невинные девушки могут гордиться, точно так же, как и многие его сверстники. Ну, было, ну, потеряла или украли – в смысле соблазнили, обманули, а, воспользовавшись, оставили подругу наедине со своими переживаниями и проблемами. Всякое может случиться. И не всегда ясно, кто же всё-таки виноват. А может, и нет виновных и не было их вовсе. Твой старший друг получил то, что хотел, ты тоже возжелала радостей жизни – и получила их в конце концов. Однако ясно, что за всё приходится платить. Не бывает так, чтобы и капитал приобрести, и невинность соблюсти. Парень же твой, если у вас с ним сладится, получит то, что есть. У тебя ведь тоже ничего другого не может быть, как быть с ним такой, какая ты есть. Вернее, такой, ка-

кой ты стала, – прошлого не вернешь. Вопрос, как теперь быть – любишь одного, а находишься в интимных отношениях с другим – чисто риторический. Тут вариантов нет. Всё зависит только от тебя. А ты и сама говоришь, что не хочешь и не будешь расставаться со своим «спонсором». Значит, волей-неволей придется быть сразу с двумя – любить одного, а удовлетворять потребности другого. Жить двумя разными жизнями.

Вот и получится, как в жизни: утром надела одно платье, после обеда – другое, собралась на дискотеку – третье. И твои отношения с этими людьми станут похожи на вечное переодевание – полдня с одним, полдня с другим. Или что-то вроде этого. Хотя твоя ситуация – вовсе не исключительная. Такие варианты встречаются довольно часто, хотя, конечно, чаще у дам постарше, чем у молоденьких девушек. Цинизм, знаешь ли приобретается с возрастом.

Мы постарались нарисовать картину того, что происходит в сегодняшнем обществе (опираясь на исторические корни проблемы). И нашем, российском, и за пределами нашей страны, чтобы каждый из юных читателей журнала мог сам оценить, что есть норма и что – отклонение от нее. И сделать для себя соответствующие выводы.

По большому счету, автора письма, с которого мы начали наш разговор на эту болезную и щепетильную тему, проституткой-то назвать нельзя. Раньше юристы считали статистически: допустила к телу больше двадцати мужчин – проститутка и есть. А за деньги или как иначе – неважно. У Оли всего один мужчина, пусть не

любимый, но на самом-то деле иначе как любовником его не назовешь. И она ни что иное, как любовница. Но многие мужья изменяют своим женам, равно как и они им. И редко кто, за исключением, пожалуй, родственников, возьмется их судить да рядить. Дело это сугубо личное, никого не касается. А стоит ли за этим материальный интерес – это уж как получится. Одни пленяют предмет своих притязаний красотой, другие покупают за деньги. Хотя, по существу, и то, и другое на самом деле есть средство оплаты. Одни продают то, что у них есть, другие платят за это тем, чем могут. Причем это касается не только девушек: как мы знаем из получаемых писем, парни тоже не прочь попользоваться материальными благами от своих партнерш. И не только партнерш, но и от партнеров – но это уже, как говорится, другая тема.

Оля надеется, что когда она уедет в город на учебу, то тут же прекратит зарабатывать своим телом. Возможно. В идее. Но давайте представим. Поступит в институт (хорошо, если еще не придется за это платить), будет получать грошовую стипендию (хорошо, если будет). Только в этом случае не сможет она покупать красивые, модные вещи, дорогую парфюмерию и косметику (а именно желание обладать всем этим привело ее в объятия сегодняшнего «спонсора»). Если хочешь что-то изменить, надо начинать с себя, а не с перемены места жительства.

В противном случае опять возникнут те же самые проблемы, как с богатеньким гражданином Б. И что тогда? Опять будем ориентироваться на пример «цивилизованных» стран, делать, «как там»? А там... Вот статистика: двадцать

пять процентов студенток-шведок зарабатывают на учебу собственным телом. Так же поступают англичанки, француженки, рекорд у датчанок – сорок процентов. Тогда почему им можно, а нам нельзя?

Да можно и нам. Кто запретит? А вот нужно ли?

Сегодня на наших глазах стремительно меняется оценка профессий, поступков, стимулов, жизненных ценностей. В понимании людей размывается граница между добром и злом, да и сами эти понятия значат уже совсем другое, чем лет так двадцать назад. Создается впечатление, что мораль и нравственность как бы уходят в тень экономики. Но даже самая разумная экономическая система, обеспеченность населения не сулят никаких благ, если не поднят общественную нравственность. Мы хотим жить хорошо, нам нужна нормальная страна. А потому в ней должны быть нормальные люди с чувством собственного достоинства. Когда человек сделает красивую вещь – говорят, что он вложил в нее душу. А если в душе ничего нет, то вкладывать в то, что мы делаем, будет нечего.

Пороки были во все времена. И искоренить их до конца вряд ли когда-нибудь удастся. «Пусть бросит камень тот, кто безгрешен», – кажется, примерно так говорится в Евангелии.

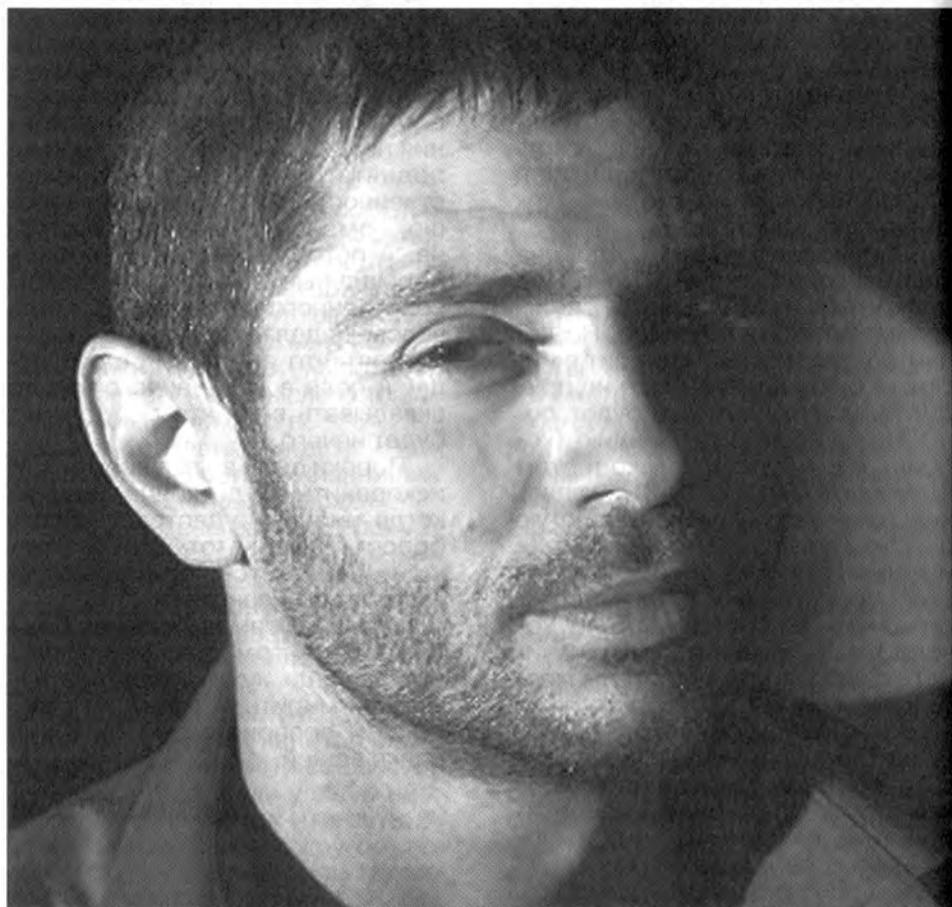
И всё же самая большая беда даже не в том, что они существуют. Еще хуже, когда мы начинаем мириться с тем, что они есть, и воспринимаем их в порядке вещей.

Ал. БРОДНИКОВ

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

У известного актера, фаворита шоу «Цирк» на Первом канале Валерия Николаева – своя жизненная философия. Например, он считает, что профессия артиста опасна для души человека и что мужчина должен уважать право женщины... на измену. Валерий – человек серьезный. На первой же минуте беседы он дает понять, что вообще-то прессу не жалует. А на вопрос – чем ему не угодил наш брат? – цитирует Шарля де Голля: «Я благодарю журналистов за то, что от них узнаю, о чём думаю и что говорю».

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВ: «РАБОТАТЬ НУЖНО ВЕЗДЕ»

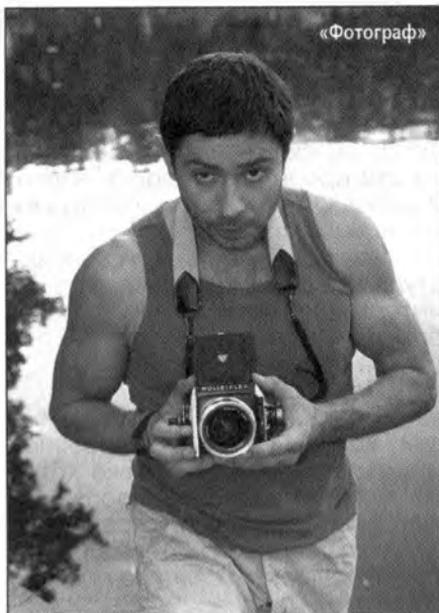
Валерий Николаев родился 23 августа 1965 года в Москве. Во время учебы в школе активно занимался гимнастикой, мог бы рассчитывать на место в большом спорте – но перелом руки поставил точку в его спортивной карьере. После окончания школы попытался поступить сразу в несколько театральных вузов, но везде его ждала неудача. Проучился год на экономиста, но через год понял, что его призвание – не здесь. Вновь он пытается поступить в театральные вузы – и его принимают в Школу-студию МХАТ на курс Олега Табакова. Его однокурсниками были Евгений Миронов, Владимир Машков, Ирина Апексимова, впоследствии ставшая его женой.

Во время учебы Валерий Николаев прошел стажировку во Флоридском университете в США, где учился танцу – джазу и степу. В 1990 году после окончания Школы-студии Валерий был принят в труппу МХАТ имени Чехова, где в качестве балетмейстера поставил пять спектаклей.

Сниматься начал с начала девяностых годов, играл в кино- и телепостановках. Его приглашали в свои фильмы знаменитые американские режиссеры – Филлип Нойс, Оливер Стоун и другие.

О своих последних работах, о том, какова сейчас его творческая и личная жизнь, популярный актер рассказал в интервью журналисту Рамазану РАМАЗАНОВУ.

– Валерий, откуда у вас такая тяга к профессии журналиста? Вы ведь недавно снялись в сериале «Фотограф», где играете папарацци.

«Фотограф»

– У меня есть к журналистике интерес, а тяги нет.

– И чем вызван интерес?

– Настоящий журналист обязан быть настоящим психологом, обязан владеть языком, точно и быстро формировать свои мысли, слушать. При наличии всех этих компонентов может быть гарантирован интерес аудитории, к которой он обращается. Но очень большой вопрос – что автор преследует в процессе своего журналистского творчества, если это творчество, а не рабская работа на заказчика? Раскрыть перед читателями тот или иной образ или покрасоваться?

– А в «Фотографе» вам удалось отразить этот образ?

– Посмотрим. Вы мне скажете об этом, когда посмотрите сериал.

– Ну а как вы сами оцениваете свою игру?

– Стивен Спилберг по этому поводу сказал: «Кино – это клад-

бище несбывшихся надежд». Это он сказал как продюсер. А режиссер Спилберг очень сложно находит общий язык с продюсером Спилбергом. Ни один нормальный актер не скажет, что сделал всё на сто процентов хорошо. Что-то удалось, что-то стало понятным, как нужно исправлять.

– Валерий, вы ведь и сами выступали в роли журналиста, когда интервьюировали Стивена Спилберга, Филлипа Нойса. Какова судьба этих интервью?

– Пока лежат в столе. Как только ТВ понадобится рассказ о людях, которые делают серьезное мировое кино, а не только ходят по красной ковровой дорожке и щеголяют нарядами, с радостью предложу им свой материал.

– А почему вы сами не предлагаете этот труд?

– Сейчас не до этого. Съемки. Да и одна работа в «Цирке» чего стоила!

– И чего же?

– У циркового артиста на постановку трехминутного номера уходит год, а то и больше. Нам же предложили сделать шесть номеров за два месяца. Мне помогал прошлый опыт. Я ведь ставил спектакли как хореограф, танцевал степ.

– А скажите, как вас, гимнаста, увлеченного степом, угораздило попасть в кино? Наверное, родители готовили вас к другой профессии?

– Просто родители считали, что в актерской профессии еще сложнее добиться высот, нежели в той, которой занимаются сами. Они у меня преподаватели: отец – в приборостроении, мать работает в Строгановке. Родители были правы: сложность много. Но чем глубже я постигаю эту профессию, тем больше понимаю, насколько она интересна, уникальна и опасна.

– Опасна? Чем?

– Если вы на стройке не надели каску, велика вероятность того, что вы пострадаете от удара по голове. Но рану могут зашить. И поэтому такая опасность – ничто в сравнении с опасностью другого рода. Если актер играет, не соблюдая техники безопасности, вирус отрицательной роли, которую он поселяет в себе, не устанавливая при этом некий «антивирусник Касперского», может начать мутировать и привести к серьезным последствиям. Никто ведь до конца не знает, как и что лечится в психике. Теорий много, а толку не очень.

– Валерий, а когда вы отправлялись работать в Голливуд, не опасались, что на вас будут смотреть свысока?

– Нет, я был готов ко всему. И, кстати, заметил такую вещь: чем меньше человек собой представляет, тем больше у него амбиций.

Поэтому я не слышал, что, мол, «приехал какой-то русский, куда он вообще лезет, ехал бы к себе» и прочее. Такого, кстати, полно и у нас. А им интересны профессионалы. Мне повезло: среди тех, с кем посчастливилось работать за десять лет езды в Голливуд и обратно, были Нойс, Оливер Стоун, Спилберг.

— Как получилось, что на роль в боевике «Святой» Нойс выбрал именно вас?

— Наверное, посчитал, что я справлюсь лучше всех. Но одно дело — получить роль и другое — ее сыграть. И вот здесь без помощи Нойса вряд ли что-то получилось бы. Я учился на площадке в течение всех семи месяцев съемок.

— Вы ведь и жили в доме у Филлипа. Это он вас пригласил?

— Да, он настолько великодушен и так любит гостей, что сказал мне: «Живи сколько хочешь и с кем хочешь». Одновременно со мной у Нойса гостили индийский актер и режиссер Митхун Чакраборти, Джеки Чан. Нойс был счастлив оттого, что его гостеприимством пользуются друзья. И в этом он, австралиец, близок по духу к русским. У меня друзей не

меньше и поделиться есть с кем. Хочется, чтобы и возможности мои росли.

— Голливуд вас принял. А ведь обычно русским актерам там предлагают лишь роли бандитов и проституток.

— Даже среди таких ролей есть разные уровни материала, тут каждый волен выбирать. Я выбрал «Святого», «Поворот» Стоуна, «Терминал» Спилберга, «Ворота в рай». Предложений не так уж мало.

— А почему же вы не остались в США, если там всё складывалось удачно?

— Жить, на мой взгляд, можно только в России, а вот работать нужно везде. Хотя если есть интересные предложения здесь, то с удовольствием принимаю их. Объективно центр киноиндустрии в скором будущем переместится из Лос-Анджелеса в Москву.

— Кто вам такое сказал?

— Кишиштоф Занусси. Ни одна страна не дала миру столько гениев в сфере кино, сколько Россия. У нас фантастические возможности! Вот только не нужно занижать планку зрительского восприятия и опираться на тезис о том, что все мы ходим в туалет,

и это нас объединяет. Тяжело смотреть кино, когда рот набит попкорном. Переваривается пища, кровь отливает от мозга...

– Валерий, но ведь есть коммерческий интерес, и он, как правило, далек от заботы о нравственности.

– В моем режиссерском дебюте, фильме «Медвежья охота», есть замечательные слова: «Время не бывает хорошим или плохим, оно такое, каким мы его делаем». Существует быстрый способ заработать деньги, а есть другие технологии. Они дадут плоды через пятьдесят лет, но именно в них вкладываются стратеги.

– Кстати, я поздравляю вас с премией фестиваля «Золотой Феникс» за «Медвежью охоту». По-моему, это ваша первая большая киноработа?

– В качестве режиссера – да. Трогательно то, что на фестивале «Дух огня» я получил приз имени

Александра Абдулова за лучшую мужскую роль в дебютной картине. То есть режиссер-дебютант Николаев не мешал актеру Николаеву нормально играть.

– Как вы оцениваете свой режиссерский дебют?

– Все оценки поставит зритель. Меня очень радует, что люди разных возрастов выражали мне свое восхищение. Однажды ко мне подошла девочка одиннадцати лет и сказала, что фильм ей понравился. Я спрашиваю: как же ты поняла, ты же маленькая? «Я не всё поняла, но поняла, кто плохой, а кто хороший и в чём там дело». Это трогательно и радует. Нас уже пригласили на два международных фестиваля.

– А, собственно, действительно – в чём там дело?

– Суть «Медвежьей охоты» такова: рад медведь, что на стрелка не вышел, рад стрелок, что на медведя не угодил. Тут непонятно, кто на кого охотится, хотя

«Медвежья охота»

охотник уверен, что он на медведя. Но все охотники прекрасно понимают, что за персонаж медведь и какие могут быть последствия. Медведь – персонаж русских народных сказок, символ рода. В этом персонаже случайно всё и сошлось. Но, как говорят мудрые, случайность – это непроявленная закономерность.

– *Вы – востребованный актер, которому довелось сниматься с легендарными актерами и у режиссеров с мировой известностью. Но что-то имя «Валерий Николаев» не звучит так громко, как, скажем, Владимир Машков или Евгений Миронов. Не обижайтесь, но это так.*

– Обида – это признак ограниченности ума. Каждый из перечисленных ребят, с которыми мне довелось учиться, делал свой выбор в кино и играл свои роли. Я играю свои. Мне очень нравится, как воспринимается мое имя в кино, оно на той позиции, на кото-

рой должно находиться. То, что происходит со мной, меня радует, и еще меня радует, что всё очень не просто. Сложности привносят больше самодисциплины и требовательности, во-первых, к себе. Только на этом основании можно что-то спрашивать с людей, оценивать их. Можно собирать единомышленников, с которыми интересно работать, а не тех, кто требуется на том или ином канале. Зачастую люди, которые имеют достаточно поверхностное представление о кино, берут на себя смелость утверждать, какое кино интересно народу, какое будет смотреть, какое не будут.

– *Вас с Машковым не путают? Внешне вы похожи...*

– На это жаловался всё время Гарри Урман. Его достали поклонники другого известного актера. Он расписывался за него и давал автографы. Дать автограф от лица Володи меня пока не просили. Если такой момент настанет

- я обязательно сделаю это и скажу ему, что дал автограф той или иной его поклоннице и чтобы он не обижался (смеется).

- А вам не обидно и не досадно, что вас могут перепутать с ним?

- Тему обиды мы уже обсудили. Это забавно, не более того.

- Ваши роли в кино привносили в ваш характер что-то от ваших героев?

- Я всегда учусь у своих героев, они всегда более интересны, чем я. Они быстрее, веселее, умнее, богаче. Я у них учусь.

- Какие из ваших киноролей вам особенно дороги?

- Все, потому что каждый следующий – это те же волнения, надежды.

- А любимые роли есть?

- Лучше, если актер играет все роли так, как этого требует профессия. Только когда я получаю удовлетворение от своей игры, я могу спокойно спать.

- Валерий, вы вообще-то бредетесь или щетина – это часть вашего имиджа?

- Есть последовательность производства, которая прописана в контракте. То есть необходимо оставаться в одном образе на протяжении всего проекта. Нормальный актер думает о ролях, а не о создании того или иного имиджа.

- То есть если вас попросят обрить голову налысо, вы сделаете это легко?

- Если мне интересна роль и это необходимо обусловленной историей – никаких проблем. У меня то состояние прически и растительности на лице, которое необходимо сейчас.

- Я слышал, что вы бросили курить по просьбе вашей дочери Даши.

- Потребность в курении отпала как раз в тот момент, когда Даша спросила, смогу ли я бросить курить. Я ответил: да, смогу.

«Зеркальные войны»

– А если вам достанется интересная роль в кино, где ваш герой – заядлый курильщик, что тогда?

– Я закурю в кадре, не более того. В кино есть положительные и отрицательные герои, хотя в это состояние люди приходят в результате комплекса разных решений. Есть люди, которые, совершая ошибки, остаются уверенными в том, что они их не совершают. Так вот, курение входит в число таких ошибок.

– Вы считаете, что курить – это значит ошибаться в жизни?

– Да. Человек ведь делает то, что ему указывают посредством рекламы. Я в теме.

– А прежде чем ваша дочь попросила вас бросить курить, вы не понимали, что совершали ошибку, согласно вашей теории?

– Понимать одно, осознать другое. А я не только понял, но и осознал, что являюсь пешкой в огромной толпе людей, запрограммированных на то, что курить

мне нравится. Я помню, как я блевал, когда впервые, будучи мальчишкой, закурил сигарету. Я понимаю, что тупо влился в стадо, которому навязали это мнение и на которых делают большие деньги. Слава богу, люди, которые хотят чувствовать себя людьми, избавляются от курения.

...Звонит телефон. Валерий:
«Не волнуйся, мамулька, всё у меня нормально. Целую, веди себя хорошо, пожалуйста».

– Вы в семье один?

– У меня есть дочка, у бабушек – внучка, даст бог, еще будут дети.

– Вы были женаты на Ирине Алексимовой. Потом в вашей жизни появилась певица Татьяна Овсиенко...

– Пропуск в мою личную жизнь есть лишь у очень близких людей, так что откровенничать не стану. Могу сказать одно. К Татьяне Ов-

сиенко совершенно особое отношение и у зрителей, и у асов эстрады. Такой преданности профессии и требовательности к себе, какая есть у нее, я еще не видел. У Тани можно многому научиться. И сына воспитывает, и над новыми проектами работает, и по детским домам ездит, участвуя в попечительском совете при МВД России и оказывая помощь больным детям. Удивительно, как она всё успевает при том, что имеет одно здоровье и всего двадцать четыре часа в сутки!

— При этом многие могут спросить: «А кто это — Овсиенко?» Общественная работа — это здорово, но певице надо еще и петь, согласитесь?

— Недавно я попросил в книжном магазине сборник рассказов Шукшина и услышал в ответ: «Шукшин — это который артист?» Если человек не знает, кто такой Шукшин, — это норма? Я не соглашусь. А многие согласятся.

— Вы привели неудачный пример и сравниваете несравнимое.

— Уже целое поколение людей живет с ее песнями, воспринимает их, как народные. Просто порой наступает момент, когда артисту полезно взять паузу.

— Но пауза затянулась!

— Знаете, сколько не было на экране Джона Траволты, прежде чем он появился в «Криминальном чтиве»? Лет семь. А сколько не было Хопкинса? Люди, которые давно внесли свой вклад в искусство, не должны никому доказывать свой профессионализм: ни Хопкинс, ни Траволта, ни Овсиенко. Я говорю о настоящих артистах, которые имеют полное право делать профессионально то, что они считают нужным. Я с интересом и терпеливо буду ждать следующего проекта или песни, понимая, что у этих людей огромная требовательность к себе, чувство меры, такта, вкуса. И если они ждут, значит, есть чего, значит, и я подожду. Я им доверяю.

— То есть вы уверены, что если актера Николаева год не будет на экране — зритель его будет помнить и любить?

— Да. Лучше меня не будет десять лет, чем я выйду на экран с позорной ролью. Поэтому давайте не будем указывать артистам, как себя вести и как выстраивать свое пребывание в искусстве. Они, слава богу, достаточно сформированы уже как явление, чтобы дальше не подделываться под вкусы той или иной публики или канала. Они руководствуются своими взглядами, а не тем, что от них требуют. Поэтому они и являются людьми, которые существуют давно и будут еще долго существовать. Это не однодневки. Они доказали свой профессионализм своими работами, а не коли-

Голливуд.
Аллея
славы

чеством денег, которые в них вбухали по тем или иным причинам рискованные люди. Этим звезд, которых впахивают всем на две недели и кричат, что они спасут страну на том или ином конкурсе, полно. Ну и что? Вбухают в них миллионы или двадцать и снимают свои деньги, но ничего же не произойдет.

— *Давайте сменим тему и поговорим о делах семейных. Как вы считаете, в какой момент супруги перестают быть интересны друг другу?*

— Могут и на второй минуте совместной жизни. Отношения есть, пока есть взаимное желание удивлять друг друга и понимание — ты заботишься о любимом человеке не потому, что так надо, а потому, что ему от твоей заботы хорошо. В супружеских отношениях центр внимания направлен на партнера, а не на получение собственного удовольствия — как от арбуза, который съел, а корки выбросил.

— *Но ведь каждый человек немного эгоист. Вот вы, Валерий?*

— Во мне есть некая доля эгоизма, и многие ее терпят, а если нет, я не заставляю.

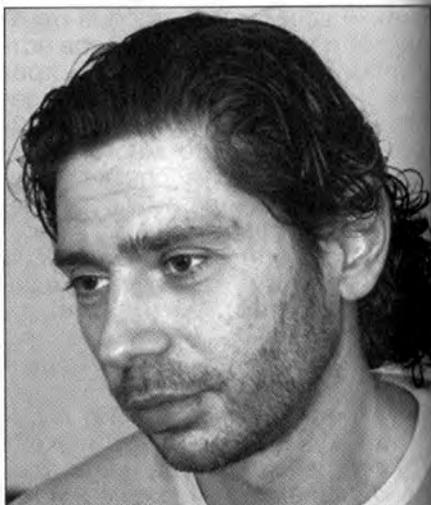
— *У вас есть опыт супружеской жизни...*

— Целых два. И мне повезло, что мои женщины были потрясающе талантливы и продолжают таковыми быть.

— *А какими они были женами для вас?*

— Замечательными. Вообще, если отношения не сложились, виноват мужчина. Потому что активное начало принадлежит ему, и именно он должен формировать отношения, создавать атмосферу в семье на равноправных началах. На уважении, а не на диктате.

— *Смогли бы простить жене измену?*

— Изменить можно только родине. Женщина сама решает, с каким мужчиной ей быть. Она может ошибаться, но я же не господь бог, чтобы судить ее за это. Совсем не факт, что я захочу продолжать с ней отношения, но уважать ее выбор я обязан.

— *Вам проще жить с женщиной своего, звездного круга?*

— Своего круга? Настоящая звезда называет себя звездой лишь раз в жизни, перед смертью. Если двое действительно любят друг друга, им и в голову не придет выяснять, кто главный... Мне кажутся идеальными отношения, когда мужчина каждый раз говорит себе: при всём многообразии красивых, веселых и талантливых женщин вокруг мне дорога именно та, которая сейчас рядом со мной. Я буду продолжать общаться и с другими, но любить я буду только ее. И пока я буду интересен ей, а она мне, мы будем вместе.

— *Вы родились на стыке двух знаков гороскопа — Льва и Девы. Кто вы больше? Мне кажется, вы больше играете в Льва.*

— Я то, что я есть.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на наш журнал на 2009 год непосредственно в редакции. Подписчикам журнал будет высылаться простой или заказной бандеролью (по желанию подписчика).

КАК ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ?

Решите, на какие номера вы хотите подписаться. Мы гарантируем высылку номера, если получим заказ не позднее 5-го числа подписного месяца. Если будет возможность – выполним и более поздние заказы.

Стоимость одного номера с пересылкой – 70 рублей.

Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. В стоимость подписки не входит оплата услуг Сбербанка. Вышлите нам квитанцию (или ее ксерокопию) с отметкой банка. Разборчиво заполните бланк заказа на обороте этой страницы и вышлите его в редакцию вместе с квитанцией.

Извещение

Форма № ПД-4
ООО "Литературно-художественный журнал "Мы"

(наименование получателя платежа)

7701234320

(ИНН получателя платежа)

№ 40702810400000003232

(номер счета получателя платежа)

в АКБ "ОБПИ" (ОАО), г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000776 БИК 044579776

(Ф.И.О. плательщика)

(Индекс и почтовый адрес плательщика)

Подписка на журнал "Мы" _____ месяцев

(назначение платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

ООО "Литературно-художественный журнал "Мы"

(наименование получателя платежа)

7701234320

(ИНН получателя платежа)

№ 40702810400000003232

(номер счета получателя платежа)

в АКБ "ОБПИ" (ОАО), г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000776 БИК 044579776

(Ф.И.О. плательщика)

(Индекс и почтовый адрес плательщика)

Подписка на журнал "Мы" _____ месяцев

(назначение платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Квитанция

Кассир

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «МЫ»

Я подписываюсь на журнал «Мы» на 2009 год на следующие номера:

2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

и плачу _____ рублей

Журнал прошу высылать простой / заказной бандеролью (подчеркните)

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

_____ индекс _____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

НА НАШИХ ЭКРАНАХ

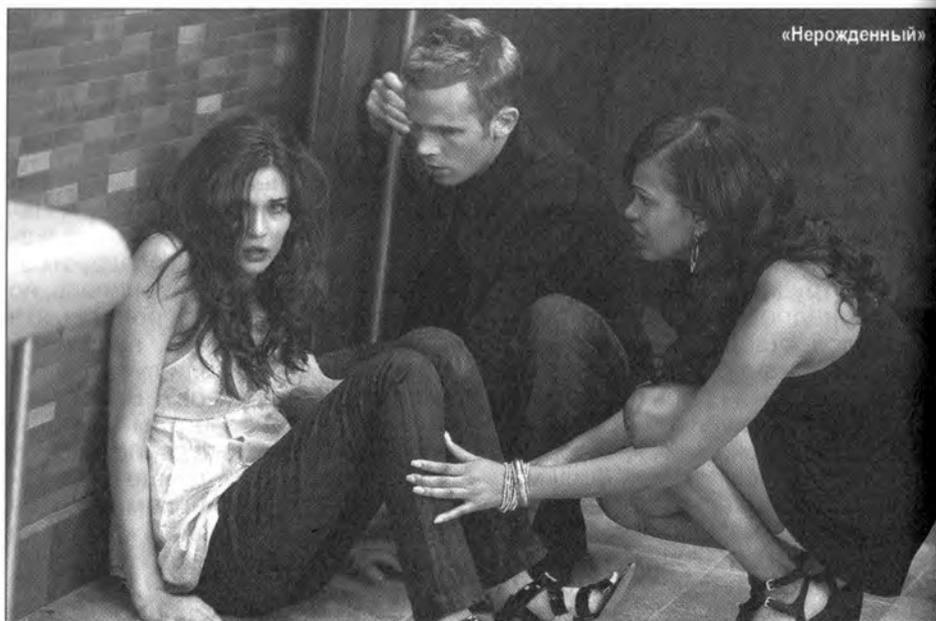
Страшилки на фоне кризиса – жанр самый важный и исключительно полезный. Производимый им психотерапевтический эффект трудно переоценить или нельзя недооценивать. Во-первых, человек (зритель, он же, если угодно, пациент), сам того не замечая, во время просмотра освобождается от глубинных страхов. Причем не только от тех, которые вызывает в нём сюжет фильма ужасов, участь жертвы, тупая бесчеловечность насильника, но попутно и от тех страхов, что вызрели в нём самом под воздействием весьма неблагоприятной и чреватой непредсказуемыми неприятностями реальности. С другой стороны, хорроры, изрядно поугав нас в темноте кинозала (его часто сравнивают с чревом, с утробой), помогают расценить выход на свет божий, возвращение в повседневность как благо, как освобождение от гнетущего кошмара и страхов перед будущим – симптомов стресса. После просмотра жизнь уже не кажется такой тревожной, экономические катаклизмы, опасность безработицы и безденежья представляется мелочью по сравнению с возможностью очутиться в руках маньяка, стать жертвой сумасшедшего или «обедом» для агрессивного «чужака».

Уверена, не каждому такая терапия подходит. Лично я этим рецептом не воспользовалась бы ни в горе, ни в радости. Комедия, как оздоровительное мероприятие, выглядит для меня привлекательнее, да и смех (даже горький, как водилось у русских классиков)

здоровее, чем страх. Не зря раньше говорили: пять минут смеха по калорийности равны стакану сметаны. Сейчас, правда, отношение к калориям изменилось, но не к смеху. Так что вопрос только в замене сметаны на... например, на тысячу баксов или лучше евро. Или всё-таки баксов?! Вот и вернулись снова к заботам социально-экономического свойства. А ну их!.. Давайте-ка лучше о кинострашилках и кинокомедиях, а там, глядишь, кривая (уж точно не прямая!) вывезет.

Мистический хоррор – самая страшная, с моей точки зрения, разновидность жанра ужасов. Когда смотришь «**Нерожденного**» («The Unborn») Дэвида С. Гойера,

в памяти оживают классические хорроры «Ребенок Розмари» и «Изгоняющий дьявола». Гойер, автор «Ворона 2», «Бэтмэн: Начало», «Блэйда», заслуживает того, чтобы посмотреть новое его творение, запрещенное в Америке, между прочим, для показа детям моложе тринадцати лет. Фильм рассказывает историю Кэсси Балдон (Одетт Юстман), которая росла без матери и всей душой возненавидела ту, что бросила ее ребенком. Вскоре девушку начинает преследовать душа умершего мальчика с ледяными голубыми глазами. Это диббук – именно таким термином в каббале и в еврейской иудейской традиции – обозначается злой дух, который полагает себя мечущейся душой покойника, бежавшей из ада. Позднее появится предположение, что это брат-близнец Кэсси, в младенческом возрасте погибший в холокосте. Кэсси пребывает в таком отчаянии, что даже обраща-

ется к рабби Сендаку, которого играет Гэри Олдман, записной кинозлодей и граф Дракула. В одном из интервью Олдман даже попытался на этот счет пошутить, сказав, что уж и не надеялся побывать на полюсе добра и сыграть образ, являющийся моральным стержнем всей истории. Именно его герою предстоит провести обряд экзорцизма. «То, что между близнецами существует абсолютно непознаваемая мистическая связь, медицинский факт, – поясняет замысел Гойер. – Причем устрашающих историй на эту тему на порядок больше, чем сусальных». Режиссер прежде всего решил, что будет делать ленту о кошмаре, о наваждении, а не ужастик, в котором берут на испуг, показывая разные виды насилия. В Америке фильм прошел достаточно успешно, собрав только за первые три дня 34 миллиона долларов. Окрыленный Гойер уже подумывает о приквеле.

Несмотря на идиллическое название, «**Райское озеро**» («Eden Lake») – фильм ужасов, в котором есть вроде бы всё необходимое для жанра. Но – увы! – всё это уже неоднократно было, до безумия знакомо. Молодая влюбленная пара решает провести романтический уик-энд на природе, в поистине райском уголке, в уединении. Этот «оригинальный» пролог ни что иное, как «общее место» под номером «раз». Здесь же, в прологе, мы узнаем, какие они, Дженни (Келли Райлли) и Стив (Майкл Фассбендер), милые, интеллигентные, влюбленные и сексуальные. Другими словами, мы им симпатизируем от души. Но тут, как обухом по голове, «общее место» под номером «два». Несколько местных отвязных и омерзительных молодчиков появляются «совершенно неожиданно» в месте, которое наша парочка опрометчиво сочла укромным, и, прервав их любовные игры на

самом интересном месте, превращают свидание в кошмар. Испытав по полной, что такое звериная жестокость, садизм, насилие, произвол, Дженни и Стив понимают, что спастись они смогут, только если будут действовать такими же методами, как и их палачи. Как говорится, или «они нас», или «мы их». Третьего не дано – и это «общее место» как раз под номером «три». Простите, уважаемые читатели, за обилие кавычек – но без них ну никак. За каждым поворотом сюжета хоженная-перехоженная дорожка. Конечно, можно сказать, что в центре фильма – конфликт между буржуазной благополучной молодой парой из города и местной рабоче-крестьянской молодежью. Но что это изменит? Можно сказать, что это лента о пороках современного неразвитого и тупого поколения, которое держит в страхе всё общество. Объяснит ли что-нибудь такое обобщение?

«Райское озеро»

«Райское озеро»

Уж если идти по пути поисков дополнительных смыслов (кроме страха), то скорее это фильм о столкновении – противопоставлении разных представителей одного и того же молодого поколения: одни воспитаны, культурны, вменяемы; другие – асоциальны, агрессивны, невменяемы. И это не только проблема английского общества, но любого государства, и нашего в том числе. Чтобы понять ее истоки, надо подумать о том, почему в одних семьях детям прививают нравственные ценности, в других – нет. Почему одни родители объясняют детям, что человеческая жизнь бесценна, а другие потворствуют (прямо или косвенно) самым низменным инстинктам своих отпрысков. Как видите, банальный, с точки зрения фабулы, хоррор рождает немало актуальных мыслей: значит, в нём есть нечто большее, чем пугалки-страшилки, он интеллигентно снят и хорошо сыгран. Анг-

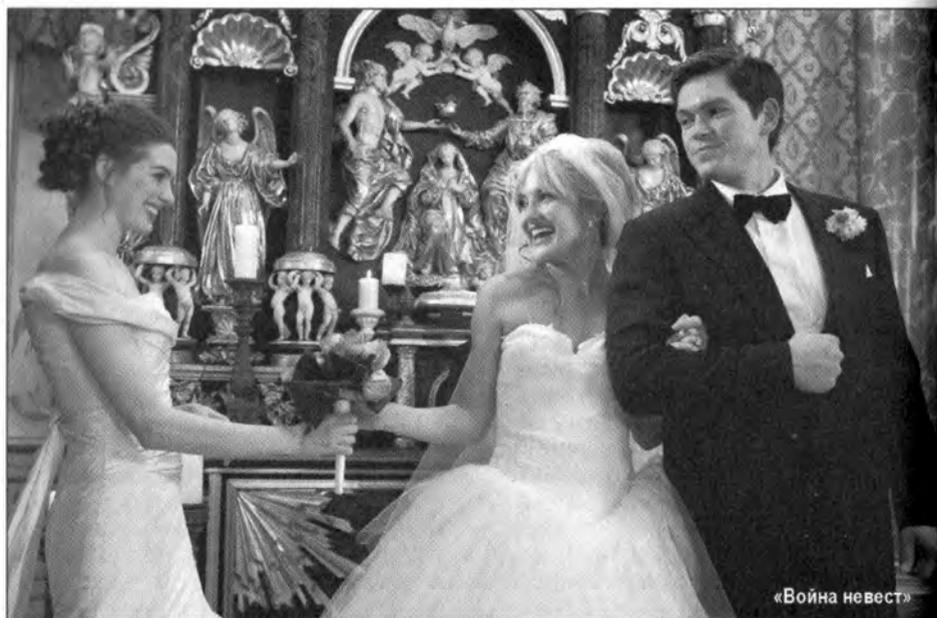
лийский режиссер Джеймс Уоткинс – дебютант, прежде выступавший в качестве сценариста («Мой маленький глаз», 2002), поставил перед собой задачу снять фильм о том, как выжить в экстремальной ситуации столкновения поколений, и, надо сказать, вполне с нею справился – потому что никак. И хотя его герои поступают нелогично, словно задались целью найти побольше неприятностей на свою э-э... голову, что, впрочем, вообще характерно для героев хорроров, в финале героине всё-таки удается спастись от подростков-садистов. Но ненадолго. Потому что есть еще родители. Сын за отца не отвечает, говаривал товарищ Сталин. А вот отец за сына ответил полной мерой – перефразируя поговорку, яблоня от яблочка недалеко ушла.

Для любителей посмеяться, чтобы забыться (специально для них!) комедия «Сексдрайв» («Sex

Drive»), отвязная и пошлая донельзя. Но тем, кому, как и ее героям, не больше восемнадцати, будет смешно: ведь специально для них авторы задействовали все репродуктивные и экскреторные функции человека. Другого и не надо, чтобы рассмешить основную массу этой возрастной категории. Восемнадцатилетний девственник Ян (Джош Цукерман) очарован заочной подружкой, которая называет себя «мисс Тэсти» – «мисс Вкусняшка» (Катрина Боуден) и гарантирует ему отличный секс в Теннесси по месту ее проживания. У Яна есть лучший друг Ланц (Кларк Дьюк), толстый, прыщавый и неотразимый – стоит ему мигнуть девчонке, и она «его». Неправдоподобно, но факт. Приятели отправляются в Теннесси на раритетном «Понтиаке», который Ян «заимствует» у старшего брата. Зачем он это делает? Наверное, чтобы произвести впечатление на Вкусняшку. Бедный

Ян не только невинен, но и наивен, он и не догадывается, что нет никакой нужды производить впечатление на барышень, придумывающих себе такие прозвища. Они и за меньшее на всё готовы. Вместе с друзьями едет Фелиция (Аманда Крю). Спрашиваете – а это еще зачем? Отвечаю: видимо, для того, чтобы по пути образовался треугольник. Проезжая через поселение эмишей (есть такая секта в США – ее члены не принимают электричества и многого прочего из благ современной цивилизации), приятели попадают на единственный день в году, когда эти люди, исповедующие самую строгую религию, якобы празднуют День оргазма или что-то в этом роде. Здесь Ян встречает сексапильную Мари (Элис Гречин), влюбляется и наконец-то становится мужчиной. Повезло парню, по любви оно как-то лучше, правильнее, даже для первого раза. Один американский критик

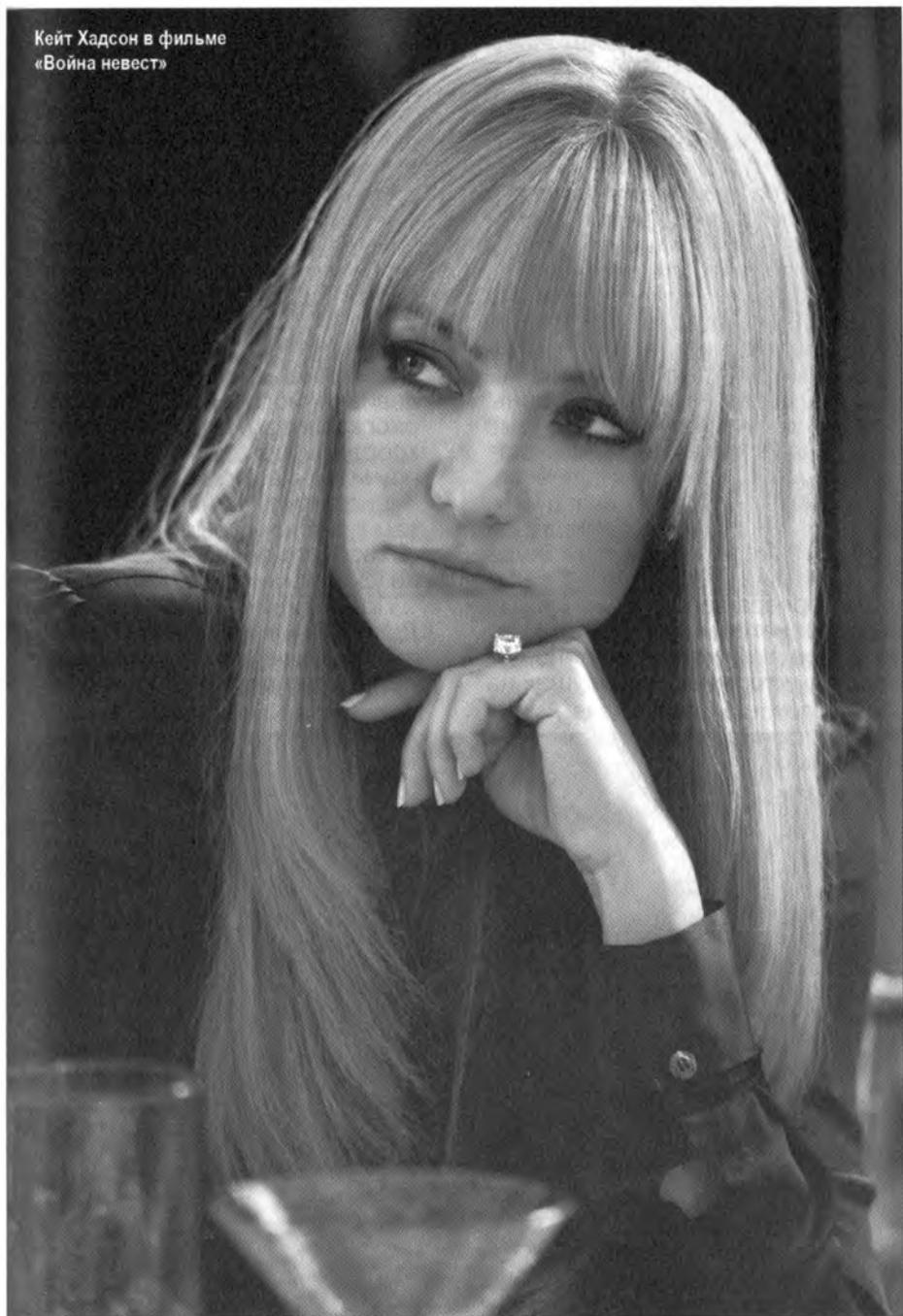
«Война невест»

мрачно пошутил: «Режиссеру повезло, что религия запрещает эмишам ходить в кино, иначе они бы подали на него в суд». Комедия для целевой аудитории, остальным дельный совет – испытать означенный секс-драйв иным, единственно верным способом.

Благодаря аж целым двум придурочным барышням сложился сюжет комедии **«Война невест»** («Bride Wars»). Кейт Хадсон и Энн Хэтэуэй играют Лив и Эмму, подружек с детства, у которых была одна мечта – сыграть свадьбу в фешенебельном отеле «Плаза». Мечта, конечно, приземленная, но всё равно мечта, требующая для осуществления американской целеустремленности и практичности. Целых десять лет девушки копили деньги на сие мероприятие – и это, заметьте, без помощи родителей, и никакой богатой тетушки «в кустах». За эти годы Лив стала адвокатом, что в известной мере облегчает ей на-

копление сбережений на задуманную церемонию. С Эммой дела обстоят хуже: она школьная учительница, а в Америке учителям платят, конечно, больше, чем нашим, но всё равно мало. Можете ли вы себе представить, сколько такая свадьба будет стоить? Платье, стол, декор, рассылка приглашений, музыка, комната невесты, подружки невесты в полной экипировке, комната жениха, друзья жениха, одетые соответственно церемонии, холл для трепетно ожидающих родственников и друзей, официанты, мажордомы, церемониймейстеры и прочее. Ну, про всё это вы, уважаемые читатели, совсем недавно в нашем журнале читали – в материале про свадьбы. В общем, мечта... или кошмар?! И вот в возрасте двадцати шести лет девушки оказались вполне готовы к ее осуществлению. Как говорится, флаг вам в руки – и в «Плаза». Вместе они отправляются к даме

Кейт Хадсон в фильме
«Война невест»

(Кэндис Берген), занимающейся планированием и проведением свадебных церемоний в самом престижном и роскошном месте Манхэттена. Она назначает каждой день, которого предстоит ждать еще целых три месяца. Но когда ты всё продумал в деталях и хочется всё претворить в жизнь, то три месяца, несомненно, мало, чтобы сказка стала былью... Но нет, не стала. Какой удар для девушек! Вот незадача! Накануне свадьбы выясняется, что по случайной ошибке оба торжества назначены на один и тот же день. Тут-то и начинаются военные действия: адвокат, не привыкшая проигрывать, идет в наступление. Но и учительница, по складу характера и по профессиональной необходимости привыкшая больше думать о других, чем о себе, вдруг превращается в вепря. За кем останется поле боя в «Плаза»? Мне лично всё равно, но допускаю, что многих девушек на

выданье этот вопрос заинтересует. А вот всех, скорее всего, заинтересуют женихи. Честно скажу, это самые несчастные люди в фильме: большую часть времени они, как и зрители в зале, просидят на кушетках, наблюдая, как их суженые бьются не на жизнь, а на смерть за мечту. Замечу, что у мужчин и женщин разное представление о том, как должна выглядеть их свадьба, и это обстоятельство тоже добавит сюжетных перипетий. «Война невест» – милое мыло, скроенное по типу телевизионного ситкома. История рассказана от лица свадебного координатора, а потому весьма поучительна: если вы случайно в период кризиса накопите денег и вам приспичит сыграть свадьбу в «Плаза», то фильм научит вас, как не ударить лицом в грязь.

Комедией назвал режиссер Дэнни Бойл («На игле», «Пляж») свою новую картину **«Миллионер из трущоб»** («Slumdog Millionaire»).

«Война невест»

paire»), попавшую сразу в две главные номинации на премию «Оскар» – «лучший фильм» и «лучший режиссер» и в результате отхвативший аж целых восемь заветных статуэток. Вообще ощущение такое, будто Боил делал свой фильм с прицелом на «Оскар». Эдакий личный заказ. В ней есть всё, что необходимо сентиментальным американским киноакадемикам в эпоху глобализации: место действия – древнейший Бомбей, главный герой – ребенок-сирота, живущий в ужасающей бедности, сюжет – английское телевизионное шоу с баснословным выигрышем, проданное во все страны мира, – «Кто хочет стать миллионером». А еще сильные чувства, нежная, всепобеждающая любовь и музыка, и юмор. Восемнадцатилетний Джамал, отвечая вопрос за вопросом, приближается к максимальному выигрышу в двадцать миллионов рупий. Эта сумма для него тем

более фантастична, что он и его брат Салим в раннем детстве лишились родителей, ставших жертвами антимусульманского погрома, и выросли буквально на улице в жуткой нищете. В ходе игры у Джамала появляются фэны, но есть у него и противники. И главный среди них – продюсер шоу, который сдает парня в полицию, обвиняя в обмане. В полиции Джамала подвергают не только допросу, но и пыткам, а он в собственное оправдание может только рассказать историю своей жизни, эпизоды которой помогли ему дать правильные ответы на вопросы викторины. У нищих в Бомбее есть только два пути выбраться из нищеты – мафия, куда попадает Салим, и проституция, куда продают Латику, детскую подругу братьев, в которую влюблен Джамал. Ему и деньги-то нужны для того, чтобы выкупить ее из ада и начать жить вместе.

Можно сказать, что «Миллио-

нер» – очередная вариация «Золушки», которая давно уже стала излюбленным мотивом современной киномифологии, квинтэссенцией американской мечты. Бойл снял фильм эмоциональный и головной в том смысле, что просчитанный и выверенный со стопроцентным попаданием. Восток – дело тонкое, говорил герой одного нашего фильма. И то правда: красота и магия Бомбея восхищает режиссера, и этот свой восторг он передает нам. Его потрясает и удручает невыносимая бедность бытия, и мы сострадаем герою вместе с ним. Юмор и музыка спасают всякий раз, когда контраст между благословенной природой и богом забытым человеком начинает пугать. Идея связать вопрос шоу с эпизодом из жизни Джамала Малика весьма плодотворна, и хотя прием этот остается неизменным на протяжении всей картины, он работает и всякий раз приносит забавный ре-

зультат. Постоянные флэшбэки (перебросы в прошлое) потребовали трех главных актеров, Джамала, Салима и Латику, показать в трех разных возрастах. Задача трудная, но блестяще выполненная. И в результате – трагикомическая сказка о любви, которая правит миром. Ну и, конечно, восемь «Оскаров».

Англичанин Дэнни Бойл снял Бомбей так, будто снимал диккенсовский Лондон. Мальчишки-попрошайки точно из «Оливера Твиста», хорошенькие девчушки, бедные и богатые, причем бедные становятся только беднее, богатые же всё богаче. А Бомбею всё ничем: он развивается, строится, видоизменяется, хорошеет, этот город, в котором быть становится сказкой. В отличие от «Войны невест» с их «Глазой».

Чтобы смягчить читателям боль перехода к драмам, остановимся на исторической мелодра-

«Миллионер из трущоб»

«Герцогиня»

ме **«Герцогиня»** («The Duchess») режиссера Сола Дибба с Кирой Найтли, Рэйфом Файнсом и Шарлоттой Рэмплинг. Упомянуть о последней считаю своим долгом, потому что сегодня очень редко снимается эта блестящая актриса, героиня режиссеров Висконти («Гибель богов») и Кавани («Ночной портье»). И даже если бы она ничего больше не сыграла, ей хватило бы этих двух лент, чтобы быть великой. Леди Джорджиана Спенсер (Кира Найтли) – английская аристократка в том трепетно-юном возрасте, когда пора думать о замужестве. В восемнадцать лет ее выдают замуж за герцога Девонширского Уильяма Кавендиша, она переезжает в Лондон, где сталкивается с «блеском и нищетой» английской знати. Все от нее ждет наследника, но герцогиня не желает подчиняться условностям, отводившим женщине столь незначительную роль: она амбициозна и азартна, увлекается модой,

мечтает о политике. Прославившись не только красотой, перед которой немногие устояли, но и характером, в котором были твердость и нежелание мириться с предрассудками, Джорджиана стала заметной и неординарной личностью на фоне английской аристократии своего времени. В каком-то смысле в Джорджиане Спенсер можно увидеть предвещницу леди Ди. Подружившись с леди Элизабет Фостер, Джорджиана пригласила ее в замок Кавендишей... Так началась странная жизнь втроем. Предупреждаю: никакой эротики, только английские пригороды, английские замки, английская чопорность, браки по расчету, пропавшие наследники, дружба, любовь, предательства, тайные и явные адюльтеры, компромиссы, политика, нравы... Словом, энциклопедия жизни английской знати восемнадцатого века. Фильм по жанру и по стилистике – историческая костюмная

Кира Найтли в фильме
«Герцогиня»

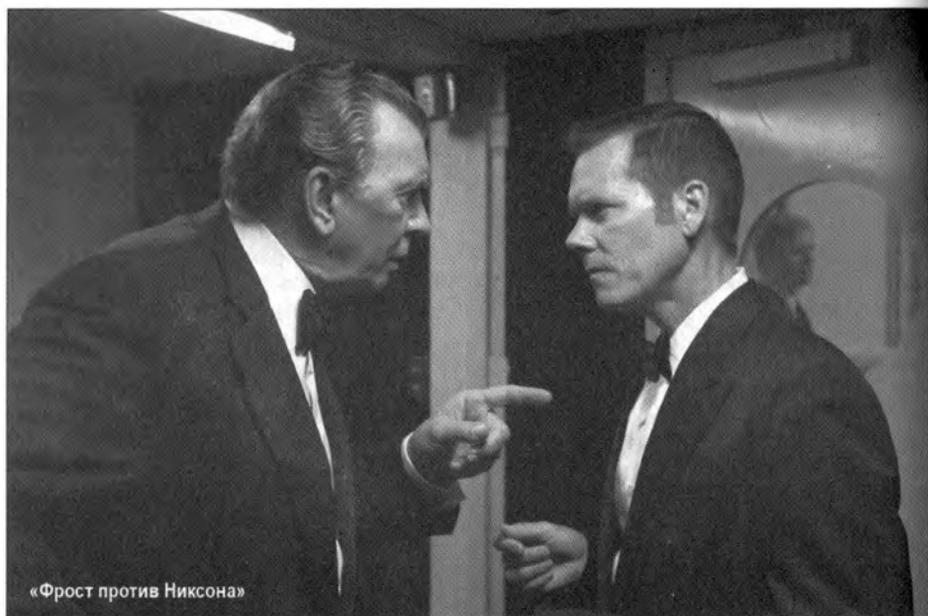
мелодрама, которую можно охарактеризовать одним словом: традиционная.

В ретродраме **«Сомнение»** («*Doubt*») режиссера Джона Патрика Шэнли играет блистательная Мерил Стрип и великолепный актер Филипп Сеймур Хоффман. 1964 год. Бронкс. Колледж Святого Николаса, готовящий приходских священников. Отец Флинн (Хоффман) считает, что учеников надо держать в строгости, особенно это относится к одному из них – Дональду Миллеру. Мальчишка записала в католический колледж мать вопреки воле отца, человека грубого и жестокого. Она хотела уберечь сына от тех опасностей, которые есть в любой обычной школе. Вторым столпом колледжа является сестра Алоизис Бовьер (Мерил Стрип), также приверженная идее строгого воспитания и порядки и наводящая ужас на всех учеников. Наблюдая за жизнью колледжа, сестра Бо-

вьер начинает сомневаться в истинных мотивах чрезмерной (даже с ее точки зрения) строгости отца Флинна к Дональду Миллеру. Автор пьесы и режиссер Шэнли снял картину в традициях американской классики, она старомодна, театральна, поэтому многим едва ли глянется. Хотя как сказать – мы вот предположили, что не найдется потребитель на фильм о секс-меньшинствах с Шоном Пенном в главной роли, а он взял, да и тоже отхватил «Оскара». Так и хочется предположить, как теперь говорят высоколбые психологи, «латентный гомосексуализм» у членов Американской киноакадемии... Но шутки в сторону: есть в «Сомнении» тема актуальная и повсеместная – педофилия в церковных образовательных учреждениях. И не только там. Не случайно режиссер выбрал год 1964-й. Смерть Джона Фитцджеральда Кеннеди навсегда изменила облик мира. И основные институты об-

«Сомнение»

щества должны были понять это, принять и сделать шаг в сторону обновления. Именно на этом пути и стали появляться сомнения. Советую фильм серьезным молодым зрителям, тем, кого интересует проблемное кино, неспешное, в чём-то театральное и актерское больше, чем режиссерское.

Через десять лет после «Сомнения» разворачиваются события драмы **«Фрост против Никсона»** («Frost/Nixon») Рона Хоуарда. Через десять лет после трагической смерти Кеннеди другой американский президент, Ричард Никсон, вынужденно складывает с себя полномочия в связи с обвинениями в том, что выдвинувшая его демократическая партия во время выборов занималась шпионажем. Это дело получило название «Уотергейт». Спустя три года Никсон, всё это время хранивший молчание, согласился дать интервью британскому журналисту Дэвиду Фросту. Для политика ситуа-

ция исключительная. Для журналиста тоже. Для Никсона важен серьезный разговор. Для журналиста важнее развлечь публику и заработать себе имя. И тем не менее диалог двух людей вошел в историю. Режиссер Рон Хоуард («Восхитительный разум», премия «Оскар») заслужил славу художника, умеющего превратить в напряженное зрелище самый невыигрышный с этой точки зрения материал. Превратить телевизионные интервью, пусть даже исторические, в кино со своей стилистикой, драматургией, лицами, характерами – дело непростое. Но Хоуард справился и на этот раз, сняв «кулачный бой» на высоком уровне. Раунд за раундом, удар за ударом, поражение за победой. Сошлись два человека. Сошлись две ипостаси современного общества – политика и масс-медиа. Кто победил? Так и хочется сказать – дружба. Нет, не дружба, конечно. Люди победили,

человечность – главное содержание нашей общей жизни на земле.

Вот, скажут разочарованные читатели, обещала хорроры и комедии, а кончилось всё драмами. Одно мне оправдание: всё точно как в жизни: первого и второго отмерено понемногу, а основу основ составляет она сама – жизнь с ее повседневными, большими и маленькими драмами. «Чтец» («Reader») снят по роману Бернхарда Шлинка «В полный голос», действие которого происходит в 1950-е годы. В главной роли Кейт Уинслет (Ханна), дважды в минувшем году появившаяся в ретродрамах середины прошлого века. И уже дважды она удостоена премии «Золотой глобус – 2008» как лучшая актриса («Дорога перемен») и как лучшая актриса второго плана («Чтец»), в этих же но-

«Чтец»

минациях Уинслет участвовала и в нынешней «оскаровской» гонке. И, надо сказать, небезуспешно: одна из заветных золотых статуэток попала в ее руки.

В предыдущем номере мы писали о ленте Сэма Мэндеса «Дорога перемен», где актриса сыграла вместе со своим бывшим партнером по «Титанику» Леонардо Ди Каприо. В «Чтеце» она в паре с Рэйфом Файнсом, герою которого Майклу Бергу однажды стало плохо на улице, и на помощь ему поспешила молодая женщина, с которой позже у него стали складываться необычные отношения. Прошлое Ханны – тайна, в которую безумно, по-мальчишески влюбившийся Берг пытается проникнуть. По сути дела, фильм рассказывает историю немки, которой стыдно быть немкой.

В годы войны Ханну принудили к работе в концлагере, и то, что она там видела, перевернуло ее жизнь. И только любовь поставила женщину перед необходимостью сказать правду ему и себе и перестать жить с чувством неизмеримой, неизбывной вины. Великолепная актерская картина с невыдуманной, хотя и ушедшей в давнюю историю, в сороковые годы, темой.

Так вот, совершенно неожиданным образом, сложилась наша сегодняшняя подборка. Начали с ужастика, в котором отдаленно задействован нацизм, и завершили великолепной драмой, истоки которой всё в той же последней Второй мировой войне. Война – вот он, истинный ужас, рядом с которым меркнет временное сокращение зарплаты и прочие беды наших дней.

Елена НИКОЛАЕВА

Эмманюэль РОБЛЕС

НЕВИДИМОЕ ДРЕВО

Повесть

Перевод с французского Н. Световидова

Иллюстрации Дмитрия Дьякова

Посвящается Джулиане Тосо Родинис

Что за невидимое древо
Дает твои плоды, о счастье?..
Хуан Рамон Хименес

1

В то утро, а это была суббота, Люсьенн гладила у открытого окна, выходящего в парк. В корзине лежало белье: тонкие комбинации мадемуазель Фалльер, весьма кокетливой, несмотря на свой возраст, и панталоны на старинный лад ее сестры, мадам де Сент-Ави, – расстеленные во всю ширь на гладильной доске, они напоминали о пышных формах «Старухи», как называла ее прислуга. Потом настал черед самого трудного: надо было приступать к простыням, развешанным в сушильне, в левом крыле «замка», обширного здания, построенного в последние годы Второй империи¹ и именовавшегося «замком» по привычке. В окно Люсьенн видела простирившиеся луга, а на траве – разомлевших от дремы коров. Неподалеку, над кучей сухих листьев, которые жег садовник, стлался дым. Дым этот не поднимался вверх, а полз в сторону ограды, заслоняя прежнее жилище сторожа, стоявшее на краю дороги, ведущей в Рамбуйе. Там-то месье Рагно, управляющий помещьем, и поселил недавно нового механика, о котором прислуга «замка» до сего дня не знала почти ничего, разве что имя: Марк Андриа. К этому парню двадцати трех или двадцати четырех лет Люсьенн влекло некое волнующее любопытство. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что в этом доме, где она жила вот уже семь лет – Люсьенн пришла сюда девочкой, – новые лица были в диковинку. Фермеры, работники, прислуга почти не менялись, да и гостей приглашали нечасто, к тому же всегда одних и тех же: кюре, мадам Полле, жену нотариуса, получившую прозвище «уличной гадюки», героини одной из популярных в начале века песенок, несколько дальних родственников

¹ Вторая империя – во Франции время правления императора Наполеона III (1852 - 1870).

и в их числе престарелого кузена, бывшего тенора, обосновавшегося в Руане. Стоило появиться его блестящей лысине и вьющейся бороде, как он тут же спешил нарушить безмятежное спокойствие здешних мест своими звучными руладами. И тогда даже коровы, пасущиеся на лугу, поворачивали время от времени свои головы в сторону «замка».

Но вот откуда-то из глубин окружающего пейзажа донеслось глухое урчание, которое вскоре сменилось яростной трескотней. Люсьенн только что выключила утюг и поставила его на керамическую подставку. Она собралась спуститься в сушильню. Было еще только девять часов. Под жаркими лучами июньского солнца курилась земля. Воздух подрагивал над холмом. И всё вокруг дышало покоем, ничем не нарушаемым покоем, если бы не этот рокот мотора, прорезавший первозданную тишину. Спустившись на первый этаж и очутившись между огромными простынями, залитыми ярким светом, она увидела, как в дверном проеме в конце коридора появился окутанный дымным облаком мотоцикл Марка. Некоторая фантастичность этого видения объяснялась, конечно, не только самим дымом, но и позой парня, прикившего к машине с высоко задранными локтями и красным шлемом на голове. Отблески солнца играли на его козырьке.

Это и в самом деле был Марк. Почему он вернулся так рано? Люсьенн знала, что он был свободен до самого вечера воскресенья. Ведь он не принадлежал к числу прислуги «замка». Его положение было иным. Замедлив ход, мотоцикл сделал вираж, повернувшись боком и продолжая скользить в густом дымном облаке, словно рыба в мутной воде. Марк с трудом слез с него и прислонился к стене своего домика. С видимым усилием стащив с головы шлем, он некоторое время стоял неподвижно с опущенной головой; можно было подумать – да, да, такое создавалось впечатление, – будто он пьян. Затем, снимая на ходу куртку с рубашкой, нетвердым шагом Марк направился к насосу, вынырнув на яркий солнечный свет из сворачивающегося над газоном кольцом дымного облака. Люсьенн подошла поближе к выходу. На мощной груди парня, у левого плеча она заметила, несмотря на разделявшее их расстояние, бурое пятно. Люсьенн не спускала глаз с Марка и видела, как он водил туда-сюда шлангом, промывая рану и освежая распухшее лицо. Он думал, что поблизости никого нет, и, отдуваясь, поливал себя водой, волосы у него прилипли ко лбу, а рана не переставала кровоточить, и Люсьенн почудилось, будто ее заперли вместе с ним в этом ограниченном пространстве, она стала невольной свидетельницей события, жестокие знаки которого не в силах была объяснить. Быть может, он попал в аварию? Жалость мешалась в душе с ужасом, Люсьенн была напряжена до предела. Удерживаемая лишь робостью, она безмолвно смотрела ему вслед, видела, как он снова прошел сквозь облако дыма, толкнул дверь домика и исчез, оставив позади искрящееся сияние солнца, безраздельно царившего над этой пустотой и глушью.

Едва она успела вернуться в бельевую с огромной кипой простынь в руках, как зазвонил внутренний телефон. Жермена, горничная, сообщала ей – как всегда по утрам, – что мадам де Сент-Ави проснулась. Минував длинные коридоры и лестницу, где пахло мастикой для полов, Люсьенн поднялась на третий этаж в самом центре этого огромного здания. Образ Марка преследовал ее, как видение вполне реальное, с четко

очерченными контурами, и потому беспокойство не покидало Люсьенн, у нее было ощущение, будто ей приоткрылась тайна этого парня, хотя она и не могла определить, насколько серьезно то, что с ним произошло. Глубока ли рана и сильно ли болит? Люсьенн торопливо шла, приближаясь к апартаментам мадам де Сент-Ави, и желание узнать, а главное, понять случившееся всё больше мучило ее.

Чуть зафыхавшись, она толкнула дверь спальни и очутилась в полумраке, ревностно охраняемом плотно задернутыми шторами. Кроме забот о белье, по утрам и вечерам на нее возлагалась обязанность помогать Жермене одевать старую даму или укладывать ее спать. Мадам де Сент-Ави сидела в кровати, откинувшись на подушки и положив руки поверх одеяла. Но с порога можно было различить только бледную массу с мрачно чернеющими кругами вокруг глаз.

Крепкая, коротконогая, с внушительной грудью, прикрытой блузой, Жермена старалась изо всех сил. Ее наняли по объявлению, данному месье Рагно, в котором уточнялось, что требуется девушка «безупречной репутации». Мадам де Сент-Ави выбрала Жермену среди пяти или шести претенденток, не посчитавшись с пристрастием месье Рагно к более милостивым девушкам. Этот самый месье Рагно, с виду такой строгий и важный, не прочь был приволокнуться за молоденькими женщинами, служившими в поместье. Ночами ему случалось даже скрестись – напрасно, разумеется, – у двери Люсьенн, при этом он пыхтел, как бык. Не располагая точными сведениями, мадам де Сент-Ави подозревала тем не менее своего управляющего в такого рода наклонностях, хотя в то же время высоко ценила его прекрасные деловые качества. Правда, мадам де Сент-Ави и в свои семьдесят лет оставалась очень властной женщиной, так что Рагно всегда и во всём приходилось подчиняться ее воле.

Не поднимаясь с кровати, она встретила Люсьенн своим обычным: «Здравствуй, моя красавица!», ибо имела обыкновение коверкать слова.

Когда Жермена раздвинула шторы, мадам де Сент-Ави предстала во всей своей красе, она, казалось, вышла из саркофага. И в самом деле, прежде чем уложить ее спать, обе девушки стягивали ей руки, шею и лицо льняными лентами, которые с помощью специальной пасты должны были уберечь ее тело от одряхления.

Освободив мадам от повязок, Люсьенн с Жерменой принимались массировать ее, натирая кремом, а она, зябко поеживаясь, точно мартышка, терпеливо дождалась конца процедуры.

Затем на голову ей водружали убор под названием «мадрас» и подавали на подносе завтрак, она же тем временем неустанно отдавала приказания: «Не забудьте завести часы! Поторопитесь, пора наливать для меня ванну!» Ванна и одевание неизменно оставались самыми сложными процедурами, прежде всего потому, что мадам де Сент-Ави делала неожиданно резкие движения, и еще потому, что она отличалась монашеской стыдливостью. Досужие языки болтали, будто ее муж, могилу которого в самой глубине парка обвивал плющ, ни разу не видел ее обнаженной. Правда, и сам-то он слыл весьма сдержанным в интимных делах. Во время своего туалета мадам де Сент-Ави прибегала к всевозможным ухищрениям, закрываясь самыми разнообразными ширмами, и обе молодые женщины получали нагоняй при малейшей оплошности, позволившей им увидеть то, что их хозяйка желала скрыть.

Под конец Люсьенн предлагала ей на выбор платья, показывая их по

очереди на вешалках, в то время как Жермена причесывала и подкрашивала ее. По правде говоря, грим не имел особого значения, за исключением тех редких случаев, когда предстоял прием либо выход куда-то. Тогда Жермена подводила ей черной тушью глаза и сажала на щеки два розовых пятна, как в молодые годы.

Этим утром Люсьенн проявляла необычную для себя нервозность и дошла до того, что толкнула, едва не опрокинув, одну из ширм, причем как раз в тот самый момент, когда мадам де Сент-Ави, выставив наружу свой широкий зад, вылезала из ванны. Жермена быстро заметила непорядок и сделала большие глаза, призывая Люсьенн взять себя в руки. Она панически боялась мадам де Сент-Ави, легко впадавшую в гнев и не скупившуюся на угрозы прогнать их. Время шло, и Люсьенн всё больше утверждалась в мысли, что рана Марка была, должно быть, серьезной. Она воображала его окровавленным, метавшимся в жару, всеми покинутым, и это участие к нему поднималось из неведомых и самых земных глубин ее существа. Меж тем она не собиралась ничего рассказывать своей хозяйке, сомневаясь в ее милосердных чувствах, но главное, была уверена в том, что случай этот совершенно необычный, и потому решила молчать.

2

Лежа нагишом на раскладушке с неловко наложенной на грудь повязкой, Марк пытался прийти в себя после волнений минувшей ночи. Несмотря на закрытые ставни, света было вполне достаточно, и мухи жужжали повсюду.

Смежив веки, он блуждал по серой пустыне, внимая жгучей боли, рвущей ему плечо и приковавшей все его мысли. Вчерашнее приключение казалось ему таким далеким, он думал о нём отрешенно, сосредоточившись на единственно важной для него сейчас реальности – бешеном биении собственной крови где-то в самой глубине его плоти.

Из оцепенения его вывели чьи-то шаги по гравию. Он приподнялся на локте, прислушался. Наверное, это Рагно. Не отозваться нельзя. Его присутствие выдавал прислоненный к стене мотоцикл. Он горько пожалел, что не поставил его на место. Поднявшись на ноги, Марк достал из чемодана рубашку с короткими рукавами, не спеша надел ее, с неудовольствием подумав о том, что управляющий увидит его распухшие губы. Ногой задвинул под кровать испачканное кровью полотенце. Успел отметить, что шаги вдруг стихли, словно кто-то желал застигнуть его врасплох. Неужели всё-таки Рагно? Господи, сделай так, чтобы это был не он! В мыслях образовалась какая-то пустота, он прислонился к стене. Но в дверь уже стучали. Правда, осторожно, и всё-таки там кто-то был, кто-то пришел докучать ему. А-а, должно быть, Тавера, садовник, этот болван... Он открыл дверь, солнце ударило ему в голову, наполнив ее темной, кипящей массой. Он заморгал, пытаясь прикрыть глаза рукой, и с удивлением увидел девушку – как ее там, Люсьенн, что ли, – которую встречал несколько раз, когда она приходила развешивать белье на поляну.

– Добрый день, – промолвила она в некотором замешательстве. – Вы знаете меня? Я работаю в бельевой у мадам.

– Это она вас прислала?

В голосе слышится тревога, а может, даже злость.

– Да нет. Я случайно видела, как вы возвращались. Мне показалось, вы не совсем здоровы, эта рана...

– Ничего страшного. Спасибо. Вы кому-нибудь говорили об этом?

– Никому, успокойтесь.

Ответ делал их как бы сообщниками.

– Проходите, – торопливо сказал он, – так будет лучше.

Он отступил, пропуская ее в комнату, но успел бросить взгляд в сторону «замка», походившего из-за дымовой завесы на некое соляное сооружение, – не способное отражать свет, оно вбирало его в себя. Затем, оставив дверь открытой, он повернулся к девушке, та стояла, опершись о стол. Из-за узких скул и слегка раскосых глаз она показалась ему похожей на лисичку. Свежестью и блестящими щеками она наверняка была обаятельна жизни на деревенском воздухе. Он ждал, когда она заговорит. Его сдержанность объяснялась тем, что он помнил о своем внешнем виде, но так как умел быстро приспосабливаться к обстоятельствам, тут же начал подшучивать над собой:

– Видите, как меня разукрасили?

Она подошла к нему поближе, чтобы лучше рассмотреть вздувшиеся, цвета сырого мяса губы.

– Здорово меня отделали.

– И вы не могли постоять за себя?

Ничего не ответив, он взял со стола сигареты и протянул пачку Люсьенн, она отрицательно покачала головой.

– Вы сделали необходимое?

– Я наложил повязку.

– Этого недостаточно. Подождите, я пойду принесу всё, что нужно.

Быстрым шагом она двинулась прочь. Марк стоял на пороге с сигаретой в руке и следил за ней взглядом, а вокруг полыхало солнце. Она казалась ему трогательной, изголодавшейся по дружескому участию. В тюрьме у него вошло в привычку замыкаться в себе, жить внутренней жизнью, но в эту минуту, возможно, под впечатлением внезапного визита, он понял вдруг, что жизнь, как и хлеб, должно делить с кем-то.

Это была совсем другая девушка, вовсе не похожая на ту, которую он держал минувшей ночью в своих объятиях, та была старше, и тело у нее было гибкое, отдававшееся самозабвенно. Он познакомился с ней на танцах. А в час ночи очутился в ее постели. «Ты, – говорила она насмешливо, – ты в деревне, среди коров!» Она хохотала от души. Однако ей стало не до смеха, когда на рассвете, словно в водевиле, неожиданно вернулся ее муж. Прикрывшись половиной простыни, она кричала: «Феликс, остановись! Я тебе всё объясню! Остановись!» Муж перестал бить Марка, опасаясь, как бы жена не всполошила соседей. Воспользовавшись этой неожиданной передышкой, Марк подхватил свою одежду и бросился вон. Поранился он, когда перелезая через ограду, и несмотря на то, что всё тело ныло от полученных ударов, сумел добраться на своем мотоцикле до Сен-Клу; там, в скверике для детей, примостившись на скамейке между бронзовым слоном и носорогом, он за несколько часов отдышался.

Теперь же с сигаретой во рту, вдыхая к тому же едкий запах сгоревших листьев, заполнивший в конце концов комнату, он дожидался возвращения Люсьенн, неожиданно проявившей такую душевную щедрость, что

ему даже трудно было поверить в это, ведь до сих пор он был предоставлен самому себе, отрезан от людей, на долгие месяцы лишен всякого человеческого общения.

3

Чтобы ей было удобнее, он снял рубашку, затем кое-как сделанную им самим повязку. Открытая рана снова начала кровоточить; сантиметров в восемь-десять длиной, она шла вертикально вверх от правого соска. Кровь сбегала пурпурной струйкой и капала на пол. Промыв рану раствором йода, Люсьенн сказала: «Вам следовало бы обратиться к доктору. Тут есть один поблизости». Он отказался. Причем довольно резко, пожал плечами, даже грубовато, на девушку это произвело впечатление, и она больше не настаивала. Ее охватило волнение от близости этого великолепно-го торса, напоминавшего ей копии статуй, которые коллекционировала у себя в мастерской мадемуазель Фалльер. У Марка были мощные грудные мышцы, сильные руки, крепко сидевшая на широких плечах шея. И это прекрасное тело (Люсьенн стояла рядом, почти вплотную, осторожно и быстро водила ватным тампоном) дышало чувственностью, пробуждая в ней какие-то тайные силы. Когда она закончила, он, поблагодарив ее, добавил:

- Из вас вышла бы хорошая медицинская сестра.
- Я и хотела стать медсестрой.
- А почему же отказались от этого?
- Учение стоило очень дорого. Потом умер отец, и мадам взяла меня к себе на службу.

Стараясь не глядеть на него, она сказала еще, что рана неглубокая, но что по такой жаре лучше следить за ней, и оставила ему коробку с лейкопластырем, обладавшим целебными свойствами. «Если поднимется температура, дайте мне знать». Он ответил, что всё будет в порядке, что «нет никаких причин». Его оптимизм вызвал у Люсьенн улыбку. Она направилась к двери, потом обернулась и в первый раз внимательно оглядела комнату, почти пустую, с раскладушкой, обтянутой брезентом защитного цвета, с ужасным зеленым столом и тремя табуретами, на одном из которых возле камина стоял чемодан. (По правде говоря, Рагно ничуть не заботился о комфорте нового механика.) Заметила она и угол, служивший ему кухней, красный кафель, несколько тарелок. Белье, замоченное в тазу.

– Вы предпочли Парижу деревенскую жизнь? – спросила она скорее не из любопытства, а просто, чтобы побыть здесь подольше.

– У меня не было выбора, – ответил он.

И тут же, непонятно почему, поспешил добавить:

– Во всяком случае, место у меня хорошее.

Теперь он пристально глядел на нее своими очень темными глазами, словно не желая продолжать разговор на эту тему. Распухшие губы придавали его взгляду несколько жестокое выражение. Люсьенн показалось, что он обладает способностью внезапно окружать себя чем-то вроде непроницаемого ночного мрака.

Его выговор, точно так же, как смуглый цвет лица и эта живость движений, выдавали в нём южанина. Ей хотелось спросить: «Вы же сильный, кто же мог вас так "отделать"? И за что?» – но она не решилась ни-

чего сказать, снова почувствовав робость из-за перемены в его поведении.

– Мне пора уходить, – молвила она. – Мадам может позвать за чем-нибудь. Она такая строгая. Если бы она узнала, что я приходила к вам!

Марк уже был наслышан о строгости старой дамы. Стало быть, из-за него Люсьенн не побоялась рискнуть. Выйдя на порог, он сощурил глаза и, прикрыв их рукой от солнца, внимательно оглядел всё вокруг. Теперь над кучей листьев вился только слабый дымок. И солнечный свет, казалось, уже не лился с небес, а как бы сочился снизу, делая необозримым пространство, где белый замок, словно оторвавшись от земли, плыл в неведомую даль.

– Никого нет, – сказал Марк. – Можете идти.

Когда она проходила мимо, он снова поблагодарил ее, взяв за руку. От этого легкого прикосновения горячая волна захлестнула Люсьенн, доказавшись до самых скрытых глубин ее существа.

4

В понедельник, рано утром, Марк в синей спецовке укатил на мотоцикле на ферму Жом, где требовалось починить коробку скоростей у грузовика. И в субботу и в воскресенье он лечился как мог, однако ему так и не удалось справиться с распухшими губами. Несмотря на бесконечные примочки и мазь, которую он держал у себя на всякий случай, они по-прежнему напоминали валики розовой резины. Расставшись с солнцем и ароматом трав, он сразу же окунулся в горячую атмосферу мастерской, пропахшей маслом и смазкой. Он лежал под грузовиком, когда вошел Рагно, четко печатая шаг на цементном полу.

Еще со времен военной службы, когда он был унтер-офицером, Рагно сохранил привычку разговаривать с людьми, широко расставив ноги и заложив руки за спину. Глаза у него были большие, взгляд пронизывающий. Раздавшиеся плечи и вся его крепкая осанка свидетельствовали о твердых сорока годах. Из кармана его пиджака, украшенного на манер бутоньерки орденом, полученным им лет двадцать назад в Алжире, неизменно торчали карандаши. И теперь еще, когда речь заходила об алжирцах, он называл их не иначе, как «феллага»¹, и зачастую, если требовалось ответить «да», у него вырывалось: «Так точно». На его счет ходили слухи, что в свое время он был скор на расправу без суда и следствия. Обычно он никому не пожимал руки, только кивнет головой да буркнет что-то, за исключением, конечно, тех случаев, когда ему приходилось иметь дело с мадам де Сент-Ави. Перед ней он как бы вытягивался по стойке «смирно», всем своим видом выражая почтение.

Жил он со своей семьей неподалеку от поместья, в трех-четыре километрах, в величественном домике, стоявшем на перекрестке дорог, ведущих в Эпернон и Рамбуье. Ни жену, ни двух его ребятишек в «замке» никогда не видели. Дети ходили в школу в деревню, в плохую погоду отец отвозил их и привозил обратно на своем «лендровере». Если за Рагно и утвердилась слава «волокуты», вел он себя в этом отношении крайне ос-

¹ «Головорезы» - так во время национально-освободительной войны алжирского народа колонизаторы называли повстанцев.

торожно и осмотрительно. Ни разу добродетельных ушей мадам де Сент-Ави не коснулся слух, который мог бы ее шокировать.

Вначале Рагно, казалось, не обратил внимания на губы Марка, быть может, из-за полумрака, который тот поддерживал в мастерской, наполнивину притворив ворота. Потом вдруг сказал:

– Да что это с тобой? А ну-ка, подойди. Ты, видно, подрался?

– Пустяки, – ответил Марк как можно добродушнее.

– Если и дальше вздумашь валять дурака, сам знаешь, что тебя ждет.

Повернувшись к грузовику, Рагно стал изучать внутренность кабины, а сам тем временем продолжал:

– Воображаю, что будет, если ты в таком виде явишься к судье!

– Я мажусь специальной мазью. К тому времени всё пройдет.

Затем Рагно заговорил о предстоящем ремонте, особо настаивая на его срочности. И только собравшись уходить, снова глянул на губы Марка, это его почему-то рассмешило.

– А здорово тебе всё-таки досталось! – сказал он.

– Ничего нельзя было поделаться.

– И ты, конечно, в долгу не остался, сдачи дал?

– Нет.

– И то хорошо.

Причина ссоры его не интересовала. Зато он очень повеселел, узнав, что Марк дал себя избить и не стал отвечать, не стал защищаться.

– Теперь ты похож на бульдога, – сказал он, зло усмехнувшись. – Бульдог, да только без клыков, вот в чём штука.

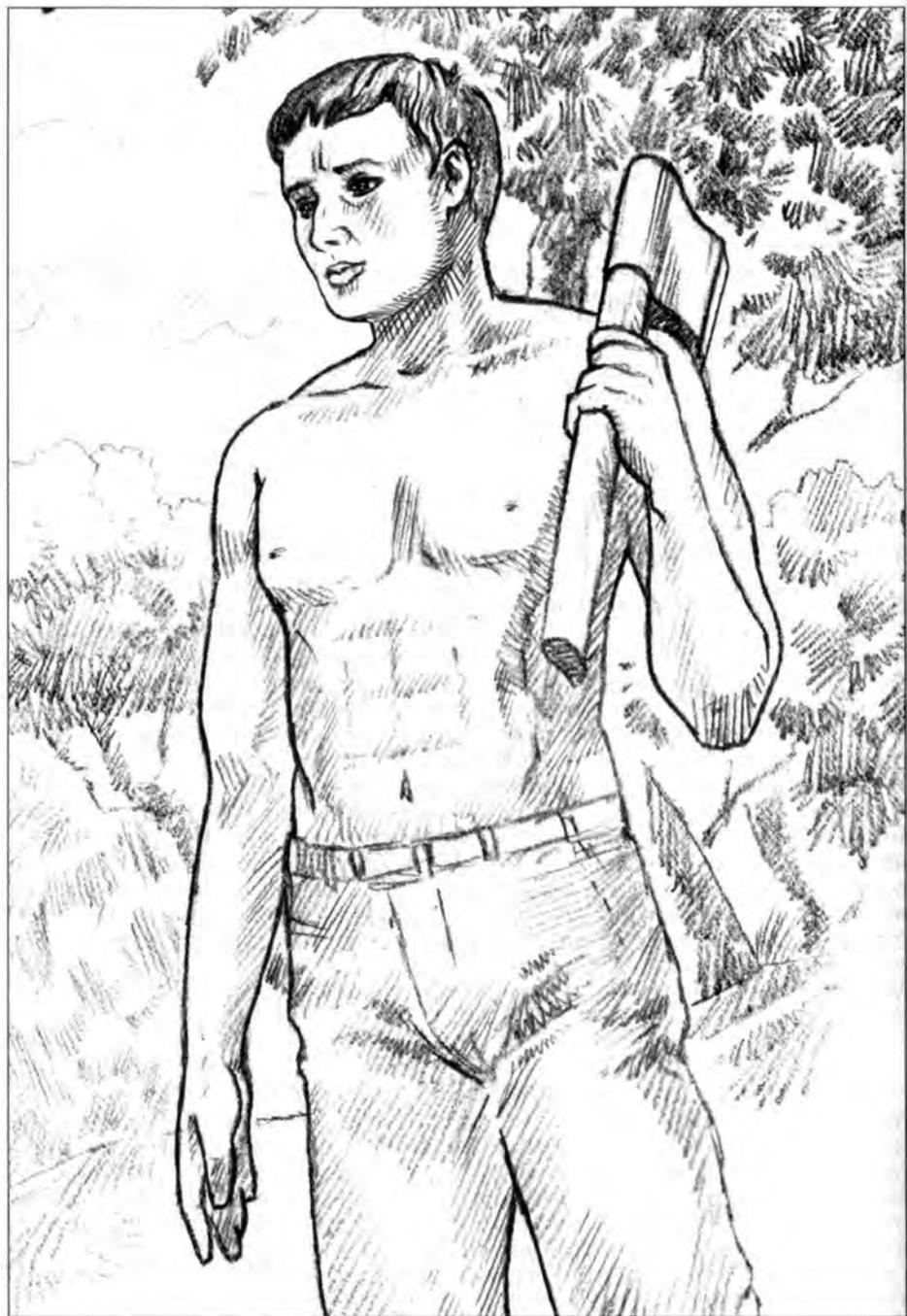
Он мог так говорить, мог сколько угодно насмехаться, зная, что ничем не рискует. Ему одному была известна история Марка, ему, ну и, конечно, мадам де Сент-Ави. Судья, от которого полностью зависел Марк, советовал соблюдать тайну, и в этом старая дама полностью была с ним согласна. Марк ничего не сказал в ответ на шутку управляющего, только отвел глаза, чтобы тот не почувствовал его раздражения.

– Не тяни с работой, – сказал на прощанье Рагно.

И снова одиночество, снова молчание. Снаружи всё небо полыхало, можно было подумать, что светит несколько солнц. Марк снял рубашку, намокшую от пота. Рана больше не беспокоила. Беспокойство исходило откуда-то изнутри, порождаемое чувством недостаточной умиротворенности. Во время разговора с Рагно он снова ощутил в себе порыв, способный довести его до каких-то нечеловеческих пределов. В глубине собственного существа он угадывал притаившегося в опасной тьме другого Марка, слепую силу и безрассудство которого он уже однажды испытал.

5

Прошло несколько дней, а Люсьенн он так и не видел. Может, ей сделали выговор, отчитали? А может, она пожалела о том, что приходила к нему, и решила теперь, как говорится, «держаться на почтительном расстоянии»? Стеснительность это, страх или еще что? После стольких месяцев воздержания его охватил ненасытный голод, яростная, почти отчаянная жажда обладания, словно тело его, преодолев выпавшие на его долю страдания, возрождалось, подстегиваемое силой желания. Предчувствие сладостного блаженства вновь открывало перед ним мир, тот самый, который его отринул, и он находил в этом первозданное оп-

равдание своей свободе и даже самой жизни. Правда, с недавних пор он стал испытывать потребность преобразить собственное существование, наполнить его чем-то иным, пересмотреть свои взгляды. Он часто думал о Люсьенн, с удивлением обнаружив возможность найти в ней свое продолжение. Воспоминание о ней не стало застывшим образом, ограниченным только внешними контурами, это было живое существо, наделенное самыми тонкими чувствами, такой она и вошла в его сердце.

Каждый вечер, вернувшись из мастерской фермы Жом, он начинал приводить в порядок свое жилище. Заново покрасил кухню, соорудил себе нечто вроде душа – это избавило его от неудобств пользования насосом, починил растрескавшийся по бокам камин. Камин этот, широкий и глубокий, совершенно покори́л его душу горожанина. С наступлением ночи он разводил в нём огонь, но вовсе не по необходимости, хотя даже в июне стены не просыхали от сырости, а только ради красоты пламени и той захватывающей жизни, которую оно рисовало воображению.

Отправляясь на своем мотоцикле в деревню за провиантом, он никогда не забывал взглянуть на окна бельевой. Раза два ему чудилось за стеклами какое-то движение, и он осторожно поднимал руку в знак приветствия. В парк, похоже, никто не ходил, кроме Таверы, человека молчаливого, с лысой, вроде шляпки гриба, головой: обычно Марк слышал, как скрипит его тачка или таракит газонокосилка. Правда, лето стояло очень жаркое, и это, возможно, смущало обитателей «замка», отбивало у них охоту гулять. Порою, когда наступало самое пекло, он представлял их себе в прохладных залах, со страхом вззирающих на этот солнечный потоп, в котором погибали все остальные.

Где же она скрывалась, эта хорошенькая Люсьенн с ее остреньким личиком и старомодным пучком? Какая жалость, что в тот день, когда она приходила, он так плохо себя чувствовал, ему даже в голову не пришло заключить ее в объятия, хотя она была совсем рядом! Где и как отыскать ее? Он не отважился подходить к «замку», а тем более приближаться к боковой двери, опасаясь, как бы его кто не увидел и не заподозрил в дурных намерениях, не сомневаясь, что малейшее подозрение дорого ему обойдется.

И вот однажды вечером он колот дрова. Камин его поглощал их в большом количестве, но Рагно разрешил ему пользоваться запасами, оставленными за домом прежним сторожем. Раздевшись до пояса и весь лоснясь от пота, он работал уже довольно долго, как вдруг почувствовал, что за ним наблюдают. Кто-то и в самом деле неподвижно стоял за деревьями. Какая-то женщина. В зелено-голубых сумерках, образованных листвой, виднелось платье. Положив на плечо топор, он ждал. С какой-то непонятной веселостью он говорил себе, что Люсьенн должна оценить его шрам и наконец-то зажившие губы. Глазами он следил за женщиной, которая теперь двигалась по направлению к нему. Когда она подошла поближе, он понял, что это не Люсьенн. Ему улыбалась мадемуазель Фалльер.

Ее несколько не смущал собственный возраст – шестьдесят два года, красавицей она никогда не слыла, но до сих пор сохранила живость взгляда и ослепительные зубы. Долгое время она подвизалась в артистической среде в Париже. Из-за беспечности в финансовых делах, а также за отсутствием истинного таланта сейчас ей приходилось жить за счет сестры. Замужем она никогда не была. Человек, которого она любила, –

скульптор, как и она, но только стоящий, – разбился на машине на западной автостраде, став жертвой немного сумасшедшего вечера и слишком крепких вин. После этого несчастья мадемуазель Фалльер увлеклась вертящимися столами и гаданием на картах. Каждый вечер перед тем, как лечь спать, около своей кровати она чертила мелом на полу три круга. Согласно одному из руководств по оккультизму, ночью круги должны были способствовать установлению контактов с покойным. И каждое утро, чтобы прервать эту связь, она самолично стирала круги с помощью щетки и воска.

Столкновение столь несхожих характеров порождало конфликты, во время которых сестры общались друг с другом только посредством записок. Более начитанная мадемуазель Фалльер подкрепляла их в особо острых случаях цитатами, заимствованными у великих авторов, с непременно ссылкой на источник. Поэтому мадам де Сент-Ави случалось быть изрядно раздосадованной, когда в заключение довольно пылкого послания ей приходилось читать проклятия леди Анны из шекспировского «Ричарда III»: «Уйди, ужасное орудье ада!»

Марк видел мадемуазель де Фалльер лишь однажды, когда выходил из большой гостиной после того, как судья Роллен представил его мадам де Сент-Ави. Встретившись с ним в коридоре, она едва взглянула на него. Теперь же, напротив, приближалась, разглядывая его с весьма тягостной настойчивостью. Он торопливо вытер полотенцем лицо и тело, всеми силами стараясь скрыть свое разочарование.

– Вы великолепны! Да-да, просто великолепны, – заявила она, молитвенно складывая руки. – Поверьте мне.

Мадемуазель склонила голову набок, всем своим видом пытаясь изобразить неподдельный восторг. Марк отметил, что она, как и сестра, была похожа на обезьяну, только грудь и зад у нее были совсем плоскими, отчего она напоминала еще и обелиск.

Мадемуазель сразу же предложила ему позировать. Известно ли ему? Она лепит. Увы, Париж слишком далеко. Вызвать оттуда натурщика дело нелегкое. Она, конечно, не стала ему рассказывать о том, что единственный опыт с девушкой с Монпарнаса кончился два года назад весьма плачевно. Эту Мадлин (да, не Мадлен, а именно Мадлин) поселили на третьем этаже «замка» в просторной комнате, которую она незамедлительно раскрасила из пульверизатора в зеленый и красный цвета, мало того, сделала на стене с помощью трафарета портреты Че Гевары и Патриса Лумумбы. Из-за ее торопливости или неловкости краска разбрызгалась так, что лица несчастных борцов, казалось, были изъедены проказой. Для утренних гимнастических упражнений в качестве перекладки она использовала трубы в ванной комнате, которые постепенно расшатались и в конце концов затопили комнату внизу.

Она была дочерью самого настоящего сенатора, и это произвело на мадемуазель Фалльер огромное впечатление. Кроме того, у этой Мадлин была стройная фигура, она поддерживала форму шведской гимнастикой и длительными прогулками. Таковы были причины, заставившие мадемуазель Фалльер снисходительно относиться к тому, что натурщица называла ее не Камиллой, а Камомиллой, что у нее, вопреки общим строжайшим предписаниям экономии, день и ночь горел свет и что она разбрасывала в коридорах шелуху от арахиса, который обожала и выписывала себе из Парижа.

Драма разразилась звездной сентябрьской ночью, теплая мягкость которой вдохновила девушку совершить пробежку вокруг «замка», облачившись, если можно так выразиться, в одни только туфли на шпильках. Мадам де Сент-Ави, не любившая собак, полагалась в деле своей беспасности на бессонницу верного Таверы и на его ловкость в обращении с карабином. Встревоженная шумом (в хорошую погоду она спала с открытым окном), мадам де Сент-Ави высунулась в окно и увидела в серебряном свете блаженную Мадлин, скачущую по аллеям с прижатыми к телу локтями и ничем не прикрытой, овеваемой ветром грудью, не считая всего остального. Рассерженная мадам де Сент-Ави собралась было позвонить Тавере, дабы он положил конец этому скандалу, и тут вдруг заметила его самого, застывшего неподвижно на ступеньках у входа и всем своим видом выражавшего полнейший восторг.

На предложение мадемуазель Фалльер удивленный Марк ответил согласием, однако тон его был не слишком любезным. Правда, он тут же опомнился, заметив, что работы у него и без того хватает и что свободно-го времени теперь совсем не останется.

– Понимаю, – сказала она. – Вы сами определите время, которое сможете уделить мне.

Оставшись снова один, Марк стал корить себя за то, что согласился из предосторожности, дабы не вызвать неудовольствия сестры своей благодетельницы, а заодно, может быть, и ее собственного. Ему, конечно, следовало отказаться.

Однако позже, когда он сидел перед камином и слушал по радио трансляцию футбольного матча, его разобрало любопытство. Что же это будут за сеансы? Неужели ему придется позировать голым? Ему было чуждо самолюбование, и ничего лестного для себя в предложении мадемуазель Фалльер он не увидел. Занятия боксом, которым он увлекался, упражняясь в одном из маленьких любительских залов Бельвиля, а также физкультура, которой он не пренебрегал даже в те месяцы, что провел в заключении, в сочетании с природной крепостью – вот в чём состоял секрет его превосходной мускулатуры, так восхитившей мадемуазель Фалльер.

Не отрывая глаз от огня, он вновь стал упрекать себя за то, что так необдуманно уступил старой сумасбродке, которая теперь будет красть у него свободные минуты. Но тут его осенила мысль, что тем самым ему предоставлялась возможность проникнуть в «замок» и встретиться там с Люсьенн.

6

Очень скоро вся прислуга узнала о том, что механик Рагно позволил провести себя, согласившись на предложение мадемуазель Фалльер. Все посмеивались, но без особого злорадства. Ни с Жерменой, ни с Клементиной – кухаркой, ни с Таверой – ее мужем, который вместе с ней принадлежал к числу слуг «замка», Люсьенн и словом не обмолвилась о своем визите к Марку. И если, несмотря на радостное волнение, охватившее ее в тот раз, она отказывалась от новых встреч – то не столько из робости, сколько из боязни впасть в немилость у этой ужасной старой дамы. Мадам де Сент-Ави и в самом деле знала обо всём, что происходит в ее

владениях или в доме, и редко проявляла снисходительность. Жермена вместе с Таверой была самой ревностной ее осведомительницей, всегда всё видела и слышала. Так, несколько месяцев назад именно она сообщила хозяйке, что в деревню повадился звонить какой-то неизвестный, он вызывает к телефону девушек и молодых женщин и спрашивает, как они спят – в рубашке или без, что носят днем – трусики или панталоны, изведали уже любовь или только собираются приобщиться к этому таинству, ну и так далее. Всё бы ничего, да только вот беда – малый вздумал беспокоить несчастных среди ночи, и хотя шутка стала тяготить всех, никому и в голову не пришло жаловаться. Ограничились тем, что высказали друг другу свои подозрения. Зато мадам де Сент-Ави, узнав обо всём от Жермены, тут же поставила в известность жандармов. Двух дней оказалось достаточно, чтобы те застали с поличным некоего Мартена Ла Бюри, подростка из добропорядочной семьи, которого трудное созревание подвигло на такие шалости. Мадам де Сент-Ави почувствовала себя оскорбленной, узнав, что молодому человеку всего лишь пригрозили, пообещав «всыпать хорошенько» если тот не образумится.

Люсьенн (одна из всей прислуги) тоже получила тогда вызов к телефону, она отлично помнила, что незнакомый голос, нарочито медлительный, вкрадчивый, показался ей гораздо более бесстыдным, чем сами слова. С наступлением ночи, завершая туалет у себя в комнате, она взглянула в зеркало на свое отражение. Прежде ни один мужчина не говорил ей любезных слов. Так что первые похвалы в свой адрес (голос перевозносил волнующие линии ее фигуры) она услышала от призрака, который, выдумывая ее, пробуждал тем самым ее собственные чувства.

Известие, что Марк согласился позировать для мадемуазель, повергло Люсьенн в волнение, ибо она не сомневалась, что ей предстанит случай встретиться с ним или приблизиться к нему. Правда, и без того она не упускала возможности взглянуть на него, незаметно наблюдая из своей комнаты, из сушильни или из бельевой; ей хотелось удостовериться, что он быстро выздоравливает и что рана ничуть его не беспокоит.

В этот вечер она снова встала у окна. Голубой домик Марка явственно выделялся в лунном свете. Из трубы поднимался дымок, нарушая прозрачную ясность ночи. Ночная птица, раскинув крылья, кружила в небе, мерцали созвездия. Мир в этот миг не казался странным или непонятным, напротив, во тьме Люсьенн ощущала его живое биение, его чудесное соучастие.

7

Мастерская мадемуазель занимала обширное помещение под самой крышей. Свет туда проникал с двух сторон через длинные слуховые окна, которые закрывались полотняными шторами. Копии работ античных мастеров, мраморные и гипсовые статуи стояли повсюду, но больше всего поражали воображение головы двух жирафов в натуральную величину; торчавшие, казалось, прямо из пола и едва не касавшиеся балок, они напомнили о том времени, когда мадемуазель Фалььер жила со своим скульптором-анималистом на Монпарнасе. В память о возлюбленном у нее сохранилась также маленькая бронзовая пантера, выгнувшая спину и готовая к прыжку; эта пантера из бронзы сразу же привлекла внимание Марка своим необычайно свирепым видом. Еще большее волнение охва-

тило его, когда он увидел бюст девушки, лицом напоминавшей Люсьенн. Марк подумал было, что это и в самом деле Люсьенн, но мадемуазель разуверила его: целый месяц держала она натурщицу, эксцентричность которой, увы, вызвала гнев старшей сестры. Мадемуазель добавила еще несколько резких слов в адрес своей сестры, осудив узор ее взглядов. Талант мадемуазель ограничивался, по-видимому, чисто формальными навыками, что позволило мадам де Сент-Ави в минуту довольно жаркого спора сравнить его с талантом ремесленника, изготавливающего похоронные украшения. Мадемуазель не забыла этой колкости, однако ее утешало воспоминание о мраморной *mater dolorosa*¹, подаренной ею деревенской церкви и впоследствии вместе с другими произведениями искусства похищенной грабителями. А такие типы – она в это свято верила – всегда действуют в интересах знаменитых коллекционеров и, стало быть, знают, что именно следует брать. Поэтому с течением лет кража эта приобрела в ее сознании особое значение и казалась ей не менее лестной, чем похвала какого-нибудь именитого критика.

Что же касается Марка, то, увидев его обнаженный торс, она решила его воспроизвести. Такое решение вполне устраивало Марка, который поначалу нервничал, опасаясь, как бы не пришлось демонстрировать что-нибудь другое столь достойной особе. И всё-таки неясная тревога вновь овладела им, когда он заметил, что мадемуазель, наклонившись, чертит мелом круги возле своего помоста.

Во время работы мадемуазель заметила шрам на его плече и приняла первое попавшееся объяснение, данное им. Для того ли, чтобы он не скучал, или просто из любопытства она долго расспрашивала его о прошлом. Марку пришлось рассказать о своем дедушке, приехавшем из Пьемонта и обосновавшемся в Марселе, вспомнить о детских годах, описать подробно всё семейство, ныне живущее во Фрежю. Почему сам он решил перебраться в Париж? Его уговорили приятели, с которыми он подружился на военной службе в расположенном неподалеку от Парижа городке. Он уже начал было опасаться непредвиденного поворота в этой похожей на допрос беседе, но тут как раз разговор зашел о его одинокой жизни в домике бывшего сторожа и о том, как он сам готовит себе еду. Мадемуазель разволновалась, сочла такое положение абсурдным, заявив, что отныне он будет питаться на кухне и, несмотря на протесты Марка, правда, довольно вялые, тут же отдала по телефону распоряжение Клемантине. Ответ: та готова принять Марка с завтрашнего дня.

В тот же вечер, возвращаясь к себе после этого первого сеанса, он, проходя по лестницам и коридорам, попытался отыскать наилучший путь, чтобы приблизиться к владениям Люсьенн. Часом раньше, провожая Марка к мадемуазель, Тавера провел его в «замок» через черный ход. И вот теперь он увидел девушку за швейной машинкой, окно и дверь были открыты настежь, чтобы дать доступ свежему воздуху.

Удивление, милое смущение, радость! У нее были красивые руки, глаза лукаво светились от удовольствия. Почему она больше не приходит? Неужели непонятно? В тот раз она, не раздумывая, пошла к нему, потому что боялась за него, ну а уж потом стала бояться за себя. Вторая полови-

¹ Скорбящая мать (лат.) – традиционный в христианском искусстве образ богородицы.

на фразы прозвучала несколько двусмысленно, Люсьенн сразу покраснела и до того растерялась, что даже забыла напомнить ему об ужасной строгости мадам, а ведь тогда всё стало бы ясно. Она поднялась. В вечернем свете кожа ее казалась золотистой.

– С завтрашнего дня, – сказал Марк, – я буду обедать вместе с вами. И я счастлив этим, просто счастлив.

Он подошел, осторожно обнял ее за плечи и притянул к себе, она не противилась.

– Какая вы красивая! – прошептал он. – Так приятно о вас думать.

Она не привыкла к комплиментам. Обычно, ухаживая за девушками, он действовал напрямик, сразу же выражая свое нетерпение, но Люсьенн заставляла его быть более сдержанным, а почему – он и сам не знал. Марк любовался ее глазами, оттененными темной линией, они были такими от природы, хотя и казались подкрашенными. Радужную оболочку испещряли лучики, идущие от зрачка, они-то и придавали ее взгляду и силу, и волнующую нежность. Люсьенн осторожно высвободилась, умоляя его уйти. Ему нельзя оставаться дольше. Скоро придет Жермена, занимавшая с недавних пор соседнюю комнату. Правда, она не сказала, почему обеих девушек решили поселить рядом, а объяснялось это весьма просто – дабы воспрепятствовать ночным похождениям месье Рагно.

– А скоро я смогу снова увидеть вас здесь? – спросил он.

Она, улыбаясь, кивнула головой, однако он чувствовал ее скованность, настороженность.

У края горизонта солнце уже подернулось дрожащей дымкой оловянного цвета. Где-то вдалеке катил поезд. С непринужденным видом пересекая парк, Марк, так же, как и Люсьенн, чувствовал себя обреченным вечно остерегаться чего-то, причем ему-то грозила куда более реальная опасность, чем ей. До определенного момента в своей жизни он почитал себя чуть ли не центром сияющего мироздания. И вот одного мгновения оказалось достаточно, чтобы иллюзия эта рассеялась навсегда, чтобы всё его существо застыло, окруженное непроницаемой, гнетущей тьмой.

Поздно вечером, сидя у слабого огня – только чтобы порадовать глаз, ибо стояла нестерпимая духота, – он проглотил свой ужин из консервов и с удивлением обнаружил, что ему вдруг стало вспоминаться детство, игры в сосновом бору, воистину безмятежное время невинности. Впервые за долгие месяцы с тех пор, как произошло несчастье, он не стал гнать прочь эти воспоминания или заглушать их в себе, словно за несколько минут, проведенных с Люсьенн, душа его обрела наконец долгожданный покой.

8

Случалось, что на ферме Жом Марка вместе с двумя или тремя другими работниками поместья оставляли обедать. Точно так же бывало и на ферме Монт-Арьель, куда его частенько звали ремонтировать машины, ведь почти все они были старого образца. Но несмотря на дружеское расположение тамошних жителей, он отклонял эти приглашения, предпочитая трапезы на кухне, ибо знал, что это даст ему возможность встретиться с Люсьенн, поговорить с ней и тем самым упрочить связавшую их тонкую нить.

Клемантина приняла его радушно. До того как выйти замуж за Таверу

и поступить на службу в «замок» в качестве простой служанки, она работала в цирке акробаткой под псевдонимом Клемантины Клеман. Однажды (случилось это уже довольно давно), взобравшись на самую верхотуру двойной лестницы, она протирала в библиотеке шкаф; увидев ее в таком положении, месье де Сент-Ави счел это опасным и выразил свою тревогу. «Это я-то могу упасть? – воскликнула она. – Да вы только посмотрите, месье!» И дабы окончательно успокоить его и доказать свою ловкость, она встала на руки – головой вниз, ногами вверх, как в былые времена на арене, но тут юбка вывернулась наизнанку, закрыв ей лицо и открыв изумленному взору старика ее тайные прелести, которые Клемантина не сочла нужным ничем прикрыть.

Вскоре после этого случая ее назначили на кухню, где она сильно прибавила в весе, раздавшись во все стороны, так что об акробатике пришлось забыть.

В первый день Жермена начала было жеманничать, без конца повторяя «месье Марк», однако Клемантина сразу пресекла это, заявив, что на кухне все должны говорить друг другу «ты». Развешанные кастрюли, всевозможная стеклянная утварь, занавески в красную с белой клетку – всё способствовало созданию особой, как бы семейной атмосферы, когда они собирались вместе в полдень и по вечерам. Марк, однако, помнил, что ему надлежит остерегаться Жермены, поэтому в разговоре с обеими девушками он старался держаться одинаково товарищеского тона, и всё-таки одного присутствия Люсьенн было довольно, чтобы у него вновь возникла иллюзия, будто в его жизни ничего непоправимого не произошло; избавившись от навязчивых мыслей, заставлявших его до сих пор держаться в стороне от других, он ощущал себя словно заново родившимся, без малейшего изъяна, без надлома.

Как-то вечером, спускаясь из мастерской мадемуазель после очередного позирования, он, зная, что Жермены нет в «замке», решил заглянуть во владения Люсьенн и застал ее в сушильне, где она развешивала белье. Она улыбнулась ему, а он в ответ заключил ее в объятия, да с такой страстью, что она, откинув немного назад голову, внимательно посмотрела на него, смутно угадав обуревавшее его, кроме желанья, неведомое чувство – то ли тревогу, то ли смятение, которое сначала она приписала боязни какой-либо неожиданной помехи (Тавера, например, бродил в парке), но затем своим женским чутьем уловила, что чувство это отражает неясное ей движение души, какой-то неистовый, почти отчаянный порыв.

Постепенно эти тайные свидания вошли у них в привычку. И с каждым разом она, отвечая на его ласки, всё более самозабвенно прижималась к нему, они отгораживались от мира, отдаваясь этой сладостной минуте.

– Известно ли вам, мой милый, что у вас голова римского императора? – спросила его как-то мадемуазель Фалльер.

Императора или бульдога, по мнению Рагно, – какая разница, Марку на это было наплевать. А она уже приступила к лепке лица (глазных орбит под резким выступом бровей, носа с едва заметной кривизной – след давнишних занятий боксом), хотя и не способна была распознать в его чертах знаки, свидетельствовавшие о тайном разладе между душой и телом.

В другой раз внимание ее привлекли руки Марка, руки сильные, ис-

пещренные намертво въевшейся смазкой, которую и бензин не брал. Когда он сжимал их, кулаки делались крепкими и твердыми, как молоток. Престарелая девица выразила желание сделать с них слепок. Он наотрез отказался. Она была удивлена, но больше не возвращалась к этому разговору.

9

Мадам де Сент-Ави регулярно вызывала некоторых из своих служащих, например, советника по налоговым делам, тощего и желтого, как Бонапарт в бытность свою первым консулом, либо управляющего имуществом, потливого толстяка, от огромного тела которого летом буквально шел пар, или же мадам Поли, занимавшуюся перепиской и сортировкой писем. Эти женщину лет сорока, претенциозную и злую, бывшую когда-то замужем за французским консулом в Канаде, Жермена, неизвестно почему, прозвала «Треска».

Так вот в тот день Поли-Треска приходила работать к мадам, которая оставила ее обедать. Обед назначили, как обычно, на 13.30. Около полудня, едва прислуга села за стол, на кухне внезапно появился Рагно. Увидев там Марка, он был удивлен и раздосадован.

– Что ты тут делаешь?

Толстуха Клемантина сообщила ему о решении мадемуазель, принятом, возможно, в знак благодарности за услугу, которую оказывал ей Марк, согласившись позировать.

Рагно усмехнулся.

– Позер... Это как раз для тебя. Во всяком случае, я должен проверить. В твоём контракте говорится «с проживанием», но там нет речи о пропитании. Ясно?

– Так решила мадемуазель! – снова вмешалась кухарка.

Взгляд Рагно скользил по лицам присутствующих, с большим удовольствием задерживаясь на Люсьенн и Жермене.

– Мадемуазель мне не указ, – заявил он. – Распоряжения я получаю не от нее.

– Хорошо, – сказал Марк, – я могу уйти к себе.

– Оставайся! Месье Рагно сказал, что проверит.

Упершись руками в бока, Клемантина бросала вызов управляющему, которому Тавера поднес тем временем стакан сидра.

В тот день на Рагно была легкая куртка с кожаными налокотниками, краги и заливчатая полотняная шляпа с поднятыми на одном боку полями и макушкой в мелкую дырочку. Такое одеяние делало его немного похожим на хвастливого Тартарена, он словно бы сошел со страниц популярного журнала для охотников и рыбаков.

– Вот именно, – подтвердил Рагно, – я непременно проверю. Это моя работа – всё проверять, за всем следить...

Он в два приема осушил стакан, прищелкнул языком и, не простившись, вышел.

Не получив ответа на свои звонки, Рагно повернул ручку двери и не без опаски вошел в мастерскую. Раньше он никогда сюда не заглядывал. Удобный случай удовлетворить свое любопытство. Сквозь зашторенные окна сочился рассеянный свет, отчего статуи делались похожими на при-

зраков, впечатление усиливалось от царившего здесь запустения и ничем не нарушаемой тишины. На подставке возвышался обернутый мокрым полотенцем бюст. Конечно, Марк. Из угла, словно стебли чудовищных цветов, тянулись в едином порыве шеи двух жирафов.

Рагно торопливо обошел помещение, внимание его между тем привлекла гипсовая копия головы Коллеони¹, его необычайно мужественный и надменный вид.

Рагно выглянул в одно из окон на улицу, и глазам его открылось необозримое пространство, утопающее в море света, с торчащими кое-где островками поблекших лесов и домов; мысленно кляня гиблое время засухи, он снова погрузился в сумрак мастерской. Здесь, словно на сцене театра, его ожидают статуи примерно одинакового размера, которые следят за ним своими пустыми глазами, и одна из них – он сразу же узнал ее – не кто иная, как Люсьенн, обнаженная мраморная Люсьенн с маленькой, но такой восхитительной формы грудью, с округлыми, полными плечами. Рагно не довелось встретиться с Мадлин, и он ни минуты не сомневается, что это девушка из бельевой, та самая немного насмешливая Люсьенн, которая кажется ему такой желанной. Издалека он не раз наблюдал за ней. В эту жаркую пору она вряд ли что носит под платьем. Казалось бы, такой простой жест, как поднятые вверх руки, когда она развешивает белье, или ее манера изгибаться, встав на цыпочки, но от одного воспоминания кровь закипала у него в жилах. И вот перед ним прелестное мраморное тело, эти плоские бедра, эти длинные ноги – всё, что обещает блаженство, которого до сего дня ни одна из служанок не могла ему дать. Он протягивает руку, ласкает мраморную грудь, ноги. Он грезит наяву. Лицо статуи не совсем похоже на то, которое он знает, оно не такое узкое и более бесхитростное, чем настоящее, однако ему известно – он часто слышал об этом, – что талант мадемуазель имеет пределы. Рагно возвращается назад, идет к подставке в центре очерченного мелом круга (что за чудачество!), снимает полотенце, собираясь позабавиться, и вдруг видит лицо Марка, которое поражает его своей подлинностью, смелой открытостью: суровый, низкий лоб, чувственный рот. Легкая кривизна носа придает всему облику некоторый драматизм. Но главное – это глаза, четко обозначенная радужная оболочка и пустые зрачки делают их взгляд неподвижным, вселяющим тревогу.

В напряженной тишине, воцарившейся на кухне после ухода Рагно, зазвонил внутренний телефон. Мадам Поли просила Марка прийти к ней в большую гостиную.

Там он увидел мадам, восседавшую в кресле с высокой спинкой, руки ее лежали на подлокотниках, и вся поза свидетельствовала об усталости. В тот день – быть может, из-за приезда Поли? – Жермена слегка подкрасила мадам, голова ее с волосами в завитках, забранных лентой, казалось, держалась на высоком воротнике, растекавшемся под подбородком кружевной пеной. Жермена, стало быть, наложила ей тон на лицо, подмазала щеки красным, а веки подвела темной тушью. Как ни странно,

¹ Бартоломео Коллеони (1400-1476) – итальянский кондотьер. Согласно завещанию, на оставленные деньги в Венеции ему был воздвигнут памятник (скульптор Андреа Вероккьо, открыт в 1496 году).

но Марку эта комичная маска, несмотря ни на что, внушала почтение своим естественным достоинством и властным, не лишенным лукавства взглядом. Гладкое, невыразительное лицо мадам Поли как бы растворялось в прохладном полумраке комнаты, который поддерживался с помощью опущенных жалюзи. Она сидела за столом, заваленным бумагами. Рагно со своей ковбойской шляпой в руках стоял под огромной картиной, изображавшей кораблекрушение. Торжественный бой часов показался Марку вполне соответствующим моменту: все три персонажа с молчаливым неудовольствием воззрились на него. До этого дня он дважды видел мадам де Сент-Ави: первый раз, когда судья Роллен привел Марка в эту самую гостиную, чтобы представить его благодетельнице; второй, когда она объясняла ему причины, побудившие ее взять его на службу вопреки тому, «что о нём известно», в тот раз она выразила надежду, что он оправдает ее доверие. И теперь вид ее снова поразил Марка. Казалось, именно внешний облик придает особую суровость ее словам.

– Я узнала, – заговорила мадам де Сент-Ави, – что мадемуазель позволила вам питаться на кухне.

– Да, мадам.

Она медленно качнула головой справа налево и слева направо, и Марк сразу понял, что между сестрами опять начался разлад, и для него, стало быть, не оставалось надежды на счастливый исход дела.

– Только я одна могу оказать вам такую милость. Вы не принадлежите к числу слуг в доме.

– Я знаю, мадам.

– Надеюсь, вы довольны тем, что находитесь здесь в исключительных условиях, принимая во внимание ваше положение? (Она произнесла тягуче: «поло-ожение».)

Мадам Поли, должно быть, не знала, на какое положение намекает мадам, ибо прищурила глаза, словно для того, чтобы лучше разглядеть Марка и проникнуть в его тайну.

– Очень доволен, мадам, – сказал Марк, скрестив руки на животе, как он привык делать во время допросов.

– В добрый час. Поймите, мой мальчик, если я позволю вам столоваться на кухне, почему же в таком случае я должна отказывать в этом другим?

– Я понимаю, мадам.

Тут мадам Поли наклонила к мадам де Сент-Ави и сказала какую-то фразу по-английски, которая, вероятно, пришлась ей по душе.

– Да, я позволю себе заметить, что вы не проявили должной деликатности, не поставив в известность хотя бы месье Рагно об этом необоснованном решении. То, что после работы вы позируете для мадемуазель, это ваше личное дело. Но что касается всего остального, то не забывайте: вы служите у меня.

И снова мадам Поли довольно резким тоном сказала по-английски несколько слов. Марк понял, что по какой-то неведомой причине эта женщина невзлюбила его.

– Да, – продолжала мадам, – вы допустили оплошность. Постарайтесь не повторять этого впредь. Заметьте, что Клемантина тоже заслуживает порицания. Ну да ладно, оставим это. Можете идти.

Выйдя в коридор, Марк должен был признать, что Рагно не стал вмешиваться и осуждать его, мало того, он всем своим видом выражал недо-

вольство, когда мадам Поли пыталась подлить масла в огонь. Но если уж говорить правду, то, пользуясь известным «положением» Марка, платили-то ему гораздо меньше того, на что он мог рассчитывать в силу своей квалификации.

Всё это абсурдно до тошноты. На улице он снова окунулся в колышущуюся на солнце знойную дымку и в светящееся безмолвие, поглощавшее все шумы. Коровы сгрудились под деревьями. Что-то поблескивало вдалеке – стекло или вода в пруду. Сколь бы унижительна и неприятна ни была эта чванливая беседа в гостиной, Марк не слишком огорчился. Он даже не сердился на Рагно, прекрасно понимая, какой страх внушала тому деспотичная старая дама. Нет, пока он шел к мотоциклу, собираясь отправиться в Монт-Арьель, он с тревогой задавался вопросом: какова будет реакция Люсьенн, когда она узнает – а это рано или поздно неизбежно должно случиться, – что около пятнадцати месяцев назад он убил человека.

10

Итак, в последующие дни Марк мог позволить себе встречаться с девушкой только по вечерам, да и то всего на несколько минут задерживаясь возле бельевой, прежде чем взобраться по этажам в мастерскую мадемуазель. Он искал способа найти выход из этого дурацкого положения. Но если тому противилась Люсьенн, испытывавшая неодолимый страх перед мадам, главное препятствие крылось всё-таки в нём самом, в том помрачении сознания, в той внутренней опустошенности, которые породились определенными воспоминаниями.

Между тем он прекрасно понимал, что нежность Люсьенн могла бы смягчить терзавшие его душу страдания. Так, во сне ему теперь гораздо реже являлось это красное лицо, будившее его своей усмешкой и заставлявшее обливаться в постели холодным потом. А однажды ему даже приснилась Люсьенн. Смеркалось, он лежал на берегу моря между утесами, вдруг вода перед ним забурилась, осветилась, и он было подумал, что из глубин вот-вот вынырнет солнце. Но появилась обнаженная Люсьенн и побежала ему навстречу в кипении света и морской пены. В радостном исступлении они тут же бросились друг другу в объятия, и эта сладостная минута, словно пережитая наяву, наполнила его на другой день счастливым трепетом.

Как-то утром Рагно вручил ему вызов судьи Роллена, первый с тех пор, как он здесь поселился. Вызов в парижский суд, куда он должен был явиться и куда в случае уклонения его всё равно «доставят силами общественного порядка».

– Возьми день, и все дела, – сказал ему Рагно. – А в субботу или в воскресенье отработаешь.

Мертвенно-бледное лицо судьи (следствие какого-то недуга?), посе-ребренные виски, устало опущенные плечи и весь его довольно утонченный облик никак не вязались с суровостью приемной, которую не мог смягчить даже неудержимо льющийся в окно поток солнечных лучей.

После выхода из тюрьмы (Марк был приговорен к четырем годам) ему дали три года испытательного срока. Тогда в этой самой комнате судья рассказывал Марку о той роли, которая отводится ему в деле наблюде-

ния за освобожденными из заключения и оказания им необходимой помощи, дабы они имели возможность окончательно исправиться и вернуться к нормальной жизни. Прежде чем упомянуть о поместье де Сент-Ави, судья сообщил ему также об обязанностях, которые подобная мера налагает на бывшего заключенного.

И вот теперь ему опять пожали руку, пригласили сесть, предложили сигарету, и всё это без малейшего наигрыша или притворства. У Марка мелькнула мысль, что эти светлые усталые глаза повидали здесь, в этой комнате, немало несчастных, сломленных людей. Голос судьи Роллена звучал ровно, невыразительно и только иногда в нём появлялась некоторая теплота. Чтобы проверить какой-нибудь документ, он надевал очки, затем резким движением снимал их.

– Я рад вас видеть. Говорю вам то, что думаю.

Марк поблагодарил его. Ему было жарко (кожаная куртка давила, словно панцирь). Но если повезет, разговор будет недолгим.

– Месье Рагно прислал мне свой первый рапорт относительно вас. Он доволен вашими профессиональными качествами, а также, что особенно важно, вашим усердием в работе и вообще вашим поведением.

Откинувшись назад, он с улыбкой взглянул на Марка. Марк подумал, что судья, должно быть, догадался, насколько он удивлен.

– Не обманывайтесь на его счет, – продолжал судья. – Месье Рагно бывший военный, то есть человек, конечно, суровый, но он умеет ценить заслуги тех, кто у него работает. Однако...

В этот момент кто-то прошел по коридору, и судья подождал, пока стихнут гулкие шаги. Как и во время судебного разбирательства его дела, Марк почувствовал, что видит себя словно бы со стороны, и чутко стал прислушиваться к малейшим своим ощущениям. Слово «однако» он воспринял как своего рода сигнал.

– Однако после получения рапорта я всё же позвонил месье Рагно, чтобы напомнить ему кое-какие формальности касательно вашего случая. Во время нашей беседы он проговорился, что однажды увидел на вашем лице следы от ударов, ударов, полученных в драке. Вы будто бы даже сказали ему, что сами сдачи не дали. Это верно?

– Да, месье.

– Вы не посвятили месье Рагно в обстоятельства этого дела, но мне хотелось бы, чтобы со мной вы были более откровенны. Доверьтесь мне. Расскажите, что произошло.

Несмотря на любезный тон, Марку вспомнились времена нескончаемых допросов, и он насупился.

– Это случилось из-за девушки. Она скрыла от меня, что замужем. Ну и как положено, неожиданное возвращение...

– Вас, стало быть, побили.

– Мне здорово досталось, прежде чем я сумел выбежать во двор и скрыться за домом.

– Вы сумели обуздать свой пылкий темперамент. Это хорошо.

– За что и поплатился, – холодно заметил Марк. – К тому же бросаться на человека, который застал вас в постели у собственной жены...

– Да, да, понимаю. А она, где вы с ней встретились?

– В маленьком кабачке, за Бастилией.

– В принципе вам не следует посещать подобные заведения, так гла-

сит инструкция. Заметьте, я не запрещаю вам этого делать, но скажем так: не советую – чисто по-дружески и в ваших же интересах.

– Ясно, – сказал Марк.

– Я знаю, что в вашем возрасте... Послушайте, самое лучшее для вас найти хорошую женщину и жениться.

– Только прежде чем явиться в мэрию, придется рассказать ей обо всём. Полагаю, что самая лучшая из девушек может передумать, узнав, что жених отсидел в тюрьме за убийство.

– Марк, вы еще слишком молоды и потому не знаете той силы понимания, на какую способна женщина.

– Жалость – это не для меня, – сказал Марк, на этот раз устало.

– А кто говорит о жалости?

Воцарилось молчание. Марку вспомнилось, как вела себя на судебном процессе подруга жертвы. Такая хрупкая, лицо худенькое, в глазах безысходное отчаяние, а требовала, чтобы ему отрубили голову.

– Как теперь у вас со сном, получше? – спросил судья.

Вопрос неприятно поразил Марка, напомнив ему о том, что он поведал о преследовавших его кошмарах постороннему человеку. Он пожалел о своей слабости. Подумать только, ведь он дошел до того, что описал ему этот шатающийся призрак, который, проникнув в его плоть и кровь, отнял всякое желание жить.

– Отвечать обязательно?

– Что за вопрос! Полноте!

Тем не менее судья, казалось, правильно понял реакцию Марка.

– Вы говорили о женщинах, – продолжал он.

Марк едва удержался, чтобы не сказать с горечью: «Нет, это вы говорили о них!» Однако он взял себя в руки, погасив сигарету в пепельнице.

– Поверьте, Марк, если женщина полюбит вас, она не станет осуждать ваше прошлое. Если вам доведется встретить истинную любовь, вы тут же распознаете ее, потому что возлюбленная примет вас таким, каков вы есть, каким сделала вас жизнь.

Слова эти удивили Марка, настолько они соответствовали неотступно преследовавшей его неотвязной мысли, но всё-таки не убедили полностью. Сумрак, в который погрузился его разум после убийства, крепко держал его, не давая возможности положительно относиться к жизни. А судья тем временем продолжал говорить, теперь он рассказывал о поместье де Сент-Ави, о своей старинной дружбе с мадам, не подозревая даже, что описывает только одну сторону вещей, хотя в глазах Марка существуют изнанка и лицо, то есть две стороны, одна из которых служит подтверждением его несчастья и полной зависимости.

11

На улице под знойным июльским солнцем Марк вспомнил, что остаток дня принадлежит ему. С судьей покончено, по крайней мере, на какое-то время. Он знал, что этот человек пытается понять его и помочь. На мотоцикле он промчался мимо собора Парижской богородицы – на паперти полно было туристов, потом направился вдоль Сены и через мост Сюлли перебрался на левый берег. К черту судью! Он не мог устоять перед искушением, которое не давало ему покоя после разговора, до сего дня подобного желания у него ни разу не появлялось, и теперь ему не терпе-

лось осуществить его. Он притормозил, заметив на фоне пламенеющего неба темную колонну Бастилии. Оставалось только свернуть направо. Там оно и было, это кафе с несколькими столиками на тротуаре, а внутри – бутылки и блестящая никелированная поверхность стойки, притягивающая свет. Неужели он и в самом деле решится войти? Ведь его могут унять. Хотя народу в этот час немного, да и официант за стойкой новый.

Марк поставил мотоцикл, не торопясь, вошел в зал, сел в углу и заказал пиво. Напротив он видел диванчик, обтянутый искусственной кожей, стол, возможно, тот самый, который он тогда перевернул. Сначала он хотел сесть на то место, где всего за несколько минут жизнь его сломалась пополам, но потом передумал. Над диванчиком висело длинное зеркало. Закурив сигарету, он взглянул на зеркало, словно пытаясь отыскать в его глубине отблеск былых страстей.

Курить он начал только после того, как вышел из тюрьмы. Раньше, следуя спортивной гигиене, он не пил и не курил. «Пожалуйста», – сказал официант, поставив перед ним стакан и пиво. И так, с тех пор прошло пятнадцать месяцев. И сегодня посетители у стойки смеялись точно так же, как в тот вечер. И всё тот же сладковатый запах вермута и анисовой водки плавал в воздухе. Он повертел стакан в руке, несколько не сомневаясь, что никогда уже не вернется к нему чувство согласия с окружающим миром, он утратил на это право, отрекся от самого себя. Он не смог бы рассказать всё по порядку, изложив точные факты в их последовательности, память его всё еще блуждала в потемках, и мысль с трудом пробивала себе путь сквозь смутные воспоминания. Он сидел вон там, напротив, в углу зала, возле окна, выходившего на улицу, и читал газету, дожидаясь Фреда Марьена, который кончал работу позже. Мотоцикл стоял у обочины. Вместе они должны были отправиться на нём в Бельвиль, где два или три раза в неделю тренировались в физкультурном зале.

Четыре парня – служащие – садятся за соседний столик. Тот, что ближе всех к нему, одного с ним возраста. Маленькие блестящие глазки, веселый вид, словом, сразу видно, шутник. Все четверо в отличном расположении духа, и это понятно: конец рабочего дня, долгожданная свобода. Однако парень справа от него, по-прежнему улыбаясь, хочет, видимо, рассмешить своих товарищей и начинает приставать к Марку: «Эй, великан, что ты там читаешь? Дай посмотреть!» Едва вымолвив эти слова, он хватается газету и, прыскающая со смеху, проглядывает ее, изображая малограмотного, пробующего уловить смысл всех этих значков, потом делает из газеты комок и небрежно, комичным жестом швыряет его. Тут вмешиваются остальные: «Жорж, успокойся». Они улыбаются, но такое бесчинство смущает их. «В чём дело, – не унимается Жорж, – уж и пошутиться нельзя?» И он поворачивается к Марку, с усмешкой дожидаясь его одобрения. Марк берет его за руку повыше локтя и ледяным тоном приказывает:

– Подбери.

– Еще чего, – говорит в ответ Жорж, пытаясь высвободиться, не уронив при этом достоинства. Напрасные усилия. От ярости и возмущения глаза его сузились. Марк продолжает настаивать:

– Я сказал: подбери.

– У тебя что, мания величия?

Этот диалог Марк помнит слово в слово. Двадцать раз он повторял его следователям, судье, своему адвокату. «У тебя что, мания величия?» А

вот дальше всё уже не так четко. Жоржу удалось встать, высвободиться. Столы зашатались. Раздался чей-то крик: «Шли бы лучше на улицу!» – и приятели Жоржа тоже встали. Тут в памяти Марка расплывается какое-то черное пятно. Этот Жорж действительно потянулся рукой к карману? Хотел достать оружие? Впоследствии Марк будет утверждать, что истолковал его жест именно так, усмотрев в этом опасность. Только один свидетель подтвердит эту деталь, но у жертвы не найдут ничего, никакого оружия, даже перочинного ножа. Друзья Жоржа вмешиваются, чтобы привести в чувство, как скажут они потом, обоих противников. Марк будет утверждать, что почувствовал угрозу с их стороны и хотел отступить назад, чтобы они не успели окружить его, и что, пытаясь освободиться, он и ударил Жоржа. Взметнувшись, словно кувалда или молоток, кулак Марка, не рассчитавшего силы своего удара, обрушился на Жоржа, угодив ему в висок. Жорж упал. Но это было не просто падение, он шмякнулся, словно пустой мешок, тело его съежилось, колени подогнулись, туловище, наоборот, выгнулось, и он стал похож на букву Z. Вокруг все засуетились. Стали поднимать его. Марк увидел кровь, бегущую из ноздрей двумя тоненькими ярко-красными струйками. Тут нельзя было ошибиться, он понял, что вместе с этими медленно стекающими струйками уходит жизнь. Никто еще не успел осознать того, что сам он уже знал, хотя безумная надежда заставила его склониться над парнем, он пытался уловить проблеск жизни в угасающих глазах. И Фред, который успел уже прибежать, тоже склонился вместе с ним, потом с ужасом взглянул на Марка.

Поди объясни кому-нибудь тот ураган, взметнувшийся откуда-то из первобытных глубин его существа и затмивший разум. В тюрьме с упорством игрока, который всё потерял и грезит о невозможном – вернуться вспять, он долго еще пытался воскресить эту минуту. В течение всех месяцев заключения он был не в состоянии думать о чём-либо другом и чувствовал, как скудеет его мысль, обреченная бесконечно возвращаться всё к тому же.

12

Вместо того чтобы зайти к Фреду в гараж, он предпочел позвонить ему по телефону и договориться о встрече у него дома. Прежде чем взобраться на четвертый этаж этого старого, обветшалого дома в Бельвиле, он поставил свой мотоцикл в тот самый сарай, где, накрытый брезентом, он дождался его целый год, находясь под неусыпным надзором Фреда. На нём-то он и отправился на танцульку возле Бастилии, где покорила ту самую молодую женщину, что не скупилась на милости, но ревниво оберегала тайну своего гражданского состояния. Как и судья Роллен, Фред похвалил Марка за проявленную им выдержку, когда на него посыпались удары оскорбленного мужа.

– Чуть что, они сразу же упрячут тебя обратно, – сказал он, – да еще добавят твои три года испытательного срока.

Вообще-то он редко говорил с Марком о случившемся несчастье, чутьем угадывая, что Марк всё еще блуждает в потемках своего подземелья и что лучше предоставить возможность ему самому найти выход оттуда.

Они отправились ужинать в итальянский ресторанчик на улице Фобурдю Тамплъ, где заказали себе пиццу по-сицилийски. Нервы Марка всё

еще были напряжены после недавнего посещения судьи, однако он не стал рассказывать Фреду об этом визите: что за радость вспоминать такое печальное событие, к тому же его удерживало чувство стыдливости, которое, вероятно, и помешало ему сесть там, где упала его жертва. Из динамика доносилась едва слышная неаполитанская песенка. Приятный тенор властью своего голоса как бы открывал перед ним широкие горизонты, позволяя мысли его выйти на волю из унылого заточения. Фред тем временем что-то искал в своем бумажнике. Он имел обыкновение коллекционировать своих возлюбленных, ему нравились брюнетки небольшого роста, и он фотографировал их, если они соглашались, на шкуре белого медведя, розовая зубастая пасть которого лежала на полу. Поэтому, когда он выкладывал серию таких фотографий, взгляд тотчас же приковывала к себе угрожающе раскрытая пасть, а уж потом внимание переключалось на прелести счастливой избранницы. На этот раз он похвастался Марку своей последней победой, совсем молоденькой девушкой, достоинства которой не уставал нахвалять.

– Тебе надо бы найти шикарную девчонку, Марк. К несчастью, твой судья сумел «откопать» для тебя только эту проклятую дыру.

– Это всё-таки лучше, чем тюрьма, – заметил Марк.

– Само собой. Только что касается женщин, там, видно, не разгуляешься.

И тут Марк понял, что и про Люсьенн он тоже ему ничего не скажет и что долго еще будет бродить на ощупь в своем подземелье, натываясь на стены, в поисках хоть какого-нибудь просвета, чтобы выбраться, наконец, на волю.

Он вернул Фреду фотографию, с которой на него лукаво смотрело милое личико. Песенка смолкла, ее сменила неизбежная «Катари», и эта вульгарная, страстная мелодия заставила его понять простую истину: после того как он вышел из кафе, ему сразу же надо было ехать к Люсьенн, и прав был Фред, который считал, что счастье для него – всё равно что далекая, но всё-таки достижимая полоска земли, и что похож он на потерпевшего кораблекрушение, но жадущего выжить.

Вернувшись домой, он никак не мог заснуть. Часы показывали одиннадцать. Залитая лунным светом долина казалась волшебным озером. Он бродил под деревьями без каких-либо определенных намерений, глаза его была прикованы к фасаду «замка», в окнах которого горел свет. Гравий скрипел под ногами, и на фоне царившего вокруг безмолвия шум этот казался нестерпимо громким, поэтому он свернул с аллеи и пошел по траве, очутившись вскоре у боковой двери «замка». Заперта. И хотя этого следовало ожидать, удостоверившись в очевидной истине, он почувствовал раздражение и несколько секунд держал свой огромный кулак на щеколде, борясь с желанием сорвать ее. Потом, закулив сигарету, повернул назад.

Визит в кафе возродил в его душе ту неясную боязнь замкнутого пространства, которая и раньше терзала его, особенно по ночам. Не то чтобы он пожалел о проведенных там нескольких минутах и об этом ужасном саморазоблачении, но сейчас ему очень хотелось увидеть Люсьенн: он знал, что одного ее взгляда будет достаточно, чтобы избавить его от этого чувства потерянности. Он остановился под сенью ближайших деревьев, ночной покой, казалось, снизошел на землю, обняв ее от края и до края. Но тут позади него послышался легкий шум, он решил было, что это

вышел на охоту какой-то зверек, и вдруг услышал голос Таверы: «А! Это ты!» Стало быть, несмотря на густую тень, отбрасываемую листвою, сторож мог незаметно подойти к нему и застать врасплох.

– Добрый вечер, – сказал Марк, – такая жара, что я никак не могу заснуть.

– Понятное дело, – сказал старик, держа карабин наперевес.

– Как это ты нашел меня?

– Ночью зажженную сигарету издали видать. Да и потом глаза у меня зоркие, малыш.

Эта последняя фраза вызвала у Марка опасения, что старик мог видеть, как он дергал щеколду на боковой двери. В таком случае он мог приписать ему что угодно, вплоть до воровства.

– Прекрасный вечер, – продолжал сторож. – Зимой обходы делать не так приятно.

– А тебе часто приходится вот так ходить?

– Определенного распорядка у меня нет. Но даже из дома я всё слышу. Уж поверь, уши у меня не хуже глаз.

И на этот раз Марку почудился лукавый намек в его словах. Старик шагал, сгорбившись, карабин он теперь держал в руке дулом вниз. Под его внешней беззаботностью крылось сосредоточенное внимание.

– Что мне действительно нужно, так это одна или две собаки. Только вот беда, мадам этого никак не желает.

Так они и шли, не торопясь, бок о бок, пока не очутились возле домика Марка. На фоне перламутрового неба скользили три вытянутых облака, напоминавших галеры. На прощанье Тавера сказал:

– Обе девочки остались с моей женой смотреть телевизор. Фильм показывают. Это может затянуться до полуночи.

Сказано было яснее ясного. Теперь уже Марк нисколько не сомневался, что старик подозревал о его связи с одной из девушек. А в той атмосфере, которой окружила себя мадам, подозрение Таверы могло навлечь настоящую беду, по сравнению с которой вся эта история с обедами на кухне покажется сущим пустяком.

13

Небо на западе нависло и стало похоже на тускло поблескивающий залив, где, словно гигантская медуза, плавало солнце. Люсьенн, работавшая в бельевой на швейной машинке, почувствовала приближение грозы. В этот час Марк обычно поднимался в мастерскую мадемуазель, хозяйка поместья занималась с мадам Поли проверкой счетов, а Жермена находилась совсем рядом, в соседней комнате. Свет померк, и Люсьенн включила лампу. От природы очень деятельная, она упрекала себя за медлительность, на которую обрекал ее теперешний образ жизни. Транзистор, стоявший на стуле, вещал о волнениях и конфликтах, сотрясавших мир, но ничто не могло отвлечь ее мысли от Марка. Она знала, насколько он к ней привязан и как сильно желает ее. «Я не готова к этому!» – сказала она ему, хотя чувствовала не меньшее влечение. Конечно, она не могла не испытывать радостного волнения от сознания того, что ее заветная мечта исполнилась, она ощущала разительную перемену в своей жизни, заставившую ее преобразиться и душой, и телом, однако владевшее ею с недавних пор чувство, несмотря на всю свою глубину,

ничуть не ослепляло ее. Неопытность нисколько не мешала ей распознать колебания Марка, и хотя она не ставила под сомнение его искренность, порой улавливала в нём какую-то нерешительность, особенно в моменты, когда начинала расспрашивать его о прошлой жизни. Он почему-то долго обдумывал ответы, боялся сказать лишнее слово, становился замкнутым. В такие минуты она предпочла бы услышать от него любое признание, сдержанность лишь пугала ее.

А Марк тем временем сгорал от нетерпения. Мадемуазель направила ему в лицо свет маленького прожектора, от которого болели глаза. По крыше барабанил дождь, да и мадемуазель во время работы не умолкала ни на минуту.

– Ну и силища у вас, мой милый! Известно ли вам, что Леонардо да Винчи один мог остановить раскачивающийся колокол? Что он мог согнуть железную подкову? Так вот, я уверена, что и вам это под силу.

Не собираясь разуверять ее, Марк хранил угрюмое молчание. Разглагольствования мадемуазель не интересовали его. К тому же она перескакивала с одного на другое без всякой видимой связи.

– А вы, Марк, верите в бессмертие души? Полагаю, что нет.

И дальше следовали бесконечные рассуждения о явлениях телепатии и ясновидения, причем ее ничуть не волновало, слушают ее или нет.

Освободившись от мадемуазель, Марк спустился к Люсьенн, удостоверившись по пути, что Тавера с женой находятся на кухне.

Повисшей у него на шее Люсьенн он сообщил, что встречаться им скоро будет гораздо труднее, так как работа мадемуазель подходит к концу. Он признался, что накануне не смог устоять перед соблазном увидеть ее и что прятаящийся под деревьями Тавера наверняка выследил его.

– Неужели этот блуждун способен рассказать обо всём мадам?

– Если он сделает это, мадам сразу же выгонит меня, – сказала Люсьенн. – Мало того, она наговорит обо мне бог знает что любому, кто захочет взять меня на службу и попробует навести у нее справки.

Судя по всему, сама она не верила до конца тому, что говорила.

– Ну, с тобой-то, мой дорогой, дело гораздо проще.

– Нет, – сказал Марк, – всё гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд.

– Почему?

Он вспомнил, что говорил ему судья о женском всепонимании и всепрощении, но судья принадлежал совсем к другому миру, к тому миру, где нет места страшным видениям, до того врезавшимся в память, что порой приходится желать собственной гибели. И всё-таки он поторопился сказать в каком-то яростном испуге, облегчавшем, видимо, его признание:

– Я работаю здесь не так, как другие.

– Не понимаю.

Когда он вернулся с военной службы, у него была возлюбленная, безвестная актриса, красивая, но тщеславная и очень самоуверенная, так вот она на каждом шагу оговаривала его или поучала: «Не понимаю, – возмущалась она, – как ты можешь читать такие книги?» (речь шла о детективах) или «Не понимаю, как ты можешь увлекаться таким варварским видом спорта?» (имелся в виду бокс). Однажды он не выдержал и выставил ее вон. Она убежала вне себя от бешенства. Почему-то в эту минуту

Марк вспомнил о ней. Люсьенн застыла в тревожном ожидании. В ее глазах он читал терзавшее ее мучительное нетерпение и так же торопливо произнес:

– Я нахожусь на попечении судьи или, если хочешь, под судебным надзором. Ясно?

– Что же такого ты сделал?

«Вот оно», – подумалось ему и страшно захотелось достать сигарету, не столько ради того, чтобы закурить, а просто для того, чтобы оттянуть время, подобрать нужные слова.

– Я убил человека, – сказал он, зябко поеживаясь, и, спрятав руки в карманы куртки, направился к окну, за которым колыхалась листва и сыпались брызги дождя.

– Если они отпустили тебя, значит, ты отбыл свое, заплатил сполна.

– Нет еще. Я вышел из тюрьмы, но они в любую минуту могут снова меня туда упрятать.

«Они» – это значило: огромная, безликая машина с необычайно сложным механизмом, бесчеловечная и, конечно, ненадежная, от которой полностью зависела их жизнь.

– Ты хочешь сказать, что тебя осудили условно?

– Да, на три года.

Может быть, следовало рассказать вдобавок об ужасе того времени, что он провел в заключении, о своих ночах, наполненных кошмарами, только где найти слова, чтобы описать всё это? Лучше уж молчать. Шум ливня нарастал, казалось, небо опрокинулось, низвергаясь на землю водопадом. Сквозь замутненные дождем стекла виднелись раскачивающиеся деревья, похожие на привязанные аэростаты, вот-вот готовые оторваться под натиском ветра.

Люсьенн несмело подошла к окну и встала с ним рядом.

– Должно быть, они поняли, что это несчастный случай. Это ведь случайность, правда?

– Да, верно, случайность.

Повторив вполголоса это слово, он вдруг обнаружил в нём что-то вроде насмешки.

– Я его никогда прежде не видел, – с горечью сказал он. – И ударил его один только раз. Я даже не был зол. – И совсем тихо добавил: – Настоящему...

В это мгновение он почувствовал себя совсем одиноким, словно Люсьенн и не было рядом. Обычно признания сближают людей, его же, наоборот, сделанное признание, казалось, отдалило от нее. Он даже не посмотрел на Люсьенн, нисколько не интересуясь тем, как она воспримет его слова.

– Судьи выносят приговор, но это ничто по сравнению с тем, что творится вот здесь, у тебя в голове, не давая покоя ни днем, ни ночью и делая тебя больным...

– Не надо больше говорить об этом, – сказала она. – Это пройдет, ты придешь в себя. Если хочешь, я помогу тебе. Я сделаю всё, что в моих силах.

Она стояла сзади, прижавшись к нему и положив щеку на его плечо, а он по-прежнему не отрывал глаз от окна, глядя на окружающий мир, исполненный яростным грозным ливнем, и не узнавая его.

Ему не было нужды оборачиваться. Он и без того знал, что она пла-

чет. Спинай он ощущал это молчаливое рыдание; толчки, от которых сотрясилось ее тело, сливались с биением его собственной крови, растворяясь в ее горячем потоке.

14

Он был недоволен тем, что признание его носило отрывочный и в какой-то мере искусственный характер. И от этого чувствовал себя еще более несчастным, обездоленным, сродни тем растениям, что, произрастая на каменистой почве, стелются по земле. В уединении своего домика он снова и снова мысленно возвращался к их разговору, обдумывая его, и ему вдруг открылось, что в его собственном сознании произошел перелом: оказалось, Люсьенн стала ему гораздо ближе. Случилось что-то такое сокровенное, заставившее их страдать вместе, отчего боль его немного отступила. Он вспомнил, как молча обернулся, как взял ее за руки и под яростные стоны разбушевавшейся стихии заглянул ей в глаза, удивленный и потрясенный и этим взглядом, и этими слезами, которые как бы заново учили его давно забытому языку, заставляя совсем по-иному взглянуть на жизнь.

Чуть позже он, как обычно, стал готовить себе ужин, и тут на дороге послышались чьи-то голоса, раздались крики, потом стук в дверь. На пороге в мокрой насквозь рубашке, прилипшей к телу, стоял парень, его ровесник. На ломаном французском языке он объяснил, что вместе с тремя товарищами-туристами, тоже немцами, едет в Бретань. Но с автомобилем что-то случилось. Они увидели свет и стали толкать машину, так вот и добрались сюда. Он спрашивал, не могут ли они все четверо остаться здесь до утра. У них есть две палатки. (Они, видно, приняли его за сторожа.)

– У меня нет никаких прав что-либо разрешать. Придется спросить управляющего.

– А где он?

– В самом конце дороги, первый дом за поворотом.

Парень совсем повесил нос,

– Ладно, – сказал Марк, – это и в самом деле глупо. Вы можете устроиться на втором этаже. Там все равно пусто.

Над полукругим светом, отбрасываемого на дорогу фонарем, Марк разглядел длинный кузов автомобиля, старенького «фольксвагена», который медленно подкатывал с траурным видом. Он подал знак, что можно въехать в ворота. Затем появились две девушки в джинсах и еще один парень, у всех троих волосы облепили щеки и лоб, одежда промокла до нитки.

Второй парень, с улыбкой протягивая руку, сказал, что его зовут Поль Хиндемит, как знаменитого музыканта. Марку это имя ничего не говорило, да и не всё ли равно, главное, чтобы эти молодые люди не навлекли на него беды. Познакомились: Лили (так звали младшую), Мария (возможно, ее сестра, похожа на нее: тот же рот, такой же точно нос); Хельмут – назвал себя тот парень, что постучал к Марку.

– Проходите, – сказал Марк. – Есть консервы и сидр. Можете развести огонь. Дров хватит. Располагайтесь.

Парни поблагодарили его по-французски, а девушки – по-немецки. Лили сказала, что он «милашка». Хельмут со смехом поправил ее –

«милый». Он вышел вместе с Марком, тот хотел поставить машину у самых ворот, за домиком, чтобы утром ее не могли увидеть из «замка». Потом ему захотелось узнать, в чём причина поломки.

– Предоставь это мне, – сказал он Хельмуту, – я уж как-нибудь разберусь. Ступай лучше переоденься.

Дождь поутих. Свет из двух боковых окон падал на старую колымагу. Он поднял капот: ничего серьезного, мотор залило водой.

– Добрый вечер, – послышался голос. Это был Тавера. В своем блестящем черном плаще он походил на тюленя. На голове у него торчала странного вида кожаная шляпа, тоже черная. Марк и на этот раз не слышал, как он подошел. Карабин висел наперевес, дулом вниз. Гроза уходила. Редкие капли всё еще стучали по крыше машины. От света, падавшего из ближайшего окна, лицо старика казалось совсем белым.

– Тебе кто разрешил впускать этих людей? – спросил он наконец ворчливым тоном. – Ты их знаешь?

– У них авария, и я...

– Ты что, собираешься превратить свой дом в молодежную гостиницу, а?

– Не стоит преувеличивать. Они всего лишь на одну ночь.

– А про надпись забыл? Это мадам велела ее повесить. И неспроста. Частные владения. Входить запрещено. Ворота-то я ведь сам закрывал.

– Уж не собираешься ли ты их выкинуть на улицу?

– А следовало бы. Я вот тут принес тебе письмо. Ждал, когда ты вернешься.

Письмо было от Фреда. Марк сунул его в карман куртки, а сам не сводил глаз со старика. Тот подошел к окну и заглянул в дом. Закрыв капот, Марк присоединился к нему. Четверо молодых людей уже развели в большой комнате огонь и развесили перед камином свое белье. Девушки были в шортах, с обнаженной грудью, так же, как и парни.

– Что это за ребята?

– Немецкие студенты.

– Бордель, – прошептал старик.

Он подошел к «фольксвагену» и с неодобрением стал изучать его.

– Немцы, – снова тихонько заговорил он. – Они были здесь в сороковом.

– Это не те, – резким тоном возразил Марк, – к тому же они попросили разрешения войти.

– Они пробыли в «замке» четыре года. Оккупировали его, представляешь?

– Ни эти ребята, ни я к сороковому году никакого отношения не имеем! В ту пору нашим матерям и десяти еще не было.

Старик пристально посмотрел на него.

– Ладно, ладно.

Марку захотелось стереть с этого лица насмешливую улыбку. Но он знал, что должен превозмочь свое раздражение, и ждал, засунув руки в карманы куртки. Старик внезапно заторопился и несколько метров пятился задом, не спуская глаз с Марка, словно и в самом деле угадав его желание ударить и опасаясь нападения сзади. Дождь совсем перестал. Луна в растерянности скользила меж облаков. Старик в черном блестящем плаще направился к «замку», но, дойдя до середины аллеи, еще раз обернулся.

Когда Марк вошел, молодые люди только начинали ужинать, усевшись по-турецки на одеялах, расстеленных перед камином, в котором метались высокие языки пламени. Марк сел рядом с Хельмутом, тот, протягивая ему тарелку, спросил, обнаружил ли он причину поломки.

– Пустяки, – коротко ответил Марк. – Утром видно будет.

Из головы у него не шел Тавера. Старик был предан мадам душой и телом, тем более что та, благодаря своим связям, сумела добиться для Таверы-младшего, такого же тупицы, как и его отец, места в административных службах телевидения. Если старик донесет, то полоумная мадам наверняка вышвырнет Марка вон, а тогда ничего хорошего не жди, и трудно сказать, как отнесется к этому судья Роллен. Но всё-таки он ни о чём не жалел. Присутствие молодых людей, их веселость и радостная доверчивость смиряли его тревогу, вселяя чувство уверенности и относительного покоя, зародившееся в его душе после разговора с Люсьенн. В крайнем случае, она уйдет вместе с ним, он в этом не сомневался. Более чем когда-либо он ощущал над собой власть Люсьенн, она заполняла все его помыслы, заставляя верить, что существует множество всяких возможностей так или иначе вновь приспособиться к жизни.

После ужина юные немцы запели хором народные песни. Кое-какие из них Хельмут сопровождал игрой на губной гармонике. Так продолжалось до самой полуночи. Парк сверкал в лунном свете, а фасад «замка» напоминал обрывистый берег, резко очерчивающий границы земли.

Оставшись у огня один, после того как новые знакомые поднялись на второй этаж, Марк вспомнил о письме Фреда, которое вручил ему старик. Свой отпуск Фред проводил вместе со старшим братом на берегу Атлантического океана, в палатке. Жюльен поспорил в закуской, дело дошло до драки. Самая настоящая потасовка в духе вестернов. Столики вокруг ходуном ходили. «Если бы ты был с нами, – писал Фред, – вот уж поселился бы. Хотя нет. Хорошо, что тебя не было, под конец явились полицейские, и нам пришлось показать документы».

15

Марк спозаранку разбудил своих гостей, как они того желали, и, пока они приводили себя в порядок, починил их мотор. На прощанье обменялись адресами. Девушки расцеловали его, а Лили непременно хотелось сказать по-французски, что он «милая». Хельмут подарил ему маленький альбом с рисунками Гёте.

Марк работал на ферме Жом, как вдруг его позвали к телефону: звонил Рагно. Марк приготовился выслушать поток упреков, но нет: из-за грозы, оказывается, сломался мотор в колодце, откуда вода подавалась в дом Рагно.

– Мне ехать сейчас же?

– Так точно.

И повесил трубку. Тон обычный. Ни малейшего намека на немецкую молодежь. Тавера ничего не сказал. По крайней мере, управляющему. В этот час мадам обычно вставала, вручая себя заботам горничной ну и, конечно, Люсьенн. Старик, возможно, дожидался подходящего момента, чтобы сообщить ей новость. Интересно, как это у него получится, ведь придется рассказать и о том, что девушки ходили с обнаженной грудью. У Люсьенн тоже красивая грудь и такие же розовые кончики. На улице ярко-

голубое небо. Земля мокрая, и от жары над ней поднимается пар, отчего деревья кажутся выцветшими.

Он позвонил, и сразу же на пороге появилась мадам Рагно, немного расплывшаяся, толстощекая женщина. Поверх блузки довольно низко висел крест. Взгляд суровый и, пожалуй, подозрительный.

– Представляете, как это удобно! Утром встали, а воды нет! Хорошо еще, что дети на каникулах, уехали отдыхать.

Сказано это было с некоторым запалом, словно на Марке лежала ответственность за причиненные неудобства.

– Сейчас посмотрю, в чём дело, – сказал он.

Пахло мокрой травой. Где-то поблизости, верно, за домом, кудахтали куры. Край колодца украшали горшки с геранью и фуксией. Марк поднял навес над мотором. Он догадывался, что женщина издалека наблюдает за ним. Вскоре она подошла и спросила звонким голосом:

– Это надолго?

– Нет, только вот провода придется заменить. Сгнили от сырости.

– Наверное, из-за грозы.

– Да нет, это случилось гораздо раньше.

– После того как вы закончите, могу я попросить вас об услуге?

– Конечно.

Кожа у нее была матовой, как у всех южанок, губы пухлые, красные. На вид ей было лет тридцать пять, не больше.

Она ушла к себе, и, когда он закончил, пришлось позвать ее, чтобы она проверила, как работает насос.

– Теперь всё в порядке, – сказала мадам Рагно.

Он спросил, не надо ли еще что-нибудь починить, оказалось, нет, речь шла совсем о другом. Она подошла к нему и повела на птичий двор.

– Послушайте, я не сумею убить кролика. Обычно этим занимается муж. Сама-то я городская.

– Я тоже.

– Понятно, но я... мне это... В общем, мне хотелось бы, чтобы это сделали вы.

Из клетки она вытащила за уши серого с белым кролика и протянула его Марку.

– Только не надо при мне, – сказала она. – Подождите.

Она убежала на глазах изумленного Марка. Пытаясь вырваться, кролик отчаянно дергался. Он резко ударил его по затылку ребром ладони. Один только раз. Затем вернулся в дом. В этот момент на повороте показался «лендровер» Рагно. Из него вышел он сам с неизменной ковбойской шляпой в руках и небольшой сигарой во рту. Марк вручил кролика его жене, и та, даже не поблагодарив, сказала:

– Уже? Можно подумать, что вы всю жизнь этим занимаетесь!

Услышав это, Рагно слегка усмехнулся, глядя на Марка с заговорщицким видом.

– Ну что, мотор работает? – спросил он.

– Да, провода пришлось заменить.

Женщина подтвердила, что вода пошла, и тогда Рагно сказал Марку, что он приехал из «замка» и у него к нему разговор. Марк тотчас подумал о Тавере. «Начинается!» Но не почувствовал ни горечи, ни беспокойства, настолько нервы его были взвинчены после недавних судорог зверька, которого ему пришлось убить. Он обвел взглядом ряды деревьев, лугови-

ну, деревенские крыши, весь этот пейзаж, на который солнце набросило нечто вроде сверкающей чешуйчатой сетки. Тут он заметил кота, прыгнувшего на колодезь. Усевшись преспокойно, кот глядел на Марка, и длинная тень его падала вниз, на цемент. Если Тавера всё рассказал, Рагно мог бы и заступиться за своего механика, умение и старание которого он, если верить судьбе Роллену, оценил по достоинству.

— Послушай, — начал управляющий. — Завтра вечером мадам собирается на какой-то прием, это недалеко от Руана. Повезет ее туда сестра, но до этого «рено» нужно привести в порядок. Замени масло, залей полный бак. А главное, проверь тормоза и рулевое управление.

— Еще что? — спросил Марк.

— Ну и, конечно, помоешь авто. Надрайишь так, чтобы блестело, как зеркало.

Он сел за руль «лендровера», развернулся, разбрызгивая грязь, и двинулся в сторону Монт-Арьеля. После пережитого волнения Марк несколько секунд не мог пошевелиться. Кот по-прежнему наблюдал за ним. Марк хотел его погладить, но стоило протянуть руку, как кот тут же скрылся в высокой траве.

16

Люсьенн собирала для дам белье. Небольшое путешествие (речь шла всего лишь о Руане) было целым событием, к нему готовилась вся прислуга, весь дом пришел в волнение. Мадам долго колебалась: «Это далеко!» — но там собирались крупные землевладельцы, и интересы дела требовали ее присутствия.

Люсьенн знала, что Марк приводит в порядок «рено», работая в гараже, расположенном внизу, в южном крыле «замка». Она дожидалась удобного случая, чтобы повидаться с ним. Всё еще находясь под впечатлением того, что он рассказал ей, она угадывала разрушительную силу преследовавшего его наваждения и знала, что он не может от этого избавиться. Когда-то похожий случай поразил ее воображение: один человек случайно убил на охоте своего друга. Напрасно близкие люди пытались убедить его, что это роковая случайность, не прошло и недели, как он повесился. Она понимала, что можно блуждать внутри себя, постоянно натываясь на руины. Продолжая работать, она всё время думала о Марке и в конце концов решила, что самое лучшее для него — покинуть «замок».

Она чувствовала, что сможет, если он, конечно, согласится, уехать вместе с ним, стать для него не только передышкой, отдохновением, а чем-то гораздо большим.

Обладая тонким чутьем и понимая всю трудность проникновения в душу даже самого дорогого существа, она тем не менее ощущала в себе силы вывести его из тупика, дать ему возможность увидеть другую, более светлую сторону жизни, во всяком случае, более ясную, и избавиться от терзавшей его тревоги.

Потом уже, улучив минуту и заглянув в гараж, она сообщила ему, что Жермена тоже уедет (мадам не могла обойтись без нее). И значит, в их распоряжении будет вечер да еще целая ночь. Оставался старик. Она соглашалась, что с недавнего времени Тавера, похоже, что-то чуял, беспрестанно кружа возле сушильни и бельевой. Однако до сих пор не было

ни малейшего повода подозревать, что он о чём-то говорил с мадам, даже после истории с туристами. И в самом деле, отношение мадам к Люсьенн и Марку ничуть не изменилось. Люсьенн была счастлива тем, что завтра вечером они будут наконец свободны и совсем одни. В ее устах слово «счастье» показалось Марку таким же сочным и пахучим, как апельсин.

Старательно вытерев руки прямо о спецовку, он обнял девушку и спросил ее, согласна ли она стать его женой. Ничего не ответив, она откинула назад голову и ласково погладила кончиками пальцев его лоб, а он тем временем ждал ответа, глядя ей прямо в лицо. Она поцеловала его, но без лишнего пыла, с какой-то внутренней сосредоточенностью, сознавая, что с этой минуты вступает на трудный и очень ответственный путь, который был уготован ей жизнью.

17

На другой день, вечером, под хмурым, готовым пролиться дождем небом, Клемантина, Рагно, Люсьенн и мадам Поли, затаенная в элегантный плащ, собрались на крыльце, чтобы проводить мадам в Руан. Тавера оставался дома, по словам жены, он подхватил простуду во время позавчерашнего обхода под сильным ливнем.

Опершись на руку Рагно, мадам, разукрашенная, как и полагалось в особо торжественных случаях, в забавной черно-желтой чалме со снисходительным достоинством спустилась по ступеням. Жермена, тоже в плаще, следовала за ней, раскрыв зонтик, дабы на мадам не упали капли начинавшегося дождя.

Мадемуазель уже сидела за рулем, на голове у нее красовался полотняный капюшон, плотно облегавший лицо. Жермена села рядом с ней, усадив сначала на заднее сиденье мадам. Перед тем как тронуться в путь, старая дама помахала своим слугам рукой. Взгляд ее, казалось, с особой настойчивостью задержался на Люсьенн, та сразу же разволновалась.

Эта мучнистая маска, эти подведенные черным глаза, эти розовые пятна на щеках невольно наводили на мысль об отточенной годами прощальности с примесью некоторой жестокости.

Как только автомобиль скрылся за воротами, растворившись в сумрачной влажной дымке, окутавшей луга, Клемантина пригласила мадам Поли и Рагно на ужин. Тот зашел навестить Таверу, которого мучил сильный насморк, и застал его в кресле перед телевизором. Люсьенн слышала, как Тавера объяснял управляющему, почему ему не нравятся некоторые лекарства, хотя с их помощью можно очень быстро избавиться от насморка. Во всех этих лекарствах, говорил он, содержится снотворное, а ему надо было «держаться ухо остро». В соседнем поместье дважды уже поджигали сараи с сеном. Мадам это сильно встревожило. Рагно сказал старику, чтобы он не волновался, что этой ночью он самолично будет дежурить вместо него.

– Возьмите мой карабин, – предложил Тавера.

Из кухни Люсьенн видела, как управляющий похлопал по карману своей куртки и сказал: «Не беспокойтесь, у меня есть всё, что нужно!» Затем мужчины стали обсуждать охотничье и военное оружие, сравнивая качество разных марок.

Еще не было семи часов, когда Клемантина пригласила всех к столу, ей хотелось успокоить мадам Поли, которой не терпелось сесть в машину, чтобы поскорее вернуться в Версаль. Хотя тут-то как раз и разошелся дождь, которого она так опасалась.

За ужином мадам Поли принялась рассказывать о Канаде, Рагно с Таверой очень понравились ее воспоминания о прежней жизни, о приемах, которые она устраивала, о тамошних слугах. Люсьенн внимала ей рассеянно, все ее помыслы были обращены к Марку, который всё еще не вернулся с фермы Жом, где к завтрашнему дню он должен был починить грузовик, предназначенный для сбора на фермах молока и его транспортировки в кооперацию.

Но вот пришло наконец время, когда мадам Поли (боже, до чего же эта женщина себя любила!) собралась уезжать; воспользовавшись этим, Люсьенн, несмотря на приглашение Клемантины остаться посмотреть телевизор, решила уйти к себе. Рагно же, напротив, с радостью согласился «пропустить рюмочку кальвадоса», чтобы затем отправиться с первым обходом к хлеву.

Дождь лил как из ведра, слышно было хлюпанье воды, стекавшей по водостокам. Люсьенн быстро пробежала к себе в комнату по коридорам, где гулко отдавались раскаты грома и, стихая, превращались в нескончаемый, долгий стон.

Ее освещенное окно послужит Марку сигналом, давая знать, что он без помех может войти к ней. Он пройдет через пустой гараж, ключ от которого остался у него. Она почувствовала себя такой счастливой, сердце ее переполняла любовь. Поправив прическу, она вдруг решила надеть другое платье, но тут раздался стук в дверь. Пришел Марк. Не успела она ответить, как дверь уже отворилась. На пороге, глупо ухмыляясь, стоял Рагно.

Люсьенн торопливо схватила лежавший на кровати рабочий халат и поспешно накинула его. Испуг ее, казалось, очень понравился управляющему. «Ничего, малышка, не бойся», – сказал он и стал медленно приближаться к ней, по-прежнему едва заметно усмехаясь. «Уходите! – со страхом сказала она. – Уходите сейчас же, или я закричу!» В голосе ее слышалась скорее мольба, чем гнев. «Дурочка! Милая дурочка! Кричи сколько угодно, всё равно никого нет!» От него противно пахло кальвадосом. «Если бы ты знала, как давно я искал такого случая!» – добавил он, подмигнув. Догадавшись, что она хочет проскользнуть к двери, он притворился, будто пропускает ее. Но как только она бросилась туда, он схватил ее за плечо и повернул лицом к себе. Она стала яростно отбиваться, надувая щеки, словно кошка, его это рассмешило и еще больше раззадорило.

Она не успела застегнуть свой халат. Он распахнул его и прошептал: «Я уже видел однажды эту красивую маленькую грудку, только мраморную!» Рывком ей удалось высвободиться, и она спряталась за кровать, жалобно причитая от ужаса. «В чём дело, моя красавица? Уж не хочешь ли ты уверить меня, будто ты нетронутая девственница? Зачем ломать комедию! Ничего плохого я не хочу!» Всё еще улыбаясь, он говорил ласковым голосом, не сомневаясь, что сумеет в конце концов успокоить ее, подчинить своей воле. Он и не такое видывал. Правда, эта девушка немного строптивая, но он всё равно добьется своего. «Уходите, – сказала она, – умоляю вас!» Этот просительный тон он счел добрым знаком,

стало быть, она готова сдаться. «У тебя красивые глаза, – говорил он всё так же ласково. – Зачем же плакать, моя милая?» С этими словами он осторожно стал продвигаться к ней, огибая кровать. На этот раз, зажатая в углу, она и в самом деле попала в ловушку, еще мгновение – и ей уже не убежать. Она рванулась, но он с поразительным проворством очутился возле нее, преградив ей путь и схватив за руки, она отчаянно трясла головой, упираясь всем телом. И в этот самый момент дверь распахнулась.

«Чего тебе здесь надо, дурак!» – сказал Рагно. Он отпустил Люсьенн. «Убирайся, да поживее! Однако как ты сюда попал?» Опьянения как не бывало. Улетучилось. Он понял. Взгляд его перебежал от Марка к Люсьенн. «Ах, вот оно что! Развлекаемся, стало быть, втихомолку!» Ярость душила его, и, конечно, в эту минуту он всё еще верил в свою власть над Марком, но тут вдруг с удивлением увидел, как парень решительно шагнул к нему с потемневшими внезапно глазами. «Стой!» – приказал он. Не тут-то было. Рагно отступил. «Я не знал, что у тебя шашни с этой девчонкой! Боже мой, это меняет дело!» Он снова отступил к самому окну, чувствуя за спиной яростное кипение дождя. Комнату заливал яркий свет, Люсьенн рыдала, закрыв лицо руками, и зеркало шкафа, к которому она прислонилась, посылало ей горестное отражение. Рагно хотел объяснить, пойти на мировую. Но ему не удалось увернуться от удара, «прямого удара» опытного боксера. Он пошатнулся и, несмотря на разбитую щеку, попробовал всё-таки пробраться к выходу. Следующий удар раскроил ему губы, отчего рот наполнился кровью. Перемахнув через кровать, он бросился в другую сторону, присутствие Люсьенн смущало его, а главное, его охватила паника при мысли, что этот верзила однажды уже убил человека своими железными кулачищами. «Перестань, – задыхаясь, произнес он. – Давай лучше поговорим!» Марк пошел в обход кровати. Самое страшное было то, что за всё время он не вымолвил ни слова, не ругался, не угрожал, зато в глазах горел жестокий огонь, отражавший желание крушить и уничтожать. Расстояние между ними становилось всё меньше.

Управляющий сунул руку в карман. «Стой!» Увидев револьвер, Марк даже не дрогнул. «Я ничего ей не сделал!» – в отчаянии крикнул Рагно. Марк был от него всего в двух метрах, слегка наклонив корпус, он, казалось, собирался развернуться, чтобы точнее нанести удар. Прижатый к стене, Рагно выстрелил, услышав прозвучавший будто эхо скорбный крик Люсьенн. Какое-то мгновение Марк раскачивался из стороны в сторону, словно под порывами сильного ветра. Хотя на самом деле ветер был не такой уж сильный.

А между тем Марк чувствовал, как он неудержимо клонит его к земле, как уносит в своем неодолимом вихре куда-то очень далеко, далеко от Люсьенн, от этой комнаты, от этого света...

БЕССМЕРТНЫЕ ДЖИНСЫ

Что такое джинсы? Рабочая одежда или неумолкающий крик моды? Признак легкомыслия или символ Америки (для многих это означает то же самое, что и «символ свободы»)? Надев эти ничем принципиально не отличающиеся от других штаны, человечество не снимает их вот уже полтора века.

Ежегодно выпускается более миллиарда пар джинсов, причем количество всевозможных подделок не поддается никакому учету.

«Levi's», «Wrangler», «Lee» – каждому известны эти «лейблы», овеянные всевозможными легендами. В семидесятые годы появился символический рекламный плакат. «Сикстинская капелла» Микеланджело, преобразованная фотомонтажем, изображает «историческую» сцену: Создатель передает нагому еще Адаму пару 501-х «Levi's». «Вначале сотворил Бог... джинсы!» Не исключено, что когда-нибудь доверчивые потребители поверят и в эту легенду...

Ведь ни у кого не вызывает сомнения надпись на лейбле всех «Levi's»: «Since 1850». А между тем есть документальное подтверждение того факта, что приехавший из Германии в Америку Леви Штраусс, праотец знаменитых штанишек (впоследствии его стали называть на американский манер Страусс), ступил на обетованную джинсовую землю лишь три года спустя.

История триумфа Леви Страусса началась по другую сторону океана, в Баварии, где он родился в 1829 году в большой (семеро детей) семье виртуозного портного Гирша Штраусса. Юный Лейб, самый младший в семье, решил попытаться счастья за океаном, как только слухи о невероятных возможностях, которые открывает Америка, дошли до их маленького городка Буттенхайма. Чтобы путешествовать с пользой, Леви прихватил с собой на корабль понемногу разной мелочи и рулон парусины. Свои коммерческие способности он испытал прямо на пароходе. Успех превзошел ожидания: всё было скуплено по приличной цене. Все, кроме холста. Сойдя на берег, Леви узнал, что в Сан-Франциско цены на все его товары были ровно в четыре раза выше. Юный предприниматель недолго грустил: оставался ведь еще холст! В первые же дни Леви отправился в лагерь калифорнийских золотоискателей. Парусину можно было успешно сбывать на тенты для палаток, но гораздо большим спросом там пользовалась качественная и удобная одежда. Через несколько дней он предложил старателям штаны из того самого холста. Говорят, спроектировал и сшил их он сам. Это были прочные брюки, швы которых были усилены двойной строчкой, со множеством карма-

нов. К тому же их можно было легко стирать в полевых условиях. Так родились первые джинсы, которые стоили 1 доллар 46 центов. Первая промышленная партия, выпущенная в начале 1850-х годах, разошлась мгновенно, и короткое время спустя находчивый предприниматель организовал в Сан-Франциско фирму «Levi Strauss & Co» по пошиву рабочей одежды, которая патентовала практически все свои продукты.

Рабочий народ быстро оценил прочность и практичность новых брюк. Освоив этот сегмент рынка, Леви начал борьбу и за эстетику – вскоре после запуска производства компания перешла от серой ткани на привлекательный и прочный синий материал, названный «деним», то есть «из Нима», французского города, где Леви Страусс подыскал поставщика.

Время шло, Леви превращался в акулу бизнеса. Когда его компания отметила двадцатитрехлетие, он получил письмо от портного из Невады Джейкоба Дэвиса, уроженца Риги, который покупал у

Страусса ткань. Дэвис сообщал, что его клиенты жалуются на бы- стрый износ ткани в углах карма- нов брюк. Устав от бесконечной штопки, Дэвис вбил металличе- ские заклепки на «слабые» места рабочих штанов. Потом он начал ставить их и на новые штаны. Жалобы клиентов прекратились. Дэвис, испытывая финансовые затруднения, обратился к Леви по поводу оформления патента на это изобретение. Леви мгновенно уловил суть дела, но, уже будучи серьезным коммерсантом, лю- безно ответил, что вряд ли за- клепки ему лично принесут какую- то выгоду. И за бесценок купил эту идею у бедного портного, тем не менее пригласив его в партне- ры. 20 мая 1873 года фирма «Ли- вай Стросс энд компани» получи- ла лицензию на единоличное право производства брюк с за- клепками на карманах. Вот эта дата и считается официальным днем рождения джинсов. Заклеп- ки стали тем последним штрихом, который завершил образ джинсов фирмы «Levi's».

Модель 501 возникла почти сразу, но номер ей был присвоен в 1890 году, когда успех предпри- ятия превзошел все ожидания. Моделей было столько, что про- изводство пора было упорядо- чить. Страусс предложил партне- ру их пронумеровать. На этот счет существует своя легенда, которую поведают всякому, кто доберется до музея «Levi's & Co» в Сан-Франциско. «Да у этих мо- делей, наверно, штук пятьсот придумал!» – заявил Дэвис. «То- гда эта будет пятьсот первой», – ответил Страусс.

В 1886 году на джинсах «Levi's» появляется знаменитый кожаный лейбл с двумя лошадь- ми, безуспешно пытающимися разорвать брюки. Картинка изо-

бражала реальный эксперимент, проведенный в Америке после сообщения машиниста паровоза, который использовал пару джин- сов вместо порвавшейся сцепки вагонов и благополучно довел состав до станции.

Хотя официально датой рож- дения первой джинсовой куртки «Levi's» 506 считается 1910 год, есть все основания полагать, что она существовала и раньше. Кол- лекционеры называют эту модель «Type 1», причем самой ценной считается куртка с ремешком, пришитым сзади на поясе и засте- гивавшемся на металлическую пряжку. Следующую знаменитую джинсовую куртку выпустил в 1932 году Генри Дэвид Ли – она впоследствии была названа «The Rider». Несколько лет назад на одном из аукционов за сорок ты- сяч долларов был продан один экземпляр такой куртки, с ремеш- ками на поясе, словами «Union Made» на пуговицах и «Lee» на кармане.

Брэнд «Levi's» практически не знал конкуренции до середины XX века. Но, как известно, на привле- кательном рынке не может быть одного игрока. Конкуренция и борьба брэндов обостряется с каждым годом. Небольшая фирма из Филадельфии «Wrangler» су- мела добиться успеха, сделав ставку на сельскую Америку. К тому же ковбои и фермеры счи- тали «Levi's» слишком «город- ской» маркой. Впервые «Wrang- ler» засветился в ковбойских фильмах и сразу стал бальвнем Голливуда. Ковбои изживали се- бя как реальный класс, а ков- бойская эстетика, наоборот, всё больше завоевывала признание городской аудитории. Практиче- ски все крупные торговые марки перешли на «ковбойскую» тему. К шестидесятым между джинсовы-

ми марками «Lee», «Wrangler» и «Соорег» разразилась настоящая война не за аудиторию как таковую, а за то, кто перетянет на себя дух «настоящей» Америки.

Европейцы заинтересовались джинсами, этими рабочими брюками, которые носили старатели, пастухи и фермеры, лишь через полвека. Туристические поездки в Америку, ставшие популярными в двадцатые годы прошлого столетия, дали европейцам возможность своими глазами увидеть жизнь на Диком Западе. Каждый турист считал своим долгом привезти домой пару джинсов. Они стали обязательным «сувениром», и словно сама судьба превращала их из повседневной одежды в крик моды.

За несколько долларов можно приобрести кусочек Америки, кусочек мечты о лучших временах, о свободе и богатстве – так рекламировал свою продукцию концерн «Levi Strauss» в середине тридцатых годов. Горожанин, надевавший джинсы, начинал ощущать себя похожим на легендарного первопроходца или на непобедимого героя из ковбойских фильмов. Так в общем-то обычные штаны превратились в предмет культа.

С той поры компания «Levi Strauss» продала во всём мире около четырёх миллиардов пар своих знаменитых изделий. А мэр Сан-Франциско Вилли Браун объявил 5 мая Днём Леви Страусса.

Ау нас в 1926-м был нэп. Приезжали иностранные специалисты – и не в одних костюмах со шляпами они ходили, ведь ездили же они на природу, и наверняка у каждого в чемодане лежало по паре джинсов. Но советских людей тогда волновали другие вещи. Известно, что в Европу джин-

сы привезли американские солдаты, и в сороковых годах XX века в Германии появились первые европейские джинсы «Mustang». А у нас тогда ничего такого не появилось, и когда в 1957 году столицу СССР наводнили гости фестиваля молодёжи и студентов, юные москвичи были потрясены потертостью своих ровесников-иностранцев. Тогда-то и распространился в Союзе новый промысел – фарцовка.

Те, кому сегодня нет и тридцати, едва ли поймут своих родителей, с нежным блеском в глазах вспоминающих о первых своих джинсах, стоивших в начале восьмидесятих годов прошлого века от трех до пяти стипендий среднестатистического советского студента. Торговля джинсами была в то время делом хоть и нелегальным, но обычным. Первые же, начала шестидесятих, советские фарцовщики рисковали не только деньгами и свободой, но и жизнью. Сегодня самое время вспомнить о показательном суде над Рокотовым и Файнбергом, приговоренным за валютные спекуляции (это была «расстрельная» статья) к исключительной мере наказания. В обвинительном заключении одним из пунктов обвинения шла торговля джинсами, которые по определению были товаром валютным. Приговор незамедлительно привели в исполнение.

Купить синие джинсы «Левис» с застёжкой на пуговицах (они же «болты») советский студент в принципе мог. Нужно было только знать, где именно. И – желательно – почем. Потому что позволить себе «мечту поэта» за номером 501 мог далеко не каждый. А продавалась мечта, насколько известно, в двух местах.

Первое место – закрытые для

99,9% процента населения магазинов для моряков торгового флота, получавших часть зарплаты в так называемых «бонах», они же «чеки», они же «инвалютные рубли». Стоил такой рубль 10 или больше обычных рублей, купить его можно было в Москве и крупных портовых городах, где, собственно, спецмагазины и находились. Таким образом, продававшиеся в них по «госцене» (25 инвалютных рублей) «Levi's» теоретически можно было приобрести за 250 простых советских казначейских билетов.

Месячная зарплата среднего инженера составляла в то время 120 рублей.

Второе место – барахолка. Там джинсы стоили раза в два меньше. Это преимущество, однако, оборачивалось определенными недостатками, как то: невозможностью примерить вожде ленное изделие на месте и отсутствием гарантии его «фирменности».

Имелись, например, случаи, когда у приобретенных на рынке «Levi's» через сутки отваливались не только пресловутые «болты», но и вожде ленные лейблы, а также когда принесенная домой и извлеченная из упаковочного целлофана мечта оказывалась на поверку одной аккуратно сложенной штаниной.

Так или иначе, икону богатой и практически недоступной заграничной жизни приобрести всё же можно было, но желания и реальные возможности совпадали не всегда. И носил негордый советский студент индийские «Milton's» или вовсе отечественные «Тверь» в надежде когда-нибудь – когда-нибудь! – выбиться в люди и занять настоящие американские «левиса». Вот только придет время, дайте только срок...

Время пришло. Со свободой, демократизацией и капитализацией на территорию бывшего СССР хлынули жвачка «Wrigley's», сигареты «Marlboro», фото пленка «Kodak» и, конечно, джинсы «Levi's».

И оказалось, что номер у них бывает не только 501-й, что стоят они хоть и не две зарплаты инженера, но всё же вполне прилично, и что шьются они всё больше в Бельгии или вовсе даже в Венгрии... А где же настоящая-то Калифорния? Где вестерн, где ковбой в остроносых ботинках? Пусть без шпор, но чтобы в «левисах»! Для того чтобы сохранить привычную цену, американцам пришлось перевести производство туда, где и рабочий получает меньше, чем в Калифорнии, и пенсия ниже, и обслуживание обслуживания дешевле.

«Levi's» после второй мировой войны попал в Европу. Он стремился стать международным, и мировой успех его связан с триумфальным шествием американского образа жизни по всему миру. В семидесятых годах джинсы стали излюбленной одеждой хиппи, которые обычно украшали их вышивками, цепочками, колокольчиками и прочими безделушками. В 1973 году «Ливай Страусс» устроила даже конкурс на лучшее украшение одежды из денима, в котором приняли участие две тысячи юношей и девушек из США, Канады и с Багамских островов. Некоторые из представленных там моделей были позже закуплены компанией для ее музея.

Однако годы шли. «Levi's» пришлось нелегко, когда джинсами заинтересовался модный бизнес. Десятки модельеров и фирм, вроде «Calvin Klein», «Diesel», «Gap», «Guess», «Mustang», «Polo», «Tommy Hilfinger», «Zara»

буквально ворвались на рынок с джинсой, которая позиционировалась просто как модная вещь. Стало стильным иметь много разных джинсов в гардеробе, а не затаскивать одни и те же. Кроме того, исторически так сложилось, что «Levi's» упустили женскую аудиторию, а сегодня 60-70% джинсов покупается именно дамами. Результат: в 1990 году почти половина джинсов, купленных американцами старше шестнадцати лет, были «Levi's», а в 1996-м – только четверть. Исследования показали, что снижение произошло за счет потери нового поколения: если в 1990-м «ливайсы» считали «крутыми» 21% тинейджеров, то через шесть лет – только 7%. К тому же в дело включились маленькие, но юркие конкуренты. Моду на джинсы теперь благословляли ведущие мировые модельеры и дизайнеры, за которыми стоят мощная швейная индустрия и глубокое изучение настроений рынка. Оттеснив джинсовых гигантов, инициативу прочно перехватили появившиеся в 1990-х годах сравнительно небольшие фирмы «Gap», «Calvin Klein», «Arizona» и другие, имеющие сети собственных магазинов. Фирмы держат связь с покупателями через свои страницы в Интернете, проводят опросы подростков на улицах. Тинейджеры хотят аппликацию на самом интересном месте? Пожалуйста! Вышивку стразами? Получите! Хотите с дырками по всей длине штанов? Нет проблем!

Дизайнеры с мировым именем начали создавать собственные линии джинсовой одежды. Появились новые технологии: джинсы стирали с пемзой, мочили в кислоте, отбеливали и даже расстреливали из дробовика, что бы получились особенные дырочки.

Но настоящий джинсовый бум начался в мире с появлением новых, нетрадиционных цветов и оттенков – прежде всего черного. Это стало возможным благодаря появлению новых технологий «overdye» и «stonewash», придуманных японцами в восьмидесятых годах. Появившись полтора века назад, джинсы сегодня завоевали весь мир, став частью высокой моды и предметом роскоши. На Интернет-аукционе одежды знаменитостей джинсы певицы Мэрайи Кери с автографом пошли с молотка за 3030 долларов, лот от другой певицы, Фэйт Хилл, оценили в 1510 долларов. А владельцем джинсов знаменитой Мэрилин Монро стала Бритни Спирс. Этот подарок стоимостью семьдесят пять тысяч долларов сделал ей известный дизайнер Томми Холфигер. О создании самых дорогих джинсов объявила компания «Levi's». Восемьдесят пять тысяч долларов – стоимость этого уникального экземпляра, украшенного золотом, бриллиантами и рубинами.

Сейчас в моду вошли также цветные джинсы, или же джинсы с цветными рисунками. Европейские магазины, торгующие джинсами, в буквальном смысле слова сияют всеми цветами радуги. Веселые, бойкие, лихие, вызывающие цвета и рисунки составляют серьезную конкуренцию традиционному и некогда единственному синему цвету. Змеи и скорпионы, супермены и длинноволосые красавицы, драконы и статуя Свободы – чего только не увидишь теперь на джинсах и джинсовых куртках! Интересно, как будут выглядеть бессмертные штаны лет через сто?

**Подготовил
Сергей ЧАЙКИН**

НОВОСТИ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА, или ВО ЧТО БЫ НАМ СЫГРАТЬ?

САНИТАРЫ ПОДЗЕМЕЛИЙ 2. ОХОТА ЗА ЧЕРНЫМ КВАДРАТОМ

Требования к оборудованию:

Windows XP/Vista

Процессор Intel Pentium IV 3 ГГц
(рекомендуется – Intel Core 2 Duo
или AMD Athlon 64 X2)

Оперативная память 1 Гб и больше
Свободное пространство на диске
3,5 Гб

DirectX 9.0c

Видеокарта NVIDIA GeForce
6600/ATI Radeon X800 (рекомен-
дуется – NVIDIA GeForce 8800/ATI
Radeon HD 2600PRO)

Звуковая карта, совместимая с
DirectX 9 (рекомендуется – SB
Audigy2)

Не гарантируется работа на инте-
грированных видеоадаптерах и на
ноутбуках.

Подумать только – время-то как бежит! Казалось, совсем недавно («МЫ» № 7 за 2007 год) рассказывали мы о новой – тогда – игре «Санитары подземелий», которая вызвала большой интерес геймеров, о том, кто такой ст. о/у Гоблин – пожалуй, можно сказать, главный автор игры (она создана по его книге «Санитары подземелий», ныне уже являющейся библиографической редкостью). И вот пришла пора написать о второй части этого замечательного продукта отечественного игрового строения – игре «Санитары подземелий 2. Охота за черным квадратом», вышедшей в конце прошлого года. Думается, не стоит еще раз подробно рассказывать о том, кто таков главный автор-идеолог игры – Дмитрий Юрьевич Пучков, гораздо более известный под именем Гоблин, человек в высшей степени популярный. А вот предысторию обеих частей «Санитаров...», пожалуй, следует напомнить, чтобы новым игрокам всё стало ясно, куда они в игре пойдут и что будут делать.

Итак, мы снова с вами оказываемся в двадцать пятом веке, когда человечеством была открыта некая планетка, которую люди хотели приспособить для добычи полезных ископаемых. Но космическая катастрофа оборвала все эти экономически полезные начинания... И тогда было решено пе-

редать это не виноватое ни в чём небесное тело в службу с замечательным, многоговорящим названием ТУПИК – Третье управление Пенитенциарно-изоляционных колоний. То есть планета превратилась в тюрьму, куда стали ссылать тех, кто совершил тяжкие преступления, но не дотянул до расстрела. Как говорится, «с глаз долой – из сердца вон». Над планетой подвесили специальный спутник, который должен отслеживать всё, чем занимаются сосланные. Ну и, конечно, были завербованы агенты-информаторы, действиями которых руководил резидент Черныш.

Вот эти самые агенты и донесли, что заключенные решили всё же покинуть это малогостеприимное небесное тело и втихаря стали строить для побега космический аппарат. Но вот где и как – оставалось загадкой. И тогда было решено послать на Матрос-

скую Тишину – так по старой доброй традиции назвали планету – разведывательно-диверсионную группу «Упырь», которой и предстояло, что называется, «прояснить ситуацию». Группа состояла из четырех человек (в нее входил курсант Кабан, за которого вы играли в первой части «Санитаров...»), а возглавлял ее сержант Хартман. Из-за неудачной посадки вся группа рассеялась по Матросской Тишине. Как помнят, наверное, игроки, четырем курсантам удалось встретиться и собраться вместе, а вот Хартман... Хартман исчез. Но не совсем. Он воплотился в главного героя второй части «Санитаров подземелий», и именно вместе с ним вы будете охотиться за «черным квадратом».

Как и в прошлой части, вы сами сможете создать внешность своему герою, дипломированному специалисту по рукопашному бою

и применению холодного и имперского оружия, отличнику боевой и политической подготовки – так его характеризуют создатели игры. Как вы понимаете, такой человек просто не имеет права пропасть без вести! Так оно и случилось. Хартман, будучи наиболее опытным и сильным бойцом группы, после высадки сумел избежать пленения и убежал от преследователей. Он некоторое время прятался в лесу, питаясь подножным кормом, затем предпринял попытку вернуться к посадочной капсуле. Выяснилось, что в капсуле давным-давно никого нет, а саму капсулу распиливают на запчасти примитивными инструментами странные люди в форме, похожей на полицейскую. Несмотря на все навыки Хартмана, люди заметили его и решили взять в плен. Снова завязалась погоня, и на сей раз Хартмана вы-

гнали из леса на открытую местность, в степь – чтобы у него было меньше шансов спрятаться. На границе леса и степи на пути Хартмана попалось нескольких неприметных серых кочек. Хартман промчался бы мимо, не обратив на них никакого внимания, однако когда он приблизился на несколько шагов, из кочек взметнулись головы на тонких шеях, но с огромными клювами, и дружно плюнули в сержанта какой-то инопланетной гадостью. Лицо и руки в местах, на которые попала жидкость, сразу онемели. За несколько минут чувствительности лишилась почти половина туловища, а затем и нижние конечности. Ещё через некоторое время Хартман потерял сознание и был схвачен.

Вместе с вашим героем вы попадете в поселение полицейских, руководитель которых оказался

старым знакомцем сержанта. Вот отсюда и начнутся ваши приключения на пространствах Матросской Тишины.

Прежде всего хотелось бы отметить изумительную графику игры. Нестройные ряды отдающих «советчиной» домиков, тонкий дымок из труб, тление самокруток в руках прогуливающейся охраны, грязные овчарки, мусорные кучи и нужники, присыпанные утренним снежком... Красиво, что и говорить. Вторые «Санитары...» не утратили своей фирменной атмосферы, за которую так хвалили первую часть. В то время, когда космические корабли бороздят просторы Вселенной, криминальные элементы по старинке живут по понятиям и определяют друг друга по цвету масти. Таковы и полицейские – тоже, конечно, бывшие зэки.

И еще: сравнивая обе части игры, хотелось бы отметить, что

вторая часть гораздо более нелинейна, чем первая. Вам предоставляется право решать, что ваш герой будет делать в той или иной ситуации. Причем с этой нелинейностью мы столкнемся в самом начале игры – когда нам предстоит выбрать основной или альтернативный режим. В основном играть проще – Хартман с самого начала является непробиваемым танком, которому напарники нужны лишь в зависимости от ситуации. В альтернативном режиме начало игры дастся вам намного сложнее – зато и игра будет куда интереснее.

Та же многовариантность встретит вас и в других ситуациях, которые будет переживать ваш герой. К примеру, у героя есть три варианта покинуть лагерь полицейских. Мы можем помочь одному из двух ключевых персонажей (которые в перспективе присоединятся к нам). Это не пу-

стая формальность: выбор одного автоматически ведет к публичному расстрелу другого. Более того, это выбор идеологический: в одном случае нам придется в буквальном смысле сжечь всё живое, в другом – уйти тихо, почти по-английски. Есть и третий вариант: решив убежать вместе с арийцем по имени Фриц, Хартман в рамках подготовки к побегу должен пройти через испытание застольем. Если он закусывает, но говорит что-то неправильное – его ждет преждевременная гибель, если говорит правильно, но не закусывает, – напьется до беспмятства, угробит Фрица и вынужден будет выбираться из заключения в одиночку. Никто не будет тянуть вас за руку по центральной сюжетной линии, наоборот, всегда есть возможность отвлечься на выполнение побочных квестов. А их качество и количество в сиквеле выросло, как и было обещано создателями игры. Церкви, больницы, бары, рестораны, управы, пристани, рынки, помойки, бордели и даже один боксерский ринг – всё это богатый источник новых проблем, опыта и денег.

Про квесты разговор особый. Некоторые задания просто невозможно выполнить (ну, к примеру, когда нам поручат выгребать из сортира его содержимое). А знакомые по первой части персонажи будут нам выдавать задания одно оригинальнее другого: зачистить район от чернокожих зомби, возобновить поставки эксклюзивного мяса от бомжей, расквашать маньяка, отрезающего жертвам уши, или испытать огнеметный танк. Очередность их выполнения, как и перемещения главного героя по территории планеты, ничем не ограничены – делай что хочешь и в каком угодно порядке, прыгай из одного го-

рода в другой, когда заблагорассудится. Во время таких походов есть риск наткнуться на бандитов или стаю зверей, но можно и самому примерить шкуру разбойника, раздевая догола случайных путников.

Думаю, игроку будет интересно окунуться в специфический мир Матросской Тишины, столь любовно созданный Гоблином и его соавторами. Публика на планете собралась разношерстная: бывшие военные, священники, шаманы, обыкновенные проходимцы и даже арийцы. Каждый персонаж – колоритная личность со своим характером, каждый диалог – увлекательное чтение. В процессе разговора никто не кланяется и не говорит через слово «спасибо», но в тоже время речь избавлена от ненормативной лексики, а шутки ниже пояса – по минимуму. Незабываемые реплики Хартмана и устраиваемые им словесные перепалки с туповатым населением нередко вызывают приступы здорового смеха. Правда, привередливые пользователи сетуют на обилие фекальной и гомосексуальной лексики в игре – но какой еще она могла бы быть, учитывая специфику того замечательного местечка, куда отправили нас создатели игры?

Конечно, какие бы решения мы ни принимали за нашего героя – если всё будет благополучно, мы закончим игру в звании старшего сержанта. Достойная награда. Но, мне кажется, тогда будет еще интереснее запустить игру еще разок – и попробовать действовать другими путями. Несколько приятных часов в компании крутого парня с каменной башкой и широкими плечами игроку обеспечены.

М.Р.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

И всё же, как ни крути, нет ничего смешнее, чем сама жизнь. Такие она дарит сюжеты, что писателям вовек не выдумать. Вот и задумаешься: а может, когда-нибудь все юмористические рассказы были случаями из жизни? Познакомьтесь, уважаемые читатели, с рассказами людей об увиденном-услышанном. Может быть, вы и сами станете писать смешные рассказы.

«Я – МИШИНА БАБУШКА...»

*

Экзамен. Из аудитории выходит студент.

– Ну как, Валер, сдал?

– Конечно! *(Улыбка до ушей.)*

Всеобщий вздох:

– Везет! *(Из группы сдали экзамен процентов десять.)*

Валера:

– Быстрее, быстрее в скверик! Душа сейчас сгорит!

Бегут в скверик в популярную местную кафешку. После двух стаканов сухого:

– Валер, а на что хоть сдал?

– Как на что? На «два», конечно!

*

Пятница. Поздний вечер. Станция московского метро. На лавочке сидят два приятеля, оба абсолютно пьяные... Один с трудом листает какой-то журнал. Потом поднимает голову и обращается к приятелю:

– Колян, ты кто по гороскопу?

– Я? Э тот, ну как его... Во, Телец!

– О, и я Телец! Нам сегодня по гороскопу написано небольшое приключение...

– Да врет твой гороскоп!

Тут из-за колонны выходит сержант милиции - с улыбкой до ушей:

– Нет, граждане, не врет...

*

Дед и внук идут по базару. Вдруг дед хватается за живот.

– Деда, что с тобой? Тебе плохо?

– Нет, всё нормально.

А сам еще пуще за живот хватается.

– Дед, может, у тебя язва разыгралась?

– Нет, ничё страшного, всё нормально.

Внук забирает у него сумки. Идут дальше. Дед опять держится за живот.

– Дед, тут недалеко больница. Давай зайдем, пусть доктора глянут, чего там.

– Не надо никаких дохторов. Здоров я.

А у самого как-то нехорошо цвет лица стал меняться.

– Ну всё, дед, ты сиди, я а щас «скорую» вызову. Не хватало, чтобы ты у меня на руках помер.

– Не дожdessenя! У меня просто резинка на трусах лопнула!

Маршрутка. Внезапно откуда-то раздаётся козлиное бляенье: «Бе-е-е». Народ начинает оглядываться – не везет ли кто козу? Звук повторяется. Потом еще раз. Люди врубаются, что это у кого-то звонит сотовый. Одна девушка начинает копаться в сумке. «Бе-е-е» повторяется еще раз пять.

Наконец девушка находит мобильник и отвечает:

– Да, зайка?

Останавливают одного вдрызг пьяного водителя на посту ГАИ. Он не то что ходить – ползать не может. Вылезает и с грохотом падает на капот своей машины. Гаишники, готовясь отобрать права, подходят к нему. Мужик, пытаясь встать, начинает оправдываться:

– Не поверите, мужики, укачало!

Родственники с Камчатки решили передать в Москву посылку, благо их соседка Ирина летела туда. Миша звонит бабушке в Москву, просит встретить Ирину в аэропорту и забрать посылку. Описал бабушке Ирину и Ирине – бабушку. Далее от лица Ирины:

– Прилетаю, выхожу и ищу глазами описанную Мишей бабулю. Во всей толпе никакой мало-мальски похожей личности не обнаруживаю. Но обращаю внимание, что в зале прилета люди стоят, давятся от смеха. Пытаюсь понять причину. И вижу: стоит парень лет 27, ростом 2 метра, весом где-то 130 кило, и держит табличку: «Ира! Я Мишина бабушка!»

Внучек решил бабуле помочь...

*

В старые времена, чтобы попасть в альпинистский лагерь, нужно было принести справку от врача. Один парень получил справку от знакомого лекаря после совместного распивания казенного спирта. Справку украшало множество печатей и штампов, самый большой из которых гласил: «Микроостатков аборта не обнаружено».

*

Телефонный звонок.

– Алло!

– Товарищ полковник! Разрешите доложить... бла... бла... бла...

– Вы не туда попали. Ошиблись номером.

– Извините, товарищ полковник.

*

Кошка влезла на дерево и громко мяукает, не может слезть. Хозяин стоит снизу и просит:

– Мурка, слезай, кис-кис...

Потом его терпение кончается, и он в сердцах кричит:

– Ну тогда не ори! Вей гнездо, ложись спать!

*

Перед выборами. Вывеска на учреждении: «Областная психиатрическая больница. Избирательный участок № 597».

*

У работников отдела судебной экспертизы кто-то из знакомых взял на день цифровой фотоаппарат – поснимать день рождения ребенка. И установил в нём соответствующую рамочку. А эксперты не знали, как ее убрать. И в уголовных делах какое-то время фигурировали изображения трупов в разных ракурсах в обрамлении разноцветных воздушных шариков и с надписью: «Happy Birthday!»

*

Институт, на стене громадный плакат: «Уважаемые студенты, рекомендуем отмечать сессию после сдачи экзаменов, а не до этого. Деканат».

*

Жена у меня красивая, но вредная. Поругался тут вчера с женой, повод найти нетрудно. Утром, не помирившись, ушел на сутки на службу. Прихожу вечером домой – жена на работе. Дома убрано. Про ссору как-то забыл. Прихожу на кухню – на плите стоит большая сковородка. Привычным жестом снимаю крышку – посмотреть.

В пустой сковородке лежит лист бумаги, на котором крупно написано: «Что, сволочь, проголодался?..»

*

Приехавшая в Нью-Йорк немка зашла в кафе поесть и взяла тарелку супа, а ложку взять забыла. Пошла к кассе за ложкой, возвращается – за ее столом сидит негр и хлебает ее суп. Ну, она решила всё воспринимать с юмором, села за стол и начала с ним из одной тарелки есть. Ну, доели, поболтали, негр ушел. Она тоже решила идти – а куртки-то нет! Огляделась: рядом стоит столик, за ним стул, на котором ее куртка висит, и на столе нетронутая тарелка супа...

*

Эту историю рассказала знакомая. Ее брат как-то поехал в село, напился с друзьями. А недалеко была пасека. Захотелось им медку. Ну, по-

Рисунок И.Елистратова

шли они туда, давай улей трясти. Естественно, повылетали пчёлы, собака залаяла, сторож где-то вдали засвистел.

Конечно, они оттуда дёру. А один всё-таки с собой улей прихватил. Бежит, бежит, а за ним собака увязалась. Он ее ногами лупит (отбивается), а она не отстает. Плюнул на всё, выкинул улей.

Утро. Проснулись, давай вчерашнее вспоминать. Смеются, вспомнили про пасеку. А этот и говорит:

- А я всё-таки один улей прихватил!

- А где он?

- Да там, на дороге бросил...

Приходят на место. А там... Будка, а к ней собака на цепи привязана...

Раннее утро, иду на работу. Путь лежит мимо мусорного контейнера. В нём роется бомж характерного вида и слышно, как он с раздражением ворчит про себя: «Набросали тут всякой гадости...»

Обычный двор, на лавочке пристроились мужики, пьют вино, болтают. Подходит гуляющий по двору пёс, заинтересованно на нас смотрит. Хозяйка, не старая еще бабка, зовет его домой:

- Тузик, пойдем, всё равно четвертым тебя не возьмут!

Турбаза, утро. Мой товарищ, глядя на поцарапанную руку, выдал шикарную фразу: «И зачем я вчера гладил ежика?...»

*

Город. Идут две русские женщины, а впереди – негритянка в босоножках. Одна женщина говорит другой:

– Ишь, смотри, сама черная, а пятки розовые...

А вторая отвечает:

– А у наших наоборот – сама розовая, а пятки черные.

*

У пятиклассника в рюкзаке мама находит набор для любви «садомазо». По сему поводу на кухне собирается родительский совет. Отец:

– Ну, как я понимаю, пороть бесполезно...

*

Охранник, здоровенный парень, после смены, «приняв» на работе, едет домой из Москвы в какой-то подмосковный город. Пока ждал электричку, выпил еще. В результате просыпается в Твери. Пока ждет обратную электричку, выпивает еще. В результате просыпается в Москве. Решает ехать обратно в офис. Пока едет в метро, выпивает еще. В результате просыпается на конечной станции, его выгоняют на улицу по причине закрытия метро. Идет пешком в офис, где выпивает еще и вырубается окончательно.

Финальная фраза: «И вот с утра сижу и думаю – на кой хрен я в Тверь ездил?»

*

Рассказал друг. Шел он вечером, возле дома девчушки лет 10 – 11 пишут мелом на асфальте: «Олеся - дура», «Петя – дибил». Друг хмыкнул и сказал:

– Девочки, «дебил» пишется через «е»!

Одна из девчонок распахнула на друга свои большие голубые глаза, улыбнулась и сказала:

– Спасибо! А как вас зовут?

– Ну, Григорий... – без задней мысли ответил друг.

На обратном пути увидел, что к старым надписям добавилась новая: «Григорий - дЕбил».

*

Замечательный вопрос от немца-туриста:

– Скажите, а у вас в России у женщин сколько длится беременность?

*

Вхожу в подъезд и слышу обрывок разговора двух пацанов-малолеток, ожидающих лифт:

– Ну и что, что ей четырнадцать, а тебе двенадцать, вот у Пугачевой с Киркоровым пятнадцать лет разницы, и ничего – жили же...

*

Из рассказа садовода.

– Помогаю бабушке перебирать семена для высевания рассады. Каждый сорт аккуратно завернут в тетрадный листочек, на нём бабушкиной рукой выведено название. Причем почерк жутко неразборчивый. Один пакетик никак не могу определить. Обращаюсь бабушке. Бабушка расшифровала: это помидоры, сорт называется СПЕРЛА У ШУРЫ.

*

Автобусная остановка. Пьяный вдрызг мужчина пристает к какой-то женщине, она с отчаянием кричит: «Да чего вы ко мне привязались?» - «А потому что я мужик!» – отвечает тот и падает на землю...

КОМПАКТ-ИЗВЕСТИЯ

**MADONNA
HARD CANDY**

Более чем достойный диск клубной танцевальной музыки. Эта певица, как никакая другая, всегда на острие времени. Вот и одиннадцатый студийный «блин» Луизы Вероники Чикконе демонстрирует ее филигранное умение держать нос строго по направлению переменчивого ветра капризной музыкальной моды. Более того, не обладая ни ярким запоминающимся тембром голоса, ни блестящей вокальной техникой, Мадонна с помощью редкой интуиции, общения с высококлассными музыкантами и колоссальной работоспособности способна вести эту самую моду под уздцы.

Помимо традиционного для Мадонны электропопа, мы слышим в *Hard Candy* также хип-хоп, г'н'б – стили, которые артистка впервые примерила на себя, ра-

ботая еще над альбомом *Bedtime Stories* (1994). Певица виртуозно использует все последние достижения музыкально-технической мысли. Превосходный, довольно плотный звук – звучание околдовывает, компьютерные семплы смикшированы в идеальной последовательности. Они не довлеют и весьма изящны, а живые инструменты только придают «воздуха» этому электронному кружеву.

Более всего альбом знаменит композицией *4 Minutes*, исполненной вместе с Джастином Тимберлейком и Тимбалэндом. Эту вещь я бы назвал гимном сегодняшнего дня. Точеный лаконизм музыкальной фразы, потрясающая «хитовость» мотивов и простота гармоний, узкая «квадратность» общей формы при довольно витиеватой ритмике и невероятно богатой по насыщенности и разнообразию используемых звуков аранжировке (одна духовая секция чего стоит!) – это и есть рецепт успеха от Мадонны и ее высокопрофессиональной команды. Не менее хороши и треки *Give It 2 Me*, *Miles Away*, *She's Not Me*, *Beat Goes On* (спетый с Кени Вестом), а также чудесный *Spanish Lesson* с шикарными, сексуально звучащими гитарами и кастаньетами в стиле фламенко.

**ЛОЛИТА
«ФЕТИШ»**

Новый альбом одной из самых талантливых и скандальных пе-

виц страны – это наш ответ Мадонне. Даже на обложке Лола предстала в образе «обрюнеченной» Мэрилин Монро – кинодивы, ставшей, как известно, имиджевой предтечей Мадонны.

В основе диска – танцевальные композиции в стиле электро-поп, такие как «М.М.Т.», «Расскажи, как», «Осталась надежда», айренбишная, с элементами чувственной садо-мазы «Никто не виноват». Интересны также глубокая поп-роковая баллада «Фетиш», традиционный, чисто попсовый хит «Ну что ж, делать нечего» и типичный для «классической» Лолиты шлягер в чуть старомодной манере «Не кури».

Но самым ударным треком пластинки стала композиция Елены Кипер «Прощай, оружие!», активно звучащая сейчас в теле- и радиоэфире. Без сомнения, это настоящий шедевр, наиболее ярко отражающий наше время и по которому впредь можно будет судить об уровне развития российской поп-музыки начала XXI века. Всё здесь органично и гармонично: мелодический лаконизм, почти минимализм, блестящая жестковатая аранжировка, четкий, как

дробь барабана, ритм по-мужски строгого стиха: «Барабан заряжен, ты отчаянно важен и горяч в спорах, / Подошел так близко, только холост выстрел, просто плох твой порох...» Это то, что называется «ультрамодный хит» – в самом высоком и положительном смысле.

А сама Лолита вновь блестяще доказала, что она самая экспериментирующая и рискованная певица на российской поп-сцене.

MYLENE FARMER POINT DE SUTURE

Еще один альбом, претендующий быть в высоком смысле модным. На сей раз – от европейской поп-дивы. Это очень мелодичная, большей частью нежная, иногда почти эфемерная, с толикой изысканности электронно-танцевальная музыка. Фармер в очередной раз создала столь индивидуальный продукт, что его авторство узнается уже по первым тактам музыкального вступления, еще до того, как певица взяла первую ноту. То есть ее работы отмечены не только фирменным певческим, но и общесаундовым клеймом. А это высочайшая степень профес-

сионализма. И пусть вокал Милен отнюдь не высокотехничен, мало-динамичен и «без диапазона», зато ее голос ярко тембрален, изысканно нежен, певуч, маслянисто, сексуален, с присущими только ему красивейшими обертонами, чуть слышными придыханиями и меланхолической, «небесной» грустью. Фармер в песнях невероятно чувственна, почти всегда отстраненна, но никогда не холодна, не механична. Это то, что называется «французский шарм».

Почти все композиции альбома похожи одна на другую, как сиамские близнецы. Очень однообразны и не столь изобретательны, как, к примеру, у Мадонны, аранжировки. Но это в случае с Фармер не минус, а достоинство. Так проявляется его величество Стиль. Стиль дорогого светского салона, фешенебельного ночного клуба и всего того, что посещают люди аристократического толка. Мои любимые треки: Appelle Mon Numero, заглавный, Looking For My Name (спет вместе с Моби), Sextonik. (Кстати, все тексты к песням певица написала сама.)

Несколько удивляет обложка альбома: на ней изображена кукла с разорванным и зашитым ртом, вызывающая ассоциацию с Гуингленом – героем одного из романов Виктора Гюго. К чему бы это?

ЭД ШУЛЬЖЕВСКИЙ «СТРАННАЯ ЖИЗНЬ»

Симпатичный альбом для любителей спокойной, романтической поп-музыки. Это дебют молодого артиста. И надо признать, успешный. Голос певца притягивает приятным юношеским тембром, мягкостью интонаций, уверенностью подачи. Чувствуется, артист серьезно занимается вокалом,

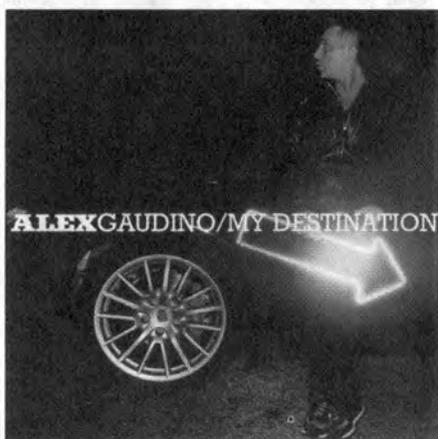

тщательно следит за чистотой фразировки, четкостью дикции. Всё это признаки крепкого профессионализма.

Репертуар диска составили в основном авторские песни Эдуарда, из них выделяются «Невидимка-любовь», «Снег» и «Маяки». Они настраивают на лирический лад, заряжены вдохновением. В треке «Среди планет» впечатляет эффектный, витальный женский бэк-вокал. Кстати, по музыкальному качеству эти работы не сильно отличаются от композиций, принадлежащих перу известного хитмейкера Александра Лунева, среди которых стоит отметить уже раскрученную My Baby.

Кто-то, вероятно, сочтет эту музыку сладковатой, вторичной, старомодной, но на самом деле это тот эстрадный мейнстрим, по которому мы давно соскучились. Да, песни Шульжевского действительно похожи одна на другую по стилистике, мелодике, настроению, да и сюжетно (все они про юношескую «любовь-морковь» с банальными текстами). Но, согласитесь, иногда хочется съесть тарелку традиционного салата «оливье», чем экспериментиро-

вать с экзотическими ингредиентами в поисках «неизбитого» вкуса.

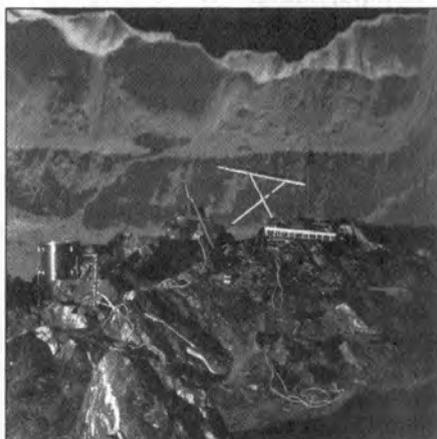
ALEX GAUDINO MY DESTINATION

Популярный итальянский диджей (настоящее имя Алессандро Фортунато Гаудино) предложил неплохой сборник для ночных клубов и танцплощадок. Это легкая, ни к чему не обязывающая музыка в стиле диско-хаус. Никакой вязкости и кислотности – вы будете подпрыгивать под нее на вечеринке, как шарик для пинг-понга или даже теннисный мяч. Много приятных мелодий, положенных на довольно шадящий для подобных проектов ритм и весьма умно и бережно смикшированных. Минимум дополнительных компьютерных эффектов и объемный воздушный саунд создают ощущение прозрачности и невесомости музыкального ряда.

Некоторые треки уже хорошо знакомы, например Destination Calabria (с ним был выпущен сингл; поет Кристал Уотерс) и Watch Out (с вокалом певицы Ше-

ны) – композиции-хедлайнеры всех дискотек Европы. Среди прочих следует выделить сладковатую Bittersweet Melody (поет Ультра Нэйт; особенно нравится девушкам), жестковато-ритмичную Just Rockin' (с высокотехническим женским «черным» вокалом) и брутально-прикольную Electrica Salsa (поет некто Карл).

Кстати, эту музыку можно слушать и вечером дома – чтобы осесть от рабочих проблем, бытовой рутины и несколько минут просто потанцевать. Стильно оформленный буклет диска с изображениями симпатяшки Гаудино в разных ракурсах (даже в туалете!) также подарит несколько приятных мгновений.

LATE OF THE PIER FANTASY BLACK CHANNEL

На обложке буклета нет даже названия группы и альбома: типа, догадайтесь сами. Концептуальный пофигизм. В целом это свежо звучащий и явно подростковый музон. Стиль его определить затруднительно: то ли глэм-рок, то ли гранж, то ли постпанк, то ли сильно утяжеленный электро-поп.

В общем – то ли еще будет. Полная эклектика. В каких-то композициях – бешеное марево из гитарной стены звука и компьютерных испражнений, в других – типично попсовые гэги, в третьих – просто надоедливо-тупорылый электронный ритм с бесконечными повторами одних и тех же фраз (иногда с матерком, что, впрочем, здесь очень кстати).

Британские музыканты (их четверо) играют не слишком виртуозно и слаженно – сказывается юность и малая опытность, зато с большим энтузиазмом и угаром. Как говорится, играют не руки, а гормоны. Много суеты и сумбура. Петь они умеют тоже не ахти как – голоса плоские, петушиные, шаткие, педерастичные; особенно неприятно звучат в верхнем регистре, срываясь на писк, визг и дикий вой. Впрочем, это не имеет большого значения: всё перекрывает очень плотный, концентрированный звук. Сделайте погромче – и вам не понадобится даже пиво: поймаете ощущение, будто вы уже под кайфом. Тинейджерам на пикнике – самое оно.

Треки, вызывающие интерес «по приколу»: Random Firl, VW, Focker, Mad Dogs And Englishmen, Bathroom Gurgle. Ничего, не так уж и дурно. Думаю, прослушать этот релиз стоит хотя бы для того, чтобы быть в курсе последних течений музыкальной моды.

CHORDS THINGS WE DO FOR THINGS STARRING CHORDS

Новый альбом талантливого рэпера из Швеции. Его настоящее имя Дженс Ресч (Jens Resch). Довольно умная, содержательная музыка. Удивительно: в ней сочетается интеллигентность и брутальность, пофигизм и легкая кру-

тизна. Словно пуховая бархатная подушка сзади – услаждающий ухо хип-хоповый фон. Чем-то напоминает нашего Серегу, но Chords будет, пожалуй, мягче, тоньше и богаче в музыкальном отношении. Здесь слышны даже отголоски блюза, фанка, реггей, латино. Никакой тупорылой долбежки! Хочется лечь на надувной матрас и плыть по воле волн этого шелкового, ласкового моря.

Обращает внимание, что в аранжементе, помимо извечных для этого стиля сэмплов, присутствует довольно много живых инструментов: гитары, духовая секция, клавиши, барабаны, губная гармошка, перкуссия... Очень красив голос артиста – демократичный теноровый баритон, особенно нежный в верхней тесситуре (чуть-чуть напоминает Леню Агутину). Идеальную объемную подкладку создает и высокий мужской бэк-вокал.

Судя по текстам, это милые, остроумные сюжеты на современные молодежные темы: ночной флирт, юношеская невинность, поиск друзей в Интернете, склонность к потребительству, праздное времяпрепровождение и т. д. Лучшие треки: Synkaliosis,

Nighttime Come, Blind To The Facts, Chill Street Blues. Но самое сильное впечатление осталось у меня от композиции Sedated. Думаю, это настоящий шедевр.

BLACK LIGHT BURNS CRUEL MELODY

Достаточно хороший в профессиональном отношении альбом музыки эмо. Стиль, который определили совсем недавно. Многие меломаны и критики толком даже не знают, что это за зверь такой. «Эмо», наверно, от слова «эмоция». Ну не страус же эму, в конце концов! У BLB это слегка припопсованный хард-н-хэви, только безнадежный, мрачный по восприятию – во всяком случае, с редкими проблесками. Фронтмен группы Вес Борланд (Wes Borland) – человек с тысячей лиц. Он и вокалист, и гитарист, и басист, и клавишник, и барабанщик, и скрипач, и виолончелист, и программист, и шут знает кто еще.

Все инструментальные партии прописаны грамотно, чисто, с пониманием эстетики нового жанра: особенно смачно и местами бе-

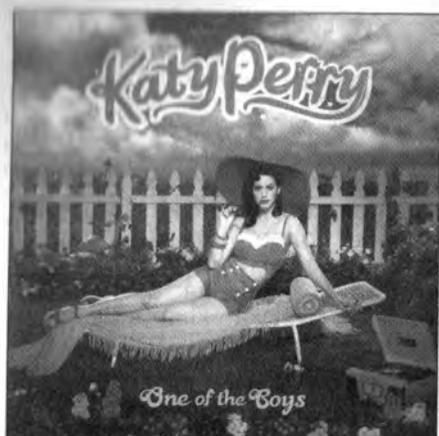
совски звучат гитары. Они создают, как правило, жутковатый звуковой объем, нервно жужжа, воркуя и распространяя вокруг себя миазмы тревоги, тоски, опустошенности. Ощущение – как после хорошей попойки утром.

Вероятно, можно назвать это и новым, более «демократичным» ответвлением готического рока. А что: та же мрачная, с запахом могилы музыка, кладбищенский грим артистов, скелеты на сцене, тяжелые тексты про ушедшие цивилизации, «мир иной», каких-то животных – то ли динозавров, то ли мутантов. А как вам название бонуса – «Убей королеву»? Кстати, это один из самых скучных треков альбома.

С учетом вышеупомянутых особенностей неплохое впечатление производят Mesopotamia, Coward, I Have A Need, Stop A Bullet. Настоящая картина апокалипсиса видится в треке Lie – самом радикальном на диске. А вот заглавная песня оказалась совсем не такой «жесточкой», как того требует название (Cruel Melody). Это одна из самых лиричных вещей у BLB.

KATY PERRY ONE OF THE BOYS

Дебютный альбом талантливой американской певицы и автора песен (родилась 25 октября 1984 года в Калифорнии). Вот надлежащий уровень качественной поп-музыки! Это не слащавые два притопа, три прихлопа, как у большинства российских исполнителей, а бьющие по нерву упругий ритм, креативные аранжировки, сильные, с толикой дамской брутальности голос, грамотно прописанные вокальные и инструментальные партии, великолепный мастеринг. По стилю это

скорее поп-панк. Или иначе – многослойно аранжированная утяжеленная поп-песня. Чем-то молодая певица напоминает Аврил Лавинь, но кажется чуть женственнее, лиричнее. Ее композиции очень современные, урбанистичны, в них бьется сердце огромного мегаполиса. При этом они вполне человечны, умеренно легкомысленны и, к счастью, не

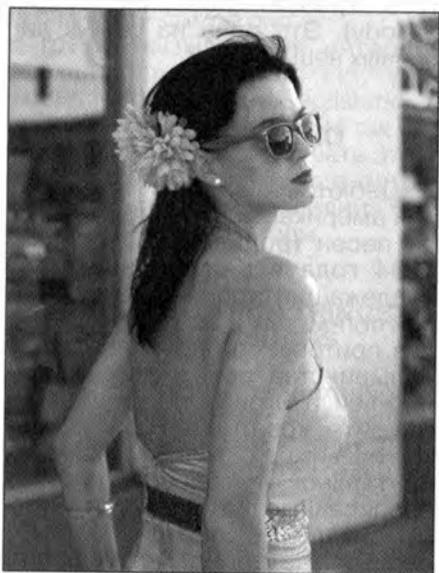
пронизаны той чрезмерной звучностью и вокальной ажиотацией, как это бывает в подобных проектах.

В записи альбома принимали участие известные музыканты Грэг Уэллс, Глен Баллард, Бутч Уокер, Макс Мартин и др. Главное достоинство диска – идеальная пропорция между звучанием живых инструментов (гитар, клавишных, ударных, духовой секции) и вставными компьютерными сэмплами. Я бы назвал это ловкой инженерной конструкцией. Или огранкой ювелира.

Помимо хитов, которые уже прославили Кэти, – I Kissed A Girl и Ur So Gay – на альбоме присутствует несколько других весьма неплохих сочинений: Thinking Of You и Lost (в этих двух Кэти очень лирична и, я бы сказал, воздушна), One Of The Boys, If You Can Afford Me, Fingerprints... Пластинка должна понравиться продвинутой в музыкальном отношении аудитории от пятнадцати до пятидесяти.

ENIGMA SEVEN LIVES MANY FACES

Очередное творение мультиинструменталиста, вокалиста, аранжировщика и продюсера Майкла Крету продолжает его непрестанные эксперименты по «скрещиванию» серьезных и легких музыкальных стилей и жанров. В этот раз, однако, мы не услышим григорианских хоралов, характерных для первого и третьего альбомов музыканта (MCMXC A.D., 1990 и Le Roi Est Mort, Vive Le Roi!, 1996). Зато насладимся красивыми мелодиями, положенными на околдовывающую ритмику, завораживающие партии электрооргана, фольклорных струнных инструментов, все-

возможных дудок, звуки природы, животворный этнический вокал и смикшированными в фирменном кретуовском «космическом» саунде.

Новый альбом Крету – это, как всегда, не набор треков, а целая симфония: одна композиция перетекает в другую без перерыва. Этника, нью-эйдж, ритмы диско, элементы кантаты, синтезированные звуки виолончели, скрипок, блуждающего ветра, дыхание собаки, топот лошадиного табуна и традиционный для всех музпроектов Крету женский сексуальный полусшепот – что только не оживает на серебряных дорожках этого волшебного диска. Примечательно, что идеален он не только для услаждения слуха, но и для домашних медитаций, снятия стресса, спокойного времяпрепровождения перед сном. Это мистико-философская музыка. Лучшие треки – *Seven Lives*, *The Same Parents, You Need Love*, *Deja Vu*, *My Dying Day* и седьмая композиция, исполненная, кажется, на испанском языке.

Seven Lives Many Faces, думаю, самый «вокальный» диск Майкла. Поют здесь много, и пение несет абсолютно те же на-

грузку и значение, что и все инструментальные линии. Среди вокалистов в проекте заняты Эндрю Доналдс, Маргарита Ройг, певица Нанук и др. Их необычайной красоты голоса манят, возбуждают, зовут в неземные дали. Словом, ценители небанального, креативного искусства получат большое удовольствие.

P. S. К выходу нового релиза компания Virgin переиздала в России некоторые из предыдущих альбомов Enigma:

The Screen Behind The Mirror (2000) – дышит монументальностью. Его лейтмотивом стала знаменитая «мрачная» тема рокерской неизбежности из кантаты Карла Орфа «Кармина Бурана». Она возникает совершенно внезапно то в одном, то в другом треке. Характерной особенностью проекта является использование японских духовых инструментов и церковных колоколов.

Love Sensuality Devotion (The Greatest Hits, 2001) – сборник лучших композиций Enigma с первых четырех дисков. Сюда вошли такие хиты, как *Sadness. Part I*, *Mea Culpa*, *Return To Innocence*, *Silence Must Be Heard* и др.

Love Sensuality Devotion (The Remix Collection, 2001) – сборник ремиксов практически на те же композиции, только в более убыстренном и облегченном «клубном» варианте.

A Posteriori (2006) – классическая Enigma. Симпатичные электронно-музыкальные построения с небольшими вкраплениями холодновато-пространного вокала. Оригинальная идея – использование в треках звучания морских инструментов из национального английского музеев.

Сергей СОСЕДОВ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

О той славе, которая ласкает их сегодня, они не могли даже подумать. Но всегда верили, что когда-нибудь и они станут знаменитыми в России. Сказали и решили поехать за этой самой славой из Бишкека в Москву. И нашли ее, вернее – завоевали!

ГРУППА «ГОРОД 312»: «НЕ СТРАДАЕМ МАНИЕЙ ВЕЛИЧИЯ»

Широким аудитории группа «Город 312» стала известна после выхода на экраны фильма «Дневной дозор». Их хит «Останусь», ставший саундтреком к культовой ленте, в одночасье подарил группе невиданную славу и популярность. Хотя сами участники группы объясняют свой успех стечением обстоятельств и волей случая. Совсем недавно солистке группы Ая присвоено звание заслуженной артистки Киргизии, и все участники объявлены почетными гражданами их родного города Бишкека. А перечислять премии и награды, которыми удостоено творчество группы в 2006 – 2008 годах – долго, а потому не имеет смысла.

Итак, группа «Город 312» сегодня: Ая (в миру – Светлана Назаренко) – солистка, Маша (Мария Илеева) – гитара, Леон (Леонид Прутула) – бас-гитара, бэк-вокал, Дим (Дмитрий Прутула) – клавиши, бэк-вокал, Вик (Виктор Голованов) – барабаны.

БИШКЕК – МОСКВА: ПУТЬ С ПЕРЕСАДКАМИ

– Ребята, почему у вас какие-то странные имена?

Дим: – А это не имена, а наши ники в Интернете. Мы ведь изначально пиарились именно там, благо за это не нужно было платить денег. Так с никами и остались в жизни. Только Маша наша с настоящим именем не рассталась, а вот Ая в Интернете была Алармией, а в жизни она Света. Я по жизни Дима, а мой брат Леонид в мировой паутине значится как Леон.

Ая: – Свет много, а Ая одна (*смеется*). Вообще-то я взяла пер-

вые и последние буквы своего ника. Обычно восточные имена пишутся через «и краткое». Но мне, честно сказать, было лень каждый раз «йот» прорисовывать.

– А кем бы вы стали в родной Киргизии, если бы не приехали покорять Москву?

Ая: – Дело в том, что мы сознательно поломали нашу жизнь в Киргизии и построили ее заново в Москве. Мы понимали, что Москва – это иная планета, и приехали, чтобы ее увидеть. Мы были очень известными музыкантами на родине, и за плечами каждого были альбомы. Наши лица можно было встретить на билбордах по всему городу. Так что, как говорится, нас знала каждая собака (*смеется*). При этом мы занимались и радио, и рекламой. Я была самостоятельной певицей, ребята были в составе известной в Киргизии группы «Аян». Нас всё устраивало, но в какой-то момент мы разом поняли, что нам хочется расти и идти дальше. Рановато было останавливаться и почивать на лаврах, открывать студии, продю-

серские центры и воспитывать новое поколение. Мы сами еще молодежь (*смеется*). Поэтому мы рванули в Москву, оставив там квартиры и машины.

Дим: – И потом, кардинальная смена обстановки сподвигла нас на создание новых песен, которые мы никогда не написали бы, живя в Бишкеке. Да и вообще, кто знает – играли бы мы ту музыку, которую играем сейчас?

Ая: – Можете представить, что ребята до нашей встречи играли восточную музыку в стиле реггей. Причем группа была в Киргизии безумно популярна, ее синглы не сходили с высот хит-парадов. Я пела лирику энд соул, энд легкий джаз.

– И что, этот жанр музыки имел успех в Киргизии?

– А что вы думаете, там нет музыкально продвинутой молодежи? Более того, скажу, что моя песня «Сломанное радио» стала

открытием в Москве по версии телеканала «Евровидение».

Дим: – Действительно, в чартах мы наряду с российскими исполнителями занимали лидирующие позиции.

– Скажите, в музыкальном плане Киргизия – это больше Азия или Европа?

– Конечно, больше Азия. Вообще Киргизия очень интересная страна, и в музыке, которая там звучит, смешались все стили и направления...

– Вы, наверное, единственные выходцы из Киргизии, кто сумел сделать прорыв в жанре рок-музыки?

– До нас была группа «Элес», которая поехала покорять Москву, но вернулась спустя месяц. Не удалось. Уж не знаю, по каким причинам. Следующими оказались мы. Поехали в Москву, объединившись с девчонками. Почему? Потому что не все ребята под-

держали нас, побоявшись менять обстановку и привычный ритм жизни. Девочки нам здорово помогли справляться с бытовыми проблемами. Они у нас восточно-го воспитания, и для них это проблем не составляло.

Когда мы только приехали в Москву, нас предал наш гитарист, который десять лет играл в нашей группе. Но он испугался надвигающихся трудностей и попросту удрал назад, в Бишкек. Я считаю это предательством. И слава богу, нашлась Маша. Она попала в группу в чисто пожарной ситуации, надо было кому-то закрывать дыру. У нас были договоренности на концерты, а попадать на бабки в тот момент нам не нужно было.

— Ребята, так как же вы всё-таки оказались в Москве? Говорят, вы наезжали в столицу помочь в записи альбома какому-то папиному сынку, возжелавшему стать певцом?

Ая: — Немного не так. Мы оказались в Москве спонтанно. Сидели мы как-то у меня на кухне, болтали о том, о сём. Леон говорит: «Почему мы сидим тут? Нам давно надо рвать в Москву! Здесь мы уже достигли максимума». Была еще мысль поскромнее — поехать в Алма-Ату, город, близкий нам по менталитету, и попытаться счастья там.

Дим: — Мы съездили туда, посмотрели. Оказалось, ситуация такая же, как в Бишкеке... Замкнутый круг, за который невозможно выйти. Мекка музыкальной индустрии, как ни крути, всё-таки в Москве. Тут средоточение всего: ТВ, радио, СМИ.

— И что, вы взяли и тупо поехали в Москву? К кому, куда?

Ая: — Не поверите, у нас был новогодний чёс, после которого ранним утром 1 января звонит мне Дим и говорит, что взял биле-

ты, выезжает с Леоном в Москву на разведку. Спросил, приедем ли следом. Я, честно сказать, испугалась, но спросонья пообещала приехать. Только потом поняла, что я попала, сдуру дав обеща-

Дим

Дим: — Нас с Леоном встретил наш двоюродный брат на джиге, он тоже связан с музыкой. Причем мы никогда не видели его в глаза ранее. Привозят нас к дяде домой. По дороге мы вздох рассказываем ему, какие мы талантливые и какие классные пишем песни. На что он нам говорит: «Ребята, мне неинтересно, чего вы там сочиняете. Вообще какого вы фига сюда прикатили? Неужели думаете, что кому-то нужны? Здесь человек человеку волк, поэтому, ребята, подумайте, правильно ли вы сделали, решив приехать». Мы были просто ошарашены таким заявлением нашего кузена. Услышать такое от родственника в первые минуты приезда в Москву — город, с которым

мы связывали свои далеко идущие планы. Чего же тогда ожидать от людей посторонних? Но, вопреки нашим опасениям, вся помощь нам пришла именно от них... Началось наше везение с квартиры, в которой мы первое время могли проживать абсолютно бесплатно. Всё потому, что познакомилась с бизнесменом, сын которого увлекался музыкой и которому мы помогали в записи альбома. Он организовал группу, его клипы пару раз показывали по MTV. Вот у него мы и были сессионными музыкантами. Делали аранжировки, выступали на концертах, записывались в студии.

Ая: – У нас была договоренность с его отцом, кстати, нашим земляком. Мы помогаем сыну, а он нам взамен выплачивает зарплату и предоставляет жилье. Кроме того, он продвигал и нашу группу.

– Можно сказать, вы на халяву прокатили?

– Да, но это длилось недолго. Через несколько месяцев мы с ним расстались. У него просто не хватало времени на нас, а нам нужно было расти и идти дальше. Был долгий разговор, он нас внимательно выслушал и согласился с нашими доводами, за что ему огромный респект. И вот мы снова начали с нуля, стали снимать квартиру. Твердо уяснив для себя, что если мы, помимо музыки, параллельно будем заниматься какой-нибудь другой работой, которая позволит «поддержать нам штаны», то не добьемся ничего и никогда. Необходимо было бить в одну точку и заниматься только музыкой и текстами нашей группы.

– Как же вам удавалось выживать?

– Мы звонили всюду – в кафе, рестораны – и предлагали послушать нашу музыку. Мы соглашались на любые выступления, за любые деньги, иной раз даже вы-

ступали бесплатно, лишь бы нас кто-то услышал и оценил. И, видимо, не зря!

Дим: – У каждого из нас был спектр задач. Каждый день с утра мы разъезжались по всяким питейным заведениям и радиостанциям и путем уговоров и убеждений пытались пробить свою музыку, оставляя везде, где только можно, демо-записи.

– Неужели слушали?

– Представляете, да. Более того, диджеи радиостанций переписывали друг другу наши песни и крутили у себя в авторских передачах. А один программный директор солидной радиостанции, послушав краем уха наш альбом, сказал, что это джаз и он никогда не поставит подобное у себя на радио. И держит слово по сей день. Мы, конечно, были в транс...

– От чего?

Ая: – Да не оттого, конечно, что не будем звучать на его радио, а оттого, что оказались джазовой группой.

– А кто он?

– Я не буду говорить. Да и вообще у меня есть такая любимая поговорка: «Спасибо за большой пинок, потому что он увеличивает траекторию нашего полета».

– Ребята, всё равно как-то всё у вас гладко получается. Приехали, позвонили, вас приняли, прослушали и сказали: «Вперед, друзья!»

– Это у нас всё просто? Хотя, где-то может быть. Наверное, помогал Восток. Та самая любовь к солнцу и вера во всё хорошее, что может с нами произойти. Она нас и вытасила. Мы все верим в бога и всегда знали, что с нами случится чудо.

Дим: – Продюсеры, с которыми нам довелось поработать, видели огонь в наших глазах и понимали,

что мы – перспективная группа. Только вот многие из них не знали, что и как с нами делать, как правильно использовать наш музыкальный потенциал. И вот, наконец, нас свел случай с очень серьезным рекорд-лейблом. Мы выпустили пробный демо-альбом и презентовали его на Горбушке. В момент нашего выступления к нашему звукорежиссеру подошел человек и поинтересовался, кто мы и откуда, и, уходя, купил у него наш диск за двести рублей. Он оказался из рекорд-компании («Реал рекордс»). Так что, можно сказать, это было первое вложение капитала в нас.

– Скажите, назвав группу «Город 312», вы таким образом решили славить родной город?

Леон

Леон: – А вы думаете, все знают телефонный код города Бишкека? Нет, просто если бы мы назвались группой «Город Бишкек» или «Город Фрунзе:» все бы увидели в этом некий политический подтекст. Давным-давно была такая передача «Город 095». По

такому же принципу мы и решили назваться. Идея пришла сама собой. Мы арендовали в Москве квартиру под номером 312. Один наш друг как-то раз, будучи у нас в гостях, сказал, что это просто знак свыше: «Вы посмотрите, город Бишкек имеет код 312 и вы живете в квартире с таким же номером. Да вам сам бог велел назваться "Городом 312"».

МОСКОВСКАЯ ЛОМКА

– Вас называют самой вменяемой группой на нашей эстраде, что на сегодня оценка очень высокая. Вы со временем изменитесь или вам удастся сохранить ваши принципы, устои и взгляды на жизнь? А в начале вашего пути, ваши продюсеры не предлагали вам для поднятия интереса к вам поменять, скажем, на время сексуальную ориентацию или придумать любовные истории внутри коллектива?

Дим: – Если на протяжении тех лет, которые мы бились о чугунную стену московского шоу-бизнеса, мы не сломались, то и дальше с нами вряд ли произойдут метаморфозы, которые смогут заставить нас стать другими. Перекрашиваться в другой цвет и менять сексуальную ориентацию мы не станем. Слава богу, с ориентацией у нас всё в норме. Мы традиционалы (смеется). Мы не можем тратить время на смену ориентации и прочую чушь, пусть даже в угоду рейтингу. Хотя были предложения разного типа.

– Например?

– Ну, например, нам предлагали играть что-то подобное творчеству группы «Руки вверх!». Или петь ремиксы на популярные песни, а уже потом, получив некую популярность, показать свои. «Доброжелателей» в Москве мы встречали порядком. Поначалу казалось, что это город посредников и советчиков.

Леон: – Самая распространенная фраза: «Я знаю, что вам нужно и если вы не последуете моему совету, то у вас ничего не получится».

– Неужели вы не могли «вычислить» этих лже-мудрецов?

Ая: – Что вы! Они ж, знаете, какие хамелеоны! К примеру, приглашают в шикарный офис, где все стены увешаны их фотографиями в обнимку со звездами, и говорят на голубом глазу, что они продюсировали недавно «Депеш мод».

Дим: – Тут же раздаётся звонок мобильного телефона, человек о чём-то с кем-то беседует, а по окончании разговора говорит нам: «Костя Эрнст звонил, просил заехать». Представляете? Весь этот антураж внушал нам доверие. Откуда мы, творческие люди со страшным желанием работать,

могли знать, что все это – пыль в глаза?

– Ну, сегодня вы уже птицы оперившиеся, и вас, наверное, непросто провести?

Ая: – Не думаю. Наконец-то мы сотрудничаем с той компанией, которая дала нам возможность заниматься только творчеством, а все остальные заботы взяла на себя.

– Какое-то время с вами работал легендарный барабанщик Игорь Джавад-заде (Джавад), работавший с группами «А-Студио», «Наутилус» и певицей Земфирой. Куда он делся?

Дим: – Джавад два года всеми правдами-неправдами помогал нам. И мы часто использовали его имя для своего продвижения. Мы говорили: «Вы знаете, что у нас играет сам Джавад», – и это срабатывало. За месяц до подписа-

ния нами контракта со звукозаписывающей компанией Джавад заключил очень серьезный контракт и уехал работать за границу в очень перспективный проект, связанный с этникой. Сейчас он в уже Москве и очень рад, что с нами работает Вик, которого он знает давно как замечательного профессионала.

– Скажите, а почему Джавад ушел от Земфиры?

– Рассказывали, что у нее получился какой-то конфликт с басистом группы – Родриго, который с Джавадом был не разлей вода. И вот когда Земфира уволила Родриго, Джавад, как истинный друг, тоже покинул ее коллектив. За компанию.

– Скажите, а почему вы отказались сотрудничать с Евгением Осиним? Он ведь приглашал вас к себе на работу.

– Да, он звал нас быть его музыкантами. Это было, когда мы только приехали в Москву. Он как-

то присутствовал на нашем концерте и предложил поработать у него музыкантами.

– Летоисчисление группы «Город 312», можно сказать, началось с саундтрека к фильму «Дневной дозор»...

Ая: – «Дневной дозор» вышел через несколько дней, как мы подписали контракт. Работа над клипом «Останусь» к «Дневному дозору» началась до того, как мы подписали контракт. То есть нам поверили на слово, а ведь мы могли развернуться и уйти.

Дим: – Никто ведь не знал, что мы за люди. Может, мы какие-нибудь раздолбай, которые записали песню и пошли курить «травку».

– Вы приехали в Москву со своим почерком и взглядом на музыку. Скажите, вам приходилось ломать в себе что-то?

Ая: – Наверное, у нас всё получилось, потому что мы не соглашались ломать в себе что-либо

кардинально. Представители компании, с которой мы в данный момент связаны контрактом, не лезут к нам в душу и не ворошат наши сложившиеся принципы и взгляды на музыку. Мы занимаемся своим любимым делом.

– *Обычно Москва ломает людей и их принципы. За время пребывания в столице кто-то из вас «сcurвился»?*

Дим: – Нет-нет, всегда рядом есть ребята, которые не дадут тебе это сделать. Они вовремя остановят, если ты что-то начнешь делать неправильно. Во-вторых, тебе и самому будет некомфортно. До приезда в Москву, мы уже были состоявшимися людьми, и у нас всё в характере сложилось. Вот если бы мы приехали детками, скажем, на «Фабрику звезд», то да, из нас можно было лепить кого угодно. Но наш внутренний стержень не сломать уже никогда. Он у нас из особого металла.

Ая: – У нас получилось скорее наоборот. Мы приехали каждый со своим «звездизмом». А Москва ломала в обратную сторону. Нам приходилось оставлять все свои амбиции позади.

– *Ая, а как же в вашей профессии без амбиций?*

– Я сейчас о другом. Я имела в виду, что тут нам не нужно было доказывать, кто из нас главнее, кто эту жизнь понимает лучше и кто сделал больше во имя группы. Мы начали покорять Москву на равных. Москва позволяет понять, что гораздо легче пробиваться вместе. Одному намного сложнее.

– *А вас все и всюду принимали с вашими принципами и взглядами на жизнь или всё же вам приходилось подстраиваться под ситуацию и конкретных людей?*

Дим: – Мне кажется, что многое вокруг шоу-бизнеса накруче-

но. Все думают, что нужно иметь какой-то пафос своеобразный. Те люди, с которыми мы общаемся, – нормальные. Самое интересное, что те артисты, о которых мы знаем из «желтой прессы», в жизни оказываются вполне пристойными и адекватными людьми, а не теми монстрами и извращенцами, коими их представляет «желтуха».

Вик: – Я приехал в Москву с целью подчинить и покорить Москву себе и своим принципам. И мне кажется, мне это пока еще удастся сделать. Если человек начинает прогибаться под Москву, значит, она его покорила, а не он Москву. Я думаю, что нам не пришлось прогибаться, скорее, мы сами прогибаем Москву, и нам этим приходится заниматься каждый день. Если бы мы не занимались этим, то сидели бы дома, ели и спали, а когда закончились бы деньги, разъехались по своим городам.

– Скажите, а «Городу 312» необ-

ходимы скандалы для продвижения материала?

– Нам этого не нужно – мы, наоборот, стараемся скрыться от чужого глаза и «желтой прессы». Мы не хотим, чтобы нашу группу запомнили по цвету трусов и размеру груди. Нам важнее оценка наших песен. Нам неплохо живется без всей этой шелухи, боа и стекляруса. При этом мы сумели сохранить свой стиль и манеру поведения. Нам приятно, когда к нам подходят и говорят, что наши песни помогают жить. Но ни разу к нам не подходили и не говорили: а правда, что у вас новый любовник или смертельное заболевание? Значит, у нас не всё так плохо и мы движемся в правильном направлении, не прибегая к услугам дутых сплетен и сенсаций о себе.

Дим: – Наша компания требует от нас новых, хороших песен – и всё.

Ая: – Вас, наверное, тошнит уже

от нашей правильности? (смеется).

– Кто-то из вас говорил, что вы не принимаете всё всерьез и не намерены переучиваться заново жить. Кто автор этого заявления?

Дим: – Ну я! Мы ко всему относимся с юмором, а особенно к себе. Так легче жить. Стоит только включить «серьезку», начинаются напряги. А они ни к чему.

Ая: – Но к своему делу мы относимся очень серьезно. Мы не относимся серьезно к тому, что происходит вокруг нас. Кто-то сказал, скажем, что «Город 312» какие-то не гламурненькие и нужно их перекрасить или подстричь под моду. В этот момент нам бы стоило забиться в истерике, кусать ногти и броситься в салоны красоты с просьбой сделать нас гламурненькими. Но это же глупо. Мы устраиваем себя и своих продюсеров, а на всё остальное наплевать. Ну не гламурные мы – и что?

– А Вик вот близок к гламуру, покуривает трубку, а его томный взгляд отдает пофигизмом.

Вик: – Да нет. Просто я не могу курить сигареты. Мой товарищ курит трубки, и именно он приобщил меня к ним. Мне нравится. Но я не в образе. Наоборот, стесняюсь курить трубку на людях, мне кажется, что могут подумать, будто я понтуюсь. Но это не так.

– Ну а с какими трудностями вам приходится теперь сталкиваться в Москве?

Ая: – Сегодняшние трудности перекрывают все прошлые (смеется). Эти мерзкие пробки, из-за которых вечно не успеваешь никуда. Я очень скучаю по солнцу.

Маша (грустно): – Помидоров сочных нет. И всё время хочется спать.

Дим: – Я согласен. Нет нормальной, настоящей еды. Я наконец-то нашел в магазине белорусское пастеризованное молоко. Нет настоящих фруктов, всё какое-то искусственное. Мы идем за

Америкой, и кто-то на этом делает бизнес. Когда мы приезжаем на родину, мы набрасываемся на арбузы, помидоры и фрукты. Они у нас там настоящие.

Вик: – Мы ведь прилетели в Москву из солнечных краев. Я тоскую по морю. И вообще, хочется больше солнечных дней в году.

ПЕРЕХОДЯ НА ЛИЧНОСТИ

– Все пять участников «Города 312» – вполне музыкально состоявшиеся личности. Скажите, другим участникам не обидно, когда внимание прессы приковано лишь к двум солистам?

Ая: – Просто в нашем коллективе я и Дима – самые болтливые. Нам, во-первых, это нравится, во-вторых, это всех устраивает, и об обидах даже речи быть не может. Взять, к примеру, Машу – она больше любит слушать, чем говорить. Мы вообще не страдаем манией величия и абсолютно не амбициозны. Разве что только в музыке.

– Через что вы никогда не перешагнете и чего не позволите даже в угоду карьере и материальным благам? Ведь известно, что всё в жизни имеет цену.

– Я никогда не скажу, что не сделала бы того или другого никогда. Я всегда помню поговорку о том, что никогда не говори никогда. Но я очень хочу, чтобы, как личность, никогда не положила камень в протянутую руку. Если человек пришел ко мне с хорошим разговором или обидеть меня в пятьсот пятый раз, всё равно не смогу его послать. Я выслушаю его и прощу. Также я хочу, чтобы ко мне относились так же. Я пока что не отвернулась первая от человека. Если я вижу, что человеку не интересно мое общество либо он не дорожит мной – то

гда я просто уйду, но отпихивать его первая не стану.

Маша: – Для меня карьера не имеет такого серьезного значения, чтобы идти на большие жертвы. Ну, не будет славы, будет что-то другое. Это не самое главное в жизни, ради чего можно предать или продать человека.

Дим: – Мы не так серьезно относимся к деньгам. Мы долгое время жили в Москве на сто долларов в месяц – и ничего, выжили ведь. Это было достаточно суровое для нас время. Ну, раз мы его прошли, значит, нам не страшен даже чёрт. Мы знаем уже, что такое жизнь без денег. Но зато мы были счастливы. А сейчас, когда мы более-менее стали прилично жить, счастья не прибавилось. Мы не зависим сильно от денег. Есть питание и крыша над головой – и слава богу.

– Ну ладно! Кто же откажется от красивой жизни?

Ая: – Это надо быть жлобом,

скрягой и сквалыгой, чтобы иметь деньги и жить в холобуде (холобуда – южное слово, обозначающее «шалаш», «будка сторожа». – **Ред.**) Любый человек, хочешь не хочешь, если понимает, что ему нужно выспаться, купит нормальную кровать. И это естественно. Но я не буду покупать себе золотую кровать. Говорить о том, что жить в холобуде, имея деньги, – глупо. Просто не нужно быть испорченным деньгами. У нас изначально была другая история. Мы все блага, что имели, оставляли. Такая Золушка, только наоборот.

– *Переехав в Москву, вы что-то взяли из того, что вам было дорого в прошлой жизни?*

– Ничего! Я всё продала, в том числе и квартиру. Но привезла с собой глиняную тарелку, которая мне безумно дорога. Как только я завершу ремонт в своей новой московской квартире, торжественно внесу ее в дом. Ее мне по-

дарил мой турецкий поклонник, очень крупный бизнесмен. Он долгое время был моим спонсором.

– *И, наверное, любовником?*

– Не поверите, за всё время ни разу даже за руку меня не взял. У нас с ним были платонические отношения. Он просто боготворил меня. При этом я была знакома с его супругой и детьми. Я была главной артисткой на праздниках, которые он устраивал. Представляете, я пою, а меня с ног до головы обсыпают долларами. Так у них принято подчеркивать уважение к гостю.

– *Так что там с тарелкой?*

– Она, во-первых, тонкой ручной работы, во-вторых, таких тарелок всего было изготовлено три штуки: одна из них у бывшего президента Киргизии Аскара Акаева, вторая была у Чингиза Айтматова, а третья – у меня. Завидуйте!

Маша: – Я взяла свою старенькую гитару.

Леон: – Я тоже взял гитару и свои любимые джинсы...

Вик: – Если преследуешь цель накопить бабла, купить машину и прочие ценности, то ты лох. Благо – это друзья. У меня никогда не было ситуаций, когда я с кем-то расставался, а потом встречался. В Москве я помирился с двумя близкими друзьями. В детстве мы были не разлей вода, но, приехав в Москву, мы потерялись. Сейчас мы дружим, и для меня это ценность. Если есть друзья – всё остальное будет, если ты не калека, конечно. Нет мозгов – считай, калека.

– *Скажите, какой самый необычный пункт в вашем райдере?*

Ая: – Отсутствие спиртных напитков в гримерной.

Дим: – Причем все поражаются: ведь мы играем такую, знаете,

рок-н-рольную музыку, а рок-н-рольщики непьющие – это нонсенс. Устроители наших концертов удивляются и говорят нам, что мы забыли включить в райдер наличие спиртных напитков, и сами добровольно приносят нам в гримерки виски и коньяк. И дико удивляются, когда мы отказываемся их употреблять внутрь.

Вик: – Мы, конечно, принимаем их дары, но потом раздариваем их своим друзьям и близким.

– *А вы что, реально не употребляете спиртное?*

Ая: – Ну почему же? Мы можем позволить пятьдесят грамм перед сном. Мы с Машкой можем выпить полбокальчика шампанского в честь какого-то праздника. Мы не «зашитые».

– *Вопрос к девушкам. Какой тип мужчины вас может заинтересовать?*

– Внешность, если честно, мне не важна. Скорее, мне приятны мужчины, сильные духом и с чувством юмора.

Маша: – А мне нравятся мужчины, способные приятно удивлять женщину своими поступками.

– Ая, вас в группе называют «девчонка-солдат». Вы и впрямь всегда вымуштрованная, всегда в строю и готовая первая кинуться на амбразуру...

Ая: – Да, я всегда готова (*смеется*).

– *Но мужчинам ведь больше нравятся слабые женщины?*

Спокойно и с некоторой грустью в голосе: – Вы не поверите, какая я слабая. Говорят ведь, что если человек жжет на сцене и в общении четко и ясно выражает свои мысли, то это жесткий человек, которому всё легко дается в жизни. Но я могу сказать, что вот Машка в плане характера сильнее меня раз в пятьдесят, честно. Я же могу от неустроенности и неуве-

Ая

ренности в себе порыдать или уйти ненадолго в депрессию. У меня это случается гораздо чаще, чем у кого-либо.

– Девчонки, а вас пытались, грубо говоря, купить?

Дим: – Было, что через устроителей богатенькие дядьки пытались заполучить внимание наших девушек в более неформальной обстановке.

– И что, удалось им добиться своего?

– Конечно же, нет. В принципе, во многом люди сейчас воспитанные, хоть и богатые, ха-ха. И поэтому после отказа наших девушек вопросов не возникло.

Ая: – Срабатывает наш с Машкой имидж. Конечно, мы не станем драться и строить из себя оскорбленных непристойным предложением девушек. К тому же желающих заполучить нас в «приват» пугает наша охрана, которая не даст нас в обиду ни за какие коврижки. У нас несколько иное воспитание, поймите.

– А если, скажем, купец пришелся вам по вкусу?

– Тогда мы найдем способ ре-

шить этот вопрос и без непристойностей. Придется им поухаживать.

– А предложения «уединиться» звучат для вас оскорбительно?

– Не то что да. Мне стало бы просто жаль того человека, который бы подошел и предложил за наше внимание деньги. Во-первых, я бы подумала, насколько он плохо разбирается в людях, во-вторых, насколько сильно у него половые инстинкты преобладают над умственными. Ведь всё можно сделать гораздо краше.

Маша: – Я уже не удивляюсь ничему, и теперь подобное меня не оскорбило бы. Но я бы отказалась, разумеется.

– А как у ребят обстоят дела с личной жизнью?

Вик: – Живу с девушкой полтора года под одной крышей. Это рекорд! Продолжаю жить, пока живу. Всё может поменяться в любой момент, но радуюсь тому, что есть. Пока не женат. Но не свободен.

Дим: – Я тоже не свободен.

– А кто из вас за время жизни в Москве устроил личную жизнь?

– У брата моего Леона родился замечательный малыш. Это гордость коллектива. А все остальные предпочитают не афишировать приватную жизнь.

– Ребята, всё равно вы несколько необычный коллектив. Не придерживаетесь известных схем пиара и раскрутки. О вас не ходят легенды, благодаря которым растет интерес публики к артистам. Вы принципиально отказываетесь от них или вам предлагают не очень достойных «уток»?

Все хором: – Мы не едим утятину!

**Беседу вел
Рамазан РАМАЗАНОВ**

Группа
«ГОРОД 312»